

БИБЛІОТЕКА ДЛЯ САМООБРАЗОВАНІЯ,

издаваемая подъ редакціей

А. С. Бѣлкина, проф. В. И. Вернадскаго, Н. Д. Виноградова, А. Э. Вормса, А. А. Кизветтера, П. Н. Милокова, проф. П. И. Новгородцева, В. Д. Соколова, проф. Н. А. Умова и проф. А. И. Чупрова.

ХІІ.

Фридрихъ Паульсенъ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ
РАЗВИТІЯ ОБРАЗОВАНІЯ
ВЪ ГЕРМАНІИ.

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ САМООБРАЗОВАНИЯ,

ИЗДАВАЕМАЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

А. С. Бѣлкина, проф. В. И. Вернадскаго, Н. Д. Вижкоградова, А. Э. Вормса, А. А. Кизеветтера, П. К. Милокова, проф. П. И. Новгородцева, В. Д. Соколова, проф. Н. А. Умова и проф. А. И. Чупрова.

Изданія Т-ва И. Д. Сытина.

ВЫШЛИ ВЪ СВѢТЪ:

- I Проф. В Минто Дедуктивная и индуктивная логика. Перев С А Котляревскаго, подъ редакцией В Н Ивановскаго XXIV+542 Ц. 1 р. 75 к. 5-е издание (13, 14 и 15 тысяч. экз).
- II История Греции со времени Пелопонесской войны Сборникъ статей. Перев подъ редакцией Н Н Шамонова и Д М Петрушевскаго Вып. I. XXVII+451+IV Вып II XX+502+VI. Ц. за оба вып. 3 р 50 к
- III Римская имперія. Сборникъ статей въ переводѣ А С Милоковой XX+667. Ц 2 р 50 к.
- IV И. Ремсень Введение въ изучение органической химии. Перев Н С Дренгельна, съ измѣненіями и дополненіями проф М И Коновалова XXVII+517 Ц 1 р 75 коп 3 е издание
- V Г Шенбергъ Положеніе труда въ промышленности. Перев М Соболева, подъ редакцией проф А И Чупрова XII+391+VI Ц 1 р 60 к
- VI Г. Гейдингъ Современная философія Перев А. П. Поливановой, подъ редакцией Д В Викторова XXIV+268+XX Ц. 1 р 30 к
- VII Б. Н. Чичеринъ Политическіе мыслители древняго и новаго міра Вып I. XIV+469 Вып. II 433 Ц. за оба вып 3 р. 50 к. (Распроданы)
- VIII И. Ремсень. Введение въ изучение химии (Неорганическая химія). Переводъ подъ редакцией проф М И Коновалова XXIV+537 Ц 1 р 75 к. 3-е издание, исправленное и дополненное.
- IX М Ферворнъ. Общая физиологія. Перев. проф М А Мензбира и Н А Иванцова Вып I, XX + 518 Вып. II VI+574. Ц за оба вып 4 р (Распроданы)
- X Ф Регельсбергеръ Общее учение о правѣ. Перев И А Базанова, подъ редакцией проф Ю С Гамбарова XIV+295. Ц 1 р 40 к. (Распродана)
- XI Магъ-Кендринъ и Снодграссъ Физиологія органовъ чувствъ Перев Н В Горюновича XX+413. Ц. 1 р. 75 к.
- XII. Фридрихъ Паульсенъ. Историческій очеркъ развитія образования въ Германіи Перев. подъ редакцией Н. В Сперанскаго. IV+336. Ц 1 р 30 к
- XIII. Русская история съ древнѣйшихъ временъ до Смутаго времени. Сборникъ статей, изд. подъ редакцией В Н Сторонсева. Вып I. XXVI+658. Ц 2 р. 75 к.
- XIV. Г. Лоренцъ. Элементы высшей математики. Основанія аналитической геометрии, дифференціальнаго и интегральнаго исчисленій и ихъ приложений къ естествознанію Переводъ съ дополненіями, измѣненіями и историческимъ очеркомъ развитія математическаго анализа В П Шереметевскаго Томъ I. XXXVI+751. Ц 3 р. 2-е изданіе.—Томъ II. XXIV+595 Ц 2 р. 50 к. 2-е издание Для покупающихъ оба тома вмѣстѣ—5 р.
- XV. А. Р. Уоллэсъ. Дарвинизмъ Съ портретомъ автора Перев проф. М А Мензбира, съ приложеніемъ его статьи А Уоллэсъ и его научное значеніе XL+753 Ц. 3 руб.
- XVI. Э. Порритъ. Современная Англія. Права и обязанности ея гражданъ. Перев О В Полторацкой XVI+368+XXII. Ц 1 р 60 к.
- XVII. Т Гексли и Г Мартинъ Практическія занятія по зоологіи и ботаникѣ. Съ 342 рис. въ текстѣ Перев И А Петровскаго, П П Сушкина и Н К Кольцова XXIV+762. Ц. 3 р 50 к.
- XVIII. История Римской республики по Моммсену. Перев Н Н Шамонова Вып. I XXIV+529 Ц. 2 р (Распродана)
- XIX. Б Н Чичеринъ О народномъ представительствѣ. XXVI+812 Ц 3 р
- XX Георгъ Майръ. Закономѣрность въ общественной жизни. Перев. Н Н Романова, просмотрѣнный и дополненный В Э Деномъ, подъ редакцией проф А И Чупрова Съ приложеніемъ диаграммъ и картограммъ XVIII+480 Цѣна 2 р. 25 к (Распродана).

- XXI **Н Лоньеръ** Спектроскопъ и его примѣненія. Перев. *С Г Займовскаго*, подъ редакцией и съ дополненіемъ очерка „О новѣйшемъ развитіи спектральныхъ изслѣдованій“ проф. *В А Михельсона*. Съ 85 рис. въ текстѣ и 3 цвѣтными спектральными таблицами. XX+234. Ц. 1 р. 75 к.
- XXII. **М А Ганчъ** Краткое руководство по стереохиміи. Перев. *З В Кикиной*, подъ редакцией проф. *М И Коновалова*. XXIV+246. Ц. 1 р.
- XXIII. **Г Грантъ** Грешя въ вѣкъ Перикла. Перев. подъ редакцией *Н Н Шамомина*. Съ рисунками. XXIV+358. Ц. 1 р. 60 к.
- XXIV. **М Фостеръ** и **Л Шоръ** Физиология для начинающихъ. Перев. *Д Д Бекарюкова*. Съ 111 рис. въ текстѣ. XXIII+330. Ц. 1 р. 50 к.
- XXV. **В Я Желъзновъ** Очерки политической экономіи. 6-е издание, исправленное и дополненное. XXIII+858. Ц. 2 р. 50 к.
- XXVI. **А. В. Дайси** Основы государственнаго права Англии. Перев. *О В Полторацкой*, подъ редакцией проф. *П Г Виноградова*. XXXVI+658. Ц. 2 р. 2-е издание.
- XXVII. **В. Ѡ Икономовъ**. Наканунѣ реформъ Петра Великаго. Очерки государственнаго, общественнаго и частнаго быта Московской Руси XVII вѣка. XXIII+304. Ц. 1 р. 25 к.
- XXVIII. **А. К. Роджерсъ**. Краткое введеіе въ исторію новой философіи. Перев. *С С Зелинскаго*, подъ редакцией *Ю И Айхенвальда*. XX+224. Ц. 1 р.
- XXIX. **Г. Гардъ** Преступникъ и преступленіе. Перев. *Е В Выставкиной*, подъ редакцией *М Н Гернета*, съ предисловіемъ *Н Н. Полянскаго*. XX+324. Ц. 1 р. 25 к.
- XXX. **А Берри** Краткая исторія астрономіи. Перев. *С Г Займовскаго*, подъ редакцией проф. *Р Ф Фогеля*. Съ 112 рис. и портретами. XXXIX+606. Ц. 2 р. 50 к.
- XXXIII. **Д Романсъ**. Духовная эволюція человѣка. Перев. *Е И Бошнякъ*, подъ редакцией *Н Д Виноградова*. XXV+618. Ц. 2 р.
- XXXIV. Проф. **Як Самойловъ** Введеіе въ кристаллографію. XXIV+209. Ц. 1 р. 25 к.

П Е Ч А Т А Ю Т С Я :

- XXXI **Анри Мишель** Идея государства. Перев. *П А Рождественскаго*
- XXXII. **Г. Гефдингъ**. Исторія философіи. Въ 2-хъ томахъ. Перев. *Д. В. Викторова*.
- XXXV **Сталло**. Понятія и теоріи современной физики. Перев. *Г А. Котляра*.
- XXXVI. Проф. **Дюгюи**. Конституціонное право. Перев. *В. А. Краснокутскаго*, *В. И. Сыромятникова* и *А. С. Яценко*.

Г О Т О В Я Т С Я К Ъ П Е Ч А Т И :

- XIII. Русская исторія съ древнѣйшихъ временъ до Смутаго времени. Сборникъ статей, подъ редакцией *В Н Сторожскаго*. Вып. II.
- XVIII. Исторія Римской республики по Моммсену. Перев. *Н Н Шамомина*. Вып. II.
- XXXVI **А. Гейки** Творцы геологіи. Перев. *С. Г. Займовскаго*

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ СЕРІЯ:

- I. **Карль Федернъ** Данте. Перев. *В М Спаской*, подъ редакцией *М Н Розонова*. Съ многочисленными иллюстраціями.

БРОШЮРНАЯ СЕРІЯ:

ВЫШЛИ ВЪ СВѢТЪ:

- I. **В. Крунсъ.** О происхожденіи химическихъ элементовъ. Перев. *А. В. Генерозова*, подъ редакціей и съ предисловіемъ проф. *М. И. Коновалова*. XVI+49. Ц. 50 к.
- II. Проф. **М. И. Коноваловъ.** Практическія занятія по общей химіи. XXIII+98. Ц. 50 к.
- III. **Р. Штаммлеръ.** Задачи права и правовѣдѣнія. Перев. *В. А. Краснокутскаго*. XX+144. Ц. 65 к.
- IV. **Г. Еллиненъ.** Декларация правъ челоѣка и гражданина. Перев. подъ редакціи *А. Э. Вормса*. 3-е изданіе, дополненное. XX+86. Ц. 40 к.
- V. **Ф. Гизель.** О радиоактивныхъ веществахъ и ихъ лучахъ. Перев. *А. Е. Чичибабина*, подъ ред. проф. *М. И. Коновалова*. XVI+48. Ц. 35 к.
- VI. **И. Кантъ.** Вѣчный миръ. Перев. студентовъ *С. М. Роговина* и *Б. В. Чредина*, подъ ред. проф. гр. *Л. А. Камаровскаго*. XXIV+73. Ц. 40 к.

Изданія И. А. Баландина.

- I. **Е. Вармингъ.** Ойкологическая географія растений. Перев. подъ ред. прив.-доцентовъ *М. Голенкина* и *В. Арнольди*. Съ дополненіями по русской флорѣ и 100 рис. въ текстѣ. XXII+522. Ц. 3 р. 50 к.
- II. **А. Бэнъ.** Психологія. Перев. подъ редакціей и съ предисловіемъ прив.-доцента *А. Вязкина*. Томъ I Съ 13 рис. въ текстѣ. XXII+417. Ц. 2 р.
- III. **А. Фишеръ.** Лекціи о бактеріяхъ. Перев. *А. В. Генерозова*, съ предисловіемъ и статьей: „Дыханіе и броженіе“ проф. *Н. Н. Худякова*. 29 рис. въ текстѣ XVI+229+V+20. Ц. 1 р. 60 к.

КОМИССІЯ

ПО ОРГАНИЗАЦИИ ДОМАШНЯГО ЧТЕНІЯ,

состоящая при Учебномъ Отдѣлѣ О. Р. Т. З.

Удостоена серебряной медали на всемірной выставкѣ
въ Парижѣ 1900 г.

Москва, Маросейка, М. Успенскій пер., д. № 3. Телеф. № 136—27.

Программы домашняго чтенія на 1-й годъ систематическаго курса.

Изданіе восьмое, исправленное и дополненное.

Содержаніе: Предисловіе. — Правила для сношеній читателей съ Комиссіей. — Составъ Комиссіи и списокъ пожертвованій въ ея пользу. — Планы систематическаго чтенія на четыре года. — Программы на 1-й годъ.

I Математика 1) Курсъ общеобразовательный (аналитическая геометрія), 2) курсъ специальный (элементарная математика) **II Науки физико-химическія** 1) физика (механически отдѣлъ, учене о теплотѣ звукѣ и свѣтѣ), 2) химія (введеніе и неорганическая химія) **III Науки биологическія** введеніе, органиграфія пѣвтковыхъ растений и учене объ устройствѣ человѣческаго гѣла **IV Науки философскія** программа первая (психологія и логика), программа вторая (логика) **V Науки общественно-юридическія** 1) исторія и строение общества, 2) политическая экономія, **VI Исторія** 1) первобытная культура, 2) древній Востокъ, 3) Греція, 4) Римъ **VII Исторія литературы** греческая и римская **Списокъ книжныхъ магазиновъ и библиотекъ**, вошедшихъ въ соглашеніе съ Комиссіею относительно снабженія ея читателей книгами **Объявленія**

Цѣна 35 к., съ пересылкой—48 к., наложеннымъ платежомъ—65 к.

Программы домашняго чтенія на 2-й годъ систематическаго курса

Издание третье исправленное и дополненное

Содержаніе: Предисловіе — Правила для сношеній читателей съ Комиссіею — Составъ Комиссіи и списокъ пожертвованій въ ея пользу — Планы систематическаго чтенія на четыре года — Программы на 2-й годъ.

I Математика 1) курсъ общеобразовательный (дифференціальное и интегральное счисленія), 2) курсъ специальный (аналитическая геометрія) **II Науки физико-химическія** 1) физика (учене объ электричествѣ и магнетизмѣ), 2) химія органическая, химія теоретическая и физическая **III Науки биологическія** 1) анатомія растений, 2) спорыя растения, 3) сравнительная анатомія животныхъ, 4) гистологія и эмбриологія животныхъ **IV Науки философскія** программа первая (исторія философіи), программа вторая (психологія съ педагогикой) **V Науки общественно-юридическія** 1) общее учене о правѣ, 2) государственное право (общее западныхъ державъ и русское), 3) экономическая исторія Англии **VI Исторія** 1) всеобщая (Средне вѣка), 2) русская (до Смутнаго времени) **VII Исторія литературы** 1) всеобщая литература (Средне вѣка и эпоха Возрожденія), 2) русская литература (до XVII вѣка) **Списокъ книжныхъ магазиновъ и библиотекъ**, вошедшихъ въ соглашеніе съ Комиссіею относительно снабженія ея читателей книгами **Объявленія**

Цѣна 45 к., съ пересылкой—60 к., наложеннымъ платежомъ—77 к.

Программы домашняго чтенія на 3-й годъ систематическаго курса.

Издание третье, исправленное и дополненное.

Содержаніе. Предисловіе — Правила для сношеній читателей съ Комиссіею. — Составъ Комиссіи и списокъ пожертвованій въ ея пользу. — Планы систематическаго чтенія на четыре года. — Программы на 3-й годъ.

I Науки математическія **II Науки о природѣ неорганизованной** (физико-химическія) А Астрономія Б Метеорологія и климатологія **III Науки о природѣ организованной** (биологическія) А Общая физиологія Б Физиологія растений В Физіологія животныхъ **IV Науки философскія** программа первая (теорія познанія и метфизика), программа вторая (исторія древней и средневѣковой философіи) **V Науки общественно-юридическія** 1) экономическая исторія Россіи, 2) экономія сельскаго хозяйства, 3) экономія промышленности, 4) экономія торговли, 5) гражданское право, 6) уголовное право **VI Исторія** 1) всеобщая исторія (XVI, XVII и XVIII вв.) Программа А Программа Б, 2) русская исторія XVII и XVIII вв.) **VII Исторія литературы** 1) всеобщая литература А Испанская литература (XVII и XVIII вв.) Б Английская литература (XVII и XVIII вв.) В Итальянская литература (XVII и XVIII вв.) Г Вѣтъ ложнаго

классицизма во Франции Д Французская литература (XVIII в) Е Немецкая литература (XVII в) Ж Немецкая литература (XVIII в), 2) Русская литература XVIII в Программы чтения по отдельным наукам Этнография Чтение по отдельным вопросам (темам). Отдельные темы по общественным наукам. Приложение Параллельная программа по экономике сельского хозяйства Дополнительный список пособия Список книжных магазинов и библиотек, вошедших в соглашение с Комиссией относительно снабжения ее читателей книгами. Объявления

Цѣна 60 к., съ пересылкой—85 к., наложеннымъ платежомъ—95 к.

Программа домашнего чтения на 4-й годъ систематическаго курса.

Издание третье, исправленное и дополненное.

Содержаніе: Предисловіе. — Правила для спосеній читателей съ Комиссией. — Составъ Комиссии и списокъ пожертвованій въ ея пользу — Планы систематическаго чтения на четыре года. — Программы на 4-й годъ.

I Математика (спеціальныи курсъ) Теоретическая механика. II Науки физико-химическія Динамическая геология III Науки биологическія А Палеонгология. Б Бюгеография. В Теория эволюціи и дарвинизмъ Г. Самостоятельныя научныя работы по ботаникѣ IV Науки философскія программа первая (этика), программа вторая (история новой философіи) Темы для письменныхъ работъ по истории новой философіи V Науки общественно-юридическія Международное право. Соціальная политика Финансовая наука VI История 1) Всеобщая история (эпоха французской революціи и XIX вѣкъ) Программа А (почная) Программа Б (сокращенная), 2) русская история (XIX вѣкъ) VII История литературы Всеобщая литература А Немецкая литература XIX в Б Французская литература XIX в В Английская литература XIX в Г Итальянская литература XIX в Д Русская литература XIX вѣка. Списокъ книжныхъ магазиновъ и библиотекъ, вошедшихъ въ соглашение съ Комиссией относительно снабженія ея читателей книгами Объявленія

Цѣна 60 к., съ пересылкой—74 к., наложеннымъ платежомъ—91 к.

Эпизодическія программы.

Серія I. Содержаніе: „Пирамида“ (Древній Египетъ). М. О. Гершензона. — „Средневѣковый городъ“. А. К. Дзиселегова. — „Исторія французской революціи“. М. П. Коваленскаго. — „Смутное время въ Московскомъ государствѣ“. Н. Н. Алябьева. — „Исторія кодификаціи гражданскаго права въ Россіи“. В. А. Краснокутскаго и К. Б. Нотгафта. — „Растительныя сообщества“ Средней Россіи“. А. Ѳ. Флерова. — „Валленштейнъ“ Шиллера А. Ѳ. Лютера. — „Байронъ и его время“. П. С. Когана. — „Новгородскія былины“. Н. М. Мендельсона. — „Городское хозяйство и городскіе финансы“ П. П. Гензеля. — „Факторы преступности“. Н. Н. Полянскаго. — „Основы судебной реформы 1864 г. — Россіи“. С. В. Позднышева. — „Вопросъ о смертной казни въ старой и новой литературѣ“. С. В. Позднышева. Изданіе 2-е. Цѣна 20 к., съ перес. — 31 к., налож. платежомъ—41 к.

Серія II. Содержаніе. „Корея“. А. А. Борзова. — „Японія“ М. Н. Коваленскаго и С. Г. Григорьева. — „Право войны“. С. А. Яценко — „Средневѣковая история Англіи“. Д. М. Петру-

шевскаго. — „Горе отъ ума“ Грибоѣдова. *Ю. И. Айхенвальда.* — „Анна Каренина“, романъ гр. Л. Н. Толстого. *И. Н. Розанова.* — „Дарвинизмъ“. *Н. К. Кольцова* Цѣна 15 к., съ перес.—19 к. налож. платежомъ—36 к.

Сборникъ программъ для чтенія по вопросамъ государственнаго строя.

Содержаніе: Предисловіе. Ч. I. Историческія программы—1) Программы по всеобщей исторіи и 2) Программы по русской исторіи. Ч. II. Программы по вопросамъ государственнаго строя—I. Общая часть. 1. Общее учение о правѣ. 2. Исторія философіи права. 3. Государственное право: а) Общее государственное право, б) Государственное право западныхъ державъ и в) Русское государственное право. II. Отдѣльныя программы: 1. Общее учение о государствѣ. 2. Государственныя формы. 3. Правовое государство. 4. Раздѣленіе властей. 5. Судъ въ правовомъ государствѣ. 6. Земское самоуправленіе. 7. Политика Аристотеля. 8. Средневѣковая исторія Англии. 9. Старый порядокъ и революція. 10. Земскіе соборы. 11. Планъ государственнаго преобразованія Сперанскаго и 12. Добавочный списокъ пособій къ программамъ №№ 1, 2 и 3. Цѣна 50 к., съ пересылкой—68 к., наложеннымъ платежомъ—85 к.

Отчетъ Комиссии по организаціи домашняго чтенія за 1896 г. съ приложеніемъ статистическихъ матеріаловъ объ ея дѣятельности за 1895 и 1896 гг. Ц 30 к, съ пересылкой—43 к, налож. платежомъ—53 к

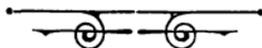
А. В. Горбуновъ Одинъ изъ опытовъ University Extension въ Россіи. Отчетъ о дѣятельности Комиссии за 1897 г. Цѣна 15 к., съ пересылкой—17 к.

„Памяти **Ө. И. Буслаева**“. Съ портретомъ еіо. Изд. Учебн. Отд. Общ. Распростр. Технич. Знаній. М. 1898 г. Цѣна 75 к.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія книга эта рекомендована для фундаментальныхъ и ученическихъ, старшаго возраста, библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, для библиотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій, для учительскихъ библиотекъ низшихъ училищъ и для бесплатныхъ народныхъ читаленъ

„Тридцать лѣтъ жизни Учебнаго Отдѣла Общества Распространенія Техническихъ Знаній“. Съ 5 портретами и 15 биографіями. Составилъ **А. Е. Грузинскій.** М. 1902 г. Ц. 1 р.

СКЛАДЪ ИЗДАНИЙ при Учебномъ Отдѣлѣ: Москва, Маросейка, М. Успенскій пер., д. № 3 Телефонъ № 136—27.

Фридрихъ Паульсенъ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

РАЗВИТІЯ ОБРАЗОВАНІЯ ВЪ ГЕРМАНИИ.

Переводъ подъ редакціей

Н. В. Сперанскаго.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая ул., свой домъ.
МОСКВА. — 1908.

ОТЪ РЕДАКЦИИ «БИБЛИОТЕКИ ДЛЯ САМООБРАЗОВАНИЯ».

За послѣднія десятилѣтія въ русскомъ обществѣ замѣчается несомнѣнное усиленіе интереса къ самообразованію. Оживленіе издательской дѣятельности, устройство въ провинціи курсовъ и публичныхъ лекцій, появленіе кружковъ специалистовъ, ставящихъ своей задачей помощь самообразованію,—все это дѣлаетъ очевиднымъ, что потребность въ серіозномъ чтеніи сознается у насъ все болѣе расширяющимися общественными кругами. Къ сожалѣнію, популяризація знаній, необходимыхъ для всякаго образованнаго человѣка, все еще далеко не идетъ вровень съ этимъ быстрымъ усиленіемъ спроса на чтеніе со стороны жаждущей просвѣщенія публики. Оригинальныхъ популяризаторовъ у насъ еще слишкомъ мало, а выборъ переводныхъ произведеній далеко не всегда дѣлается лицами, которыя соединяли бы въ себѣ пониманіе потребностей современнаго русскаго читателя съ хорошимъ знаніемъ иностранной популярной литературы. Отъ этого на нашемъ книжномъ рынкѣ такъ часто появляются книги, нужныя только тѣмъ, кто могъ бы прочесть ихъ и въ иностранномъ подлинникѣ, и, наоборотъ, многихъ книгъ, которыя были бы нужны всякому

образованному человѣку, на русскомъ языкѣ не существуетъ. Въ результатѣ одинаково страдаютъ и интересы издателей и интересы читающей публики.

Въ послѣднее время, однако, въ издательское дѣло замѣтно проникла свѣжая струя. Старыя и вновь возникающія фирмы издають множество популярныхъ книгъ для чтенія и самообразованія. Къ этого рода изданіямъ принадлежитъ и «Библиотека для самообразованія». Но среди другихъ подобныхъ изданій она занимаетъ свое особое мѣсто въ связи съ той спеціальной цѣлью, которую она преслѣдуетъ. Эту цѣль, долженствующую сообщить всѣмъ выпускамъ «Библиотеки для самообразованія» нѣкоторое внутреннее единство, редакція считаетъ нужнымъ особенно подчеркнуть.

«Библиотека для самообразованія» находится въ самой тѣсной связи съ московской «Комиссіей по организаціи домашняго чтенія», начавшей свою дѣятельность при «Учебномъ Отдѣлѣ Общества Распространенія Техническихъ Знаній» въ 1893 году, и редакторы «Библиотеки для самообразованія» обыкновенно состоятъ членами Комиссіи.

Составляя свои «программы» систематическаго чтенія, Комиссія, какъ видно изъ ея проспекта, имѣетъ въ виду соединить общедоступность чтенія съ его серьезностью и основательностью. Съ этой цѣлью въ каждой программѣ указанъ тотъ *необходимый минимумъ* познаній, безъ усвоенія котораго ознакомленіе съ соответствующимъ отдѣломъ науки нельзя признать сколько-нибудь основательнымъ. *Всѣ* книги, необходимыя для пріобрѣтенія такого минимума познаній, указаны *на русскомъ языкѣ*, и почти всѣ онѣ доставляются читателямъ Комиссіей на льготныхъ

умовляхъ (см. «Правила для сношеній съ Комиссіей», перепечатанныя въ концѣ настоящаго тома). Относительно способа усвоенія *необходимыхъ* пособій даны въ программахъ ближайшія указанія. Всѣ указанія Комиссіи дѣлаются такъ, чтобы ими могли воспользоваться лица трехъ категорій: 1) лица, вовсе не имѣвшія возможности приобрести правильнаго средняго образованія, но болѣе или менѣе привыкшія читать серіозныя книги популярно-научнаго содержанія; 2) лица, окончившія курсъ средней школы, но не получившія высшаго образованія, и 3) лица, окончившія высшую школу, которыя пожелали бы съ помощью Комиссіи освѣжить забытыя знанія, пополнить пробѣлы или приобрести новыя свѣдѣнія въ незнакомыхъ имъ отдѣлахъ наукъ. При составленіи «программъ» Комиссія имѣла въ виду нѣкоторый средній уровень читателей. Этотъ средній уровень характеризуется въ глазахъ Комиссіи не столько количествомъ приобретенныхъ свѣдѣній, сколько известной привычкой къ серіозному чтенію. Умѣнье читать серіозную книгу есть необходимое условіе успѣшности самообразованія. Къ сожалѣнію, это умѣнье принадлежитъ къ числу навыковъ, которые трудно передать съ помощью однихъ письменныхъ сношеній. Комиссіи поневолѣ приходится предполагать, что у ея читателей этотъ навыкъ уже приобретенъ.

Содержаніе книжекъ, издаваемыхъ въ «Библіотекѣ для самообразованія», находится въ прямой зависимости отъ намѣченныхъ Комиссіей цѣлей, какъ онѣ охарактеризованы въ приведенныхъ выдержкахъ изъ ея проспекта. Редакція «Библіотеки для самообразованія» вводитъ въ свою серію только такія книги.

изъ которыхъ каждая даетъ необходимый минимумъ познаній, безъ усвоенія котораго ознакомленіе съ соотвѣтствующимъ отдѣломъ науки нельзя признать сколько-нибудь основательнымъ. Другими словами, «Библиотека для самообразованія» состоитъ изъ ряда пособій, признанныхъ Комиссіей «необходимыми» для усвоенія ея «программъ», но не существовавшихъ до сихъ поръ въ русской популярной литературѣ или же вышедшихъ изъ продажи, а также изданныхъ въ неудовлетворительномъ переводѣ. Съ подобными пробѣлами постоянно принуждена считаться всякая программа для самообразованія. При томъ, чѣмъ она общѣе и энциклопедичнѣе, тѣмъ пробѣловъ оказывается больше, и тѣмъ необходимѣе становится создать литературу, специально приспособленную для самообразовательныхъ цѣлей, какъ ихъ ставить та или другая программа. Англійскія и американскія общества содѣйствія самообразованію давно уже стали на этотъ путь — созданія специально приспособленныхъ къ программамъ пособій. Подборъ такихъ пособій и представляетъ «Библиотека для самообразованія». Въ тѣхъ случаяхъ, когда въ заграничной популярной литературѣ имѣются вполне подходящія сочиненія, редація издаетъ переводы ихъ; если же подходящихъ пособій не имѣется, то редація издаетъ сборники, хрестоматіи, компиляціи или оригинальныя произведенія, приспособленныя къ программамъ Комиссіи. Такимъ образомъ, для руководителей «домашняго чтенія» и ихъ читателей облегчается зависимость отъ случайнаго наличнаго состава популярной литературы, имѣющейся на русскомъ языкѣ; а читающая публика вообще получаетъ рядъ общедоступныхъ руко-

водствѣ по всѣмъ отраслямъ общеобразовательныхъ знаній.

Благодаря содѣйствию издательской фирмы Т-ва И. Д. Сытина, редакція имѣетъ возможность придать книжкамъ «Библиотеки для самообразованія» внѣшній видъ, соотвѣтствующій европейскимъ изданіямъ этого рода, не поднимая въ то же время цѣны изданія выше обыкновенной. Соотвѣтствующій форматъ и прочный переплетъ должны отвѣчать назначенію «Библиотеки для самообразованія», цѣль которой — дать рядъ основныхъ пособій, предназначенныхъ для постояннаго употребленія.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

Отъ редактора русскаго перевода	<i>Стр.</i>
Предисловіе автора	XIX
	. XXIII

К н и г а п е р в а я.

Строй образованія въ средніе вѣка.

ГЛАВА I. Общая характеристика	3
ГЛАВА II. Первая половина среднихъ вѣковъ.—Монастырскія, соборныя и капитулярныя школы (600—1200)	11
ГЛАВА III. Вторая половина среднихъ вѣковъ.—Университеты и городскія школы (1200—1500).	22

К н и г а в т о р а я.

Эпоха Возрожденія и Реформаціи.

ГЛАВА I. Общія тенденціи новой эпохи.	43
ГЛАВА II. Ходъ историческаго развитія и руководящія личности Возрожденія и Реформаціи .	55
ГЛАВА III. Организація школьнаго дѣла около 1600 г.	67

К н и г а т р е т ь я.

Эпоха придворнаго образованія въ духѣ современности съ преобладаніемъ французскаго вліянія.

ГЛАВА I. Господствующія тенденціи эпохи и новый идеаль образованія	105
--	-----

XVIII

	<i>Стр.</i>
ГЛАВА II. Проникновеніе новыхъ тенденцій въ школьное дѣло	124
ГЛАВА III. Новый идейный міръ на исходѣ XVIII столѣтія	167

Книга четвертая.

Девятнадцатый вѣкъ.

ГЛАВА I. Общія условія времени и господствующія тенденціи	187
ГЛАВА II. Развитие образованія въ XIX столѣтіи	199
ГЛАВА III. Итоги и перспективы	298
Важнѣйшія пособія	331

Отъ редактора русскаго перевода.

Предлагаемая вниманію русской публики новая работа Фр. Паульсена «Das deutsche Bildungswesen in seiner geschichtlichen Entwicklung» входитъ въ составъ извѣстной нѣмецкой научно-популярной библіотеки «Aus Natur und Geisteswelt» (Teubner, Leipzig-Berlin).

Въ указанномъ нѣмецкомъ изданіи подобной книгѣ по праву надо отводить одно изъ первыхъ мѣстъ. Для каждаго образованнаго нѣмца прошлыя судьбы образованности въ родной странѣ безспорно представляютъ высокій интересъ. Но есть ли поводы включать исторію нѣмецкаго образованія въ русскую «Библіотеку для самообразованія»?

На это слѣдуетъ дать безусловно утвердительный отвѣтъ.

Большую часть своей книги Паульсенъ посвящаетъ исторіи педагогическихъ идеаловъ, школьной политики и образовательныхъ учреждений въ Германіи съ XVIII вѣка до нашихъ дней. Но кто же не знаетъ, какими безчисленными нитями исторія русской образованности за это время сплетается съ нѣмецкой? Читая у Паульсена про историческую роль университета въ Галле, кто же не вспомнитъ, что у одного изъ самыхъ крупныхъ представителей этого университета, у Христіана Вольфа, во время его вынужден-

наго пребыванія въ Марбургѣ, учился создатель
перваго изъ русскихъ университетовъ, Ломоносовъ?
Или при характеристикѣ стараго гёттингенскаго уни-
верситета кому не вспомнится у Пушкина

Владиміръ Ленскій
Съ душою прямо гёттингенской.

Борьба же за принципы, положенные Вильгель-
момъ Гумбольдтомъ въ основу берлинскаго универ-
ситета и воспроизведенные въ нашемъ университет-
скомъ уставѣ 1863 года, до сихъ поръ составляетъ
у насъ, въ Россіи, злобу дня. До сихъ поръ намъ
приходится разъяснять, какая глубокая истина за-
ключается въ томъ, что Гумбольдтъ сто лѣтъ тому
назадъ внушалъ съ такимъ успѣхомъ правительству
своей родной страны. «Государство не должно отно-
ситься къ университетамъ ни какъ къ гимназіямъ,
ни какъ къ спеціальнымъ школамъ. Оно вообще не
должно ничего требовать отъ нихъ непосредственно
для себя, а должно проникнуться тѣмъ внутреннимъ
убѣжденіемъ, что, достигая своихъ конечныхъ цѣлей,
университеты тѣмъ самымъ отвѣчаютъ и его конеч-
нымъ цѣлямъ—и отвѣчаютъ съ высшей точки зрѣнія,
откуда открывается гораздо болѣе широкой гори-
зонтъ, при чемъ въ ихъ распоряженіи находятся та-
кіе рычаги и силы, какими не располагаетъ само
государство».—А область средняго образованія? Какъ
можно оцѣнить по достоинству Толстовскую класси-
ческую систему, списокъ съ нѣмецкаго, оригинала,
если не познакомиться поближе съ самимъ оригина-
ломъ? И какъ намъ могутъ быть не интересны школь-
ные сѣзды 1890 и 1900 годовъ, когда они стреми-
лись выпутать нѣмецкую школу изъ тѣхъ же сѣтей,

куда слѣдомъ за нею попала и наша?—То же самое приходится повторить и въ примѣненіи къ народному образованію. Кто сколько-нибудь знакомъ съ исторіей нашихъ учительскихъ семинарій, тотъ, несомнѣнно, найдетъ весьма поучительными Штилевы «Регулятивы» 1854 года, гдѣ изъ страха передъ «чрезмѣрнымъ образованіемъ» нѣмецкимъ семинаріямъ воспрещалось доводить будущихъ народныхъ учителей въ математической наукѣ даже до извлеченія квадратнаго корня и до десятичныхъ дробей. Да не безъ интереса прочтетъ русскій читатель и приговоръ, который вынесла подобной школьной политикѣ современная Германія съ ея теперешними семинаріями, стремящимися обратить cadaго своего воспитанника въ самостоятелно мыслящаго человѣка. «Государство, у котораго совѣсть чиста, которое само вѣритъ въ себя и въ свою цѣнность, вѣритъ и въ народъ. И наоборотъ: если государство само въ себя плохо вѣритъ, оно труситъ и собственныхъ своихъ подданныхъ».

Что касается болѣе раннихъ періодовъ въ развитіи нѣмецкой образованности — среднихъ вѣковъ, эпохи Возрожденія, эпохи Реформаціи и времени господства придворнаго «галантнаго» идеала,—то при широкой точкѣ зрѣнія, съ которой ихъ рисуетъ Паульсенъ, знакомство съ этой частью его работы обращается въ знакомство съ главными этапами общаго интеллектуальнаго развитія Европы, — предметъ, который опять — таки нельзя признать не подходящимъ для русской «Библиотеки для самообразованія».

Какъ авторъ исполнилъ свою задачу — объ этомъ нѣтъ надобности распространяться. Имя Фр. Пауль-

сена слишкомъ извѣстно, и труды его по исторіи школы не нуждаются ни въ чьей рекомендаціи.

Русскій переводъ книги исполненъ гг. Л. Д. Жбанковымъ и Ал. Витинымъ. Редакторъ съ своей стороны постарался, по возможности, сгладить тѣ неровности языка, которыя являются неизбѣжнымъ недостаткомъ всякаго коллективнаго перевода.

Н. Сперанскій.

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА.

Я очень охотно принялъ предложеніе издателей представить въ одной изъ книжекъ выпускаемой ими научно-популярной бібліотеки историческій очеркъ развитія образованія въ Германіи, считая вполне возможнымъ даже въ столь тѣсныхъ рамкахъ исполнить эту задачу такъ, чтобы это посодѣйствовало не только знакомству съ прошлымъ, но также правильной оцѣнкѣ настоящаго и установленію видовъ на будущее. Конечно, такой набросокъ никакъ не можетъ имѣть той привлекательности, какъ нарисованная широкой кистью картина съ изображеніемъ личностей и быта. Зато въ немъ есть и преимущества: въ немъ рѣзче выступаютъ главныя линіи, по которымъ идетъ движеніе, что побуждаетъ мысленно проводить ихъ дальше, заглядывая въ будущее. Этимъ путемъ исторія образовательныхъ учрежденій, которая такъ склонна расплываться въ безбрежную ширь или превращаться въ безцѣльныя архивныя раскопки, быть-можетъ, окажется способной сослужить службу и современной образовательной политикѣ. И если, при такомъ пониманіи своей задачи, я кратко говорю о раннихъ временахъ и становлюсь все болѣе и болѣе подробнымъ по мѣрѣ приближенія къ современности, то врядъ ли кто меня за это упрекнетъ.

Основная моя историческая точка зрѣнія такова: образовательныя учрежденія не обладаютъ само-

стоятельнымъ движеніемъ, ходъ ихъ развитія обусловливается всегда глубокими теченіями общей культурной жизни. Согласно этому, я всюду прилагаю особое стараніе, чтобы какъ можно отчетливѣе и яснѣе характеризовать подобныя общекультурныя тенденціи и ихъ вліяніе на укладъ школы. Входить при этомъ въ частности педагогическихъ идей, школьныхъ уставовъ, учебныхъ плановъ и техническаго веденія дѣла и отмѣчать особенности въ отношеніи отдѣльныхъ нѣмецкихъ территорій было, само собою разумѣется, невысказано: тогда пришлось бы обратить книжку сплошь въ сухой конспектъ. Я же былъ бы очень радъ, если бы читатели мои нашли, что въ предлагаемомъ имъ очеркѣ судьбъ нѣмецкаго образованія, какъ въ зеркалѣ, отражается въ уменьшенномъ видѣ вся картина культурнаго развитія нашего народа.

Фридрихъ Паульсенъ.

КНИГА I.

СТРОИ ОБРАЗОВАНІЯ ВЪ СРЕДНІЕ
ВѢКА.

ГЛАВА I.

Общая характеристика средневѣкового образовательнаго строя.

Если мы попробуемъ охарактеризовать великія эпохи европейской культурной исторіи съ точки зрѣнія развитія образованія, то съ извѣстной узостью и односторонностью, вполне простительными въ подобномъ случаѣ, мы можемъ представить дѣло такъ: классическая древность образовываетъ индивидуума для государства, средніе вѣка — для церкви, новое время — для самого индивидуума.

Въ древности государство, суверенная городская община, является надъ всѣмъ царящей формой жизни. Согласно этому, сама собой разумѣется и задача воспитанія: давать городу юношество, способное дѣятельно служить ему въ военное и въ мирное время и тѣмъ поддерживать непрерывность его существованія. Только такимъ путемъ индивидуумъ и личную свою жизнь наполняетъ болѣе высокимъ содержаніемъ. Это общественное служеніе возноситъ его въ сферу общаго и вѣчнаго: служба городу, онъ въ то же время служитъ его богамъ.

Въ средніе вѣка всеобъемлющей и всеподчиняющей формой исторической жизни является церковь. Согласно этому, образованіе юношества, какъ

само собою разумѣется, можетъ имѣть только одну задачу: приобщить подрастающее поколѣніе къ церковно-религіозной жизни и такимъ путемъ осуществить его послѣднее и высшее назначеніе—стать гражданами вѣчнаго царствія Божія.

Въ новое время государство возвышается до степени самостоятельной силы, передъ которой, въ концѣ-концовъ, должна была склониться сама церковь; антагонизмъ этихъ обѣихъ объективныхъ жизненныхъ силъ далъ индивидууму возможность создать себѣ болѣе самостоятельное существованіе. Развитіе свободной, внутренне суверенной личности, — таково главное содержаніе новой исторіи, начиная съ эпохи Возрожденія и Реформаціи. Согласно этому, и образованіе юношества все болѣе и болѣе проникается соответственными тенденціями: свободное, разумное, самоопредѣляющееся человѣческое существо все болѣе и болѣе становится господствующимъ идеаломъ образованія.

Переходя къ ближайшему знакомству со строемъ образовательныхъ учрежденій въ средніе вѣка, мы прежде всего отмѣтимъ, что царственное положеніе церкви, основанной на вѣрѣ въ нездѣшній міръ, на трансцендентной религіи, ясно выступаетъ въ двухъ пунктахъ. Во-первыхъ, общее воспитаніе, духовно-нравственное образованіе всего общества, а слѣдовательно, и юношества, насквозь проникнуто церковно-религіознымъ духомъ; это — воспитаніе церковью для церкви, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для вѣчности. Во-вторыхъ, особыя общественныя учрежденія для образованія и воспитанія существуютъ лишь для одного сословія—клерикальнаго. Лишь одно духовенство—черное и бѣлое—даетъ и получаетъ не-

обходимую для жизни подготовку въ общественныхъ учрежденіяхъ. Для мірянъ не существуетъ никакихъ особыхъ школъ; слабыя зачатки ихъ появляются впервые только на исходѣ среднихъ вѣковъ; до того же времени міряне пользуются только своего рода правомъ гостепріимства въ клерикальныхъ учрежденіяхъ, подчиняясь, какъ гости, тому домашнему праву, которымъ клиръ нормировалъ форму и содержаніе преподаванія и дисциплины.

Строй школьнаго дѣла тѣснѣйшимъ образомъ связанъ со всей структурой средневѣкового общества. Основное дѣленіе этого общества есть дѣленіе на клиръ и на мірянъ. Клиръ, въ свою очередь, распадается на черное и бѣлое духовенство; въ массѣ мірянъ также происходитъ постепенный процессъ разслоенія: изъ нея мало-по-малу выдѣляется профессионально-военный и землевладѣльческій классъ рыцарей, которому противопоставляется крестьянство; въ послѣднія столѣтія, съ ростомъ городовъ, обособляется еще, какъ самостоятельное профессиональное цѣлое, сословіе горожанъ.

Изъ этихъ четырехъ сословій первое мѣсто занимаетъ духовенство. Ему принадлежитъ руководство жизнью въ цѣломъ и, во всякомъ случаѣ, неоспоримое руководство духовной жизнью; оно опредѣляетъ вѣру и нравы, оно держитъ въ своихъ рукахъ дѣло наставленія и попеченія о душахъ. Для этого сословія планомѣрное профессиональное образованіе необходимо: науки и искусства, потребныя въ его профессіи, начиная съ самыхъ элементарныхъ — искусства чтенія и письма—и кончая самыми сложными—искусствомъ толкованія Откровенія въ Св. писаніи и руководства душами согласно волѣ Божіей —

могутъ пріобрѣтаться только путемъ систематическаго школьнаго обученія. Къ этому присоединяется далѣе еще то особое обстоятельство, что всѣ эти науки, какъ техническія, служебныя, такъ и догматическія, являвшіяся конечной цѣлью всѣхъ занятій, изложены на чужомъ языкѣ — языкѣ римской церкви, при чемъ эта послѣдняя, въ свою очередь, должна была отсылать еще къ другимъ языкамъ—къ греческому и еврейскому, какъ нарѣчіямъ, на которыхъ первоначально были написаны священныя книги. Такимъ образомъ духовенство становится ученымъ сословіемъ; даже для самыхъ низшихъ представителей его извѣстная доля ученаго образованія — нѣкоторое пониманіе Св. писанія и церковнаго языка, въ соединеніи съ умѣньемъ пѣть и отправлять церковныя службы—является необходимостью. Изъ этой потребности возникли монастырскія, соборныя и капитулярныя школы среднихъ вѣковъ.

Напротивъ, второе изъ средневѣковыхъ сословій, свѣтское владѣльческое сословіе, не нуждалось по тогдашнимъ взглядамъ для профессиональной подготовки въ особыхъ общественныхъ учрежденіяхъ. Военное искусство и искусство свѣтскаго управленія сами по себѣ, можетъ-быть, менѣе поддаются школьному изученію, чѣмъ искусства, необходимыя священнику и учителю; во всякомъ случаѣ, въ то время эти искусства пріобрѣтались больше практикой, начинавшейся съ самыхъ раннихъ лѣтъ, чѣмъ путемъ научнаго преподаванія. Если же и здѣсь по временамъ оказывалось невозможнымъ обойтись безъ коекакой доли школьной премудрости, какъ умѣнье писать и знаніе латинскаго языка, то на выручку явля-

лись тѣ же клирики, служившіе писцами и секретарями. Поскольку же для сыновей наиболѣе знатныхъ фамилій почиталось необходимымъ собственное знакомство съ *artes clericales*, ихъ изучали тамъ, гдѣ онѣ и безъ того преподавались—въ духовныхъ школахъ. Ничто не измѣнилось съ этой стороны и тогда, когда классъ свѣтскихъ землевладѣльцевъ въ эпоху крестовыхъ походовъ обратился въ рыцарство, какъ профессиональное сословіе, и сталъ съ тѣмъ вмѣстѣ носителемъ особаго свѣтскаго образованія — того образованія, памятникомъ котораго является придворная литература среднихъ вѣковъ. Это не было ученое образованіе, и оно усваивалось не школьнымъ путемъ. Средніе вѣка считали излишними «рыцарскія академіи», какія впоследствии создалъ придворный міръ XVII столѣтія; будущій рыцарь изучалъ свои сословные искусства и навыки при дворѣ какого-нибудь князя или барона путемъ практики и непосредственного участія во всѣхъ житейскихъ дѣлахъ той сферы, въ которую онъ вводился съ раннихъ лѣтъ. Если же младшіе сыновья дворянскихъ фамилій предназначались для духовнаго сословія, то они уже въ дѣтскомъ возрастѣ вступали въ церковные капитулы, какъ *canonici scholares*¹⁾.

1) Капитулами въ католической церкви именуется корпорация клириковъ, служащихъ при каедральныхъ и не-каедральныхъ соборахъ и считающихся помощниками епископа по управленію епархіей. Члены капитуловъ называются канониками (такъ какъ съ VIII—IX в. они были обязаны жить по „канону“, по правиламъ, сходнымъ съ монастырскими). Въ виду почета и крупныхъ доходовъ, которые въ средніе вѣка были сопряжены со званіемъ каноника, дѣло рано пришло къ тому, что мѣста членовъ какъ въ „каедральныхъ“, такъ и въ „коллегіальныхъ“ (не-каедральныхъ)

Еще меньше, конечно, была потребность въ общественныхъ школахъ для профессиональнаго образованія среди крестьянскаго и городского сословія. Крестьянскій мальчикъ въ родительскомъ домѣ пріобрѣталъ всѣ тѣ навыки, которые ему нужны для жизни; сынъ ремесленника или купца поступалъ въ ученики или къ мастеру или въ торговое предпріятіе. Поскольку же нѣкоторое умѣнье читать, писать и считать стало необходимою съ прогрессирующимъ развитіемъ городской жизни, его можно было пріобрѣтать опять-таки путемъ посѣщенія какой-либо монастырской или приходской школы. Только на исходѣ среднихъ вѣковъ у городовъ появляется быстро растущая потребность въ созданіи собственныхъ школъ, независимо отъ предложенія услугъ со стороны церкви. Однако эти городскія школы никоимъ образомъ не являются тѣмъ, что представляютъ наши «бюргерскія училища»; по формѣ и по содержанію своего преподаванія онѣ мало чѣмъ отличались отъ церковныхъ школъ.

Къ сказанному можно еще добавить, что въ средніе вѣка воспитаніе юношества на первомъ мѣстѣ ставило не знанія и науку, какъ въ настоящее время, а больше дорожило образованіемъ воли и характера. Воспитать, прежде всего, означало сформировать внутренняго человѣка въ духѣ вѣры и послушанія — вѣры въ спасительное ученіе и послушанія церкви, — создать изъ него вѣрнаго слугу Богу и людямъ. Благоговѣніе и послушаніе были той атмосферой, въ которой росло юношество; разсужденію и свободному самоопредѣленію тамъ не было мѣста. Поэтому капитулахъ стали почти исключительно достояніемъ младшихъ дѣтей изъ знатныхъ семействъ. *Ред.*

и самое ученіе носило тогда по преимуществу характеръ покорнаго воспріятія: затверживаніе наизусть и «слушанье» учителей — такова была форма обученія.

Исторія средневѣковаго школьнаго образованія подраздѣляется на двѣ главныя эпохи: первая простирается до XII столѣтія, а вторая—до XV.

Различіе между тѣмъ и другимъ временемъ можно опредѣлить слѣдующимъ образомъ. Первая эпоха въ общемъ характеризуется тѣмъ, что отношеніе молодыхъ народовъ, особенно германскаго, къ церкви и къ древнему міру сводится къ чисто-пассивному воспріятію; они, какъ послушныя чченики, усваиваютъ священное ученіе, которое предлагаетъ имъ церковь, а вмѣстѣ съ нимъ и тѣ сокровища античной образованности, которыя церковь, волей-неволей, должна была признать своими въ тѣхъ странахъ, гдѣ ей пришлось слагаться. Во вторую эпоху сильнѣе стремленіе къ самостоятельности; появляются попытки собственнымъ разумомъ постичь спасительное ученіе и внутренне пропитать его свѣтской філософіей и наукой. Великія философско-теологическія системы такъ называемой схоластики порождены были этимъ стремленіемъ.

Развитіе духовной жизни находится во взаимодействіи съ соціальнымъ развитіемъ. Быстрый ростъ городовъ во вторую половину среднихъ вѣковъ создалъ почву для новаго духовнаго міра. Въ области школьнаго дѣла эта перемѣна проявляется непосредственно въ видѣ возникновенія двухъ новыхъ формъ образовательныхъ учрежденій—университетовъ и городскихъ школъ — формъ, которыя коренятся въ городскомъ быту. Университеты скоро отѣсняють

на задній планъ старыя монастырскія и капитулярныя школы; городскія школы ясно свидѣтельствуютъ о проникновеніи гражданскаго общества въ сферу духовной культуры.

Стоитъ отмѣтить также и перемѣну, происшедшую въ исторіи монашескихъ орденовъ. Въ XIII вѣкѣ возникли новые ордена доминиканцевъ, францисканцевъ и августинцевъ и быстро распространились по всему Западу. Они отличаются отъ болѣе старыхъ орденовъ, отъ бенедиктинцевъ съ ихъ многочисленными развѣтвленіями, тѣмъ, что они основываютъ свои поселенія въ городахъ, тогда какъ тѣ всегда искали сельскаго уединенія. Второе различіе между ними заключается въ томъ, что болѣе старые ордена отвращались съ презрѣніемъ отъ міра; напротивъ, новые съ самаго начала стремятся оказывать вліяніе на міръ: ихъ цѣль—не только спасти свою душу, но и обновить міръ ученіемъ и проповѣдью. Особенно орденъ доминиканцевъ является орденомъ учителей и проповѣдниковъ, предтечей позднѣйшаго ордена іезуитовъ. Къ доминиканскому и къ францисканскому орденамъ принадлежатъ самыя выдающіеся преподаватели и систематики средневѣковыхъ университетовъ: Альбертъ Великій, Тома Аквинскій, Экардъ были доминиканцы; Бонавентура, Дунсъ Скотъ, Роджеръ Бэконъ, Оккамъ — францисканцы.

ГЛАВА II.

Первая половина средних вѣковъ. — Монастырскія, соборныя и капитулярныя школы (600 — 1200 г.).

Первые зачатки школьнаго дѣла въ Германіи относятся къ VII столѣтію. Когда на континентѣ, въ государствѣ Меровинговъ, старыя римскія школы мало-по-малу обратились въ груды развалинъ, изъ-за моря пришли ирландскіе и англосаксонскіе монахи (Колумбанъ, Галль, Винфридъ - Бонифацій), неся нѣмецкимъ племенамъ вмѣстѣ съ христіанствомъ элементы школьнаго образованія, которые были амальгамированы съ нимъ въ церкви. Монастыри, основанные по уставу св. Бенедикта въ Баваріи, Швабіи, Тюрингіи и Гессенѣ, являются старѣйшими образовательными учрежденіями на нѣмецкой почвѣ: Фульда, Рейхенау, С. Галленъ, Тегернзее, С. Эммеранъ нѣкогда были славныя имена. Монастырская школа первоначально предназначалась лишь для образованія собственныхъ послушниковъ. Но въ нее допускались и мальчики, не предназначавшіеся для монашеской жизни. Когда же число ихъ стало возрастать, то на ряду съ *schola interna* въ монастыряхъ заводится въ отдѣльномъ помѣщеніи особая *schola externa*, какъ мы находимъ это въ строительныхъ планахъ С. Галленскаго монастыря (у Specht, стр. 152).

Второй отправной точкой развитія церковной школы было епископство. На епископѣ лежала забота о подготовкѣ благаго духовенства для своей епархіи. Обученіе будущихъ священниковъ онъ поручалъ обычно кому-нибудь изъ духовныхъ лицъ, служившихъ въ кафедральномъ соборѣ, и это повело къ возникновенію соборныхъ школъ. Къ нимъ примыкаютъ капитулярныя школы: на каждомъ капитулѣ точно такъ же лежала обязанность заботиться о школьномъ обученіи юношей, имѣвшихъ въ послѣдствіи вступить въ его ряды. На успѣхъ этихъ школъ очень благопріятно повліяло проведеніе въ жизнь реформы епископа Мецкаго Хродеганга (742—766), принудившей кафедральныя и коллегіальныя капитулы къ общежитію на монастырской образецъ ¹⁾.

Эти разбросанныя по странѣ питомники образованія стали систематично и энергично культивироваться, когда франкское государство попало въ руки великаго короля Карла. Основатель новой универсальной монархіи, которая должна была вновь объединить всѣ западно-европейскія племена, раздробившіяся послѣ паденія древней имперіи, Карлъ хотѣлъ быть также просвѣтителемъ своихъ народовъ. Во время своихъ итальянскихъ походовъ Карлъ имѣлъ случай прійти въ непосредственное соприкосновеніе съ древнимъ міромъ, который продолжалъ еще существовать въ тысячахъ памятниковъ и воспоминаній, наполнявшихъ Италію. Отзывчивый на все живое, онъ ставитъ себѣ задачей — оплодотворить жизнь своего народа богатствами этого міра, и съ неутомимой энергіей принимается за нее. Его дворъ скоро сдѣлался

1) См. примѣчаніе на стр. 7.

сборнымъ пунктомъ для всѣхъ выдающихся ученыхъ того времени, и король жилъ съ ними въ трогательномъ общеніи, не стыдясь быть ихъ ученикомъ. Изъ этихъ ученыхъ наиболѣе извѣстны: англосаксъ Алкуинъ, знатокъ грамматики, риторики и діалектики, составившій дошедшіе до насъ учебники по этимъ предметамъ; ломбардецъ Павелъ Діаконъ, знатокъ греческаго языка; епископъ Теодульфъ Орлеанскій, прославившійся своими латинскими стихами. *Schola palatina*¹⁾ была возстановлена и отдана подъ руководство Алкуина; дѣти самого короля обучались тамъ вмѣстѣ съ дѣтьми придворной знати. Позднѣе Алкуинъ, сдѣлавшись аббатомъ монастыря св. Мартина въ Турѣ, основалъ тамъ знаменитую школу, которая стала центромъ ученаго образованія во франкскомъ государствѣ, и широко распространила сферу своего вліянія. Къ ея славнѣйшимъ ученикамъ принадлежитъ Рабанъ Мавръ, который, въ качествѣ настоятеля монастырской школы въ Фульдѣ, создалъ въ Германіи копию школы Алкуина.

При осуществленіи своихъ просвѣтительныхъ стремленій въ крупныхъ размѣрахъ, король могъ рассчитывать, конечно, только на церковь и духовенство своего государства. Ихъ онъ и привлекъ къ этому дѣлу. Въ окружномъ посланіи къ своимъ епископамъ и аббатамъ (*epistola de litteris colendis*, около 787 г.) онъ прежде всего выставилъ свою программу; ея основная идея сходится съ той, какую впоелѣдствіи развивалъ Лютеръ въ своемъ письмѣ къ Думамъ: безъ грамматически-литературной подготовки нельзя правильно понимать Священное писаніе. Въ церков-

¹⁾ Дворцовая школа.

ныхъ рукописяхъ, говоритъ Карлъ, часто пишется Богъ знаетъ что, и приходится бояться, какъ бы, потерявъ грамотность, мы не утратили и правильнаго пониманія священныхъ книгъ. «Поэтому мы убѣждаемъ васъ не пренебрегать занятіями словесностью, но отдаваться имъ съ смиреннымъ, богоугоднымъ рвеніемъ, дабы тѣмъ легче и глубже проникать потомъ въ тайны Священнаго писанія. Ибо въ священныхъ книгахъ встрѣчаются тропы, фигуры и проч., и потому читающій Св писаніе тѣмъ легче схватитъ внутренній его смыслъ, чѣмъ раньше и лучше превзошелъ онъ словесныя науки»¹⁾).

Затѣмъ, по предложенію короля, Ахенскій соборъ (789) издалъ слѣдующее обязательное постановленіе при всѣхъ монастыряхъ и соборахъ должны быть заведены школы, гдѣ мальчики обучались бы церковнымъ пѣснопѣніямъ, чтенію, пѣнію, пасхалии, святцамъ и латинскому языку. Съ другой стороны, это закрѣплялось предписаніемъ, согласно которому санъ священнослужителя долженъ былъ даваться лишь по выдержаніи кандидатомъ экзамена по точно опредѣленной программѣ, куда входило, кромѣ знанія и пониманія всѣхъ священныхъ книгъ, необходимыхъ для выполненія службы, и кромѣ умѣнья пѣть на римскій ладъ, еще умѣнье составлять документы и письма, конечно, на латинскомъ языкѣ.

Но Карлъ не ограничивался этимъ, и сверхъ этой подготовки духовенства къ его обязанностямъ, онъ думалъ также о поднятіи уровня общаго образованія среди народа. Конечно, эти стремленія Карла никакъ

1) *Monum. Germ. Legum Sect. II. Capit. regum Franc. I, 79*; здѣсь помѣщены также и другіе указы Карла Великаго по вопросамъ образованія.

нельзя перетолковывать въ томъ смыслѣ, какъ будто онъ мечталъ о чемъ-то въ родѣ нашего всеобщаго обязательнаго обученія; учить въ ту пору франкскихъ и саксонскихъ воиновъ и крестьянъ чтенію и письму было бы и неисполнимой, и безцѣльной затѣей. Тутъ дѣло шло пока лишь о сообщеніи народной массѣ начатковъ христіанской вѣры, при чемъ преподаваніе ихъ облекалось въ ту же форму, въ какой происходило тогда всякое обученіе, и въ какой это преподаваніе практиковалось еще много вѣковъ спустя: тексты заучивались съ голоса учителя, потомъ ихъ отвѣчали и слушали толкованіе. Король въ своихъ капитуляріяхъ неоднократно заявлялъ приходскимъ священникамъ, что они обязаны выучить всѣхъ своихъ прихожанъ, мужчинъ, женщинъ и дѣтей, по крайней мѣрѣ, Символу вѣры и молитвѣ Господней; епископамъ предписывалось строго наблюдать за тѣмъ, чтобъ они не забывали этой обязанности. Нерадивыхъ или упорныхъ прихожанъ какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, повелѣвалось сѣчь и сажать на хлѣбъ и на воду; если это не помогало, то ослушникъ долженъ былъ держать отвѣтъ передъ самимъ королемъ (*ad nostram praesentiam dirigatur*).

Впрочемъ, эти узаконенія скорѣе относятся къ общей церковно-политической системѣ управленія короля, чѣмъ къ его дѣятельности по распространенію образованія. Какая, собственно, при этомъ преслѣдовалась цѣль, ясно показываетъ оставленное впослѣдствіи за его невыполнимостью требованіе чтобы Вѣрую и Отче нашъ заучивали и читали полатыни. Въ такомъ видѣ Символъ вѣры и молитва Господня превращались, съ одной стороны, какъ бы

въ заклинанія, которыя, наравнѣ съ чиномъ крещенія и погребенія, имѣютъ самостоятельную магическую силу, а съ другой—въ формулы, произнесеніе которыхъ выражало покорность церковному владычеству. Зато къ области школьнаго образованія, конечно, надо относить строгое подтвержденіе стариннаго требованія, чтобы при каждой приходской церкви былъ хоръ изъ мальчиковъ, обучающихся чтенію и пѣнію, и чтобы къ совмѣстному съ ними обученію допускались и постороннія дѣти, при чемъ не полагалось брать съ нихъ никакой платы, кромѣ развѣ добровольныхъ приношеній

Такъ Карль Великій стремился привить своему народу образованность христіанской древности. Что касается до степени его успѣха, то объ этомъ очень трудно составить себѣ опредѣленное мнѣніе: о статистическихъ данныхъ для этой эпохи не можетъ быть, конечно, и рѣчи. Во всякомъ случаѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что путь отъ бумаги королевскаго указа до дѣйствительности былъ въ то время еще гораздо длиннѣе, чѣмъ въ настоящее время. Тамъ, гдѣ королевскія наставленія встрѣчали откликъ со стороны энергичныхъ епископовъ и аббатовъ, тамъ школы расцвѣтали; тамъ же, гдѣ этого не было, король могъ мало что сдѣлать. Когда же со смертью короля давленіе сверху ослабѣло, то въ очень многихъ мѣстахъ опять все впало въ прежнюю косность. Съ другой стороны, и въ послѣдующее время не изсякали живые запросы на образованіе со стороны юной народной души, и не переводились свѣтскіе и духовные князья, которые шли навстрѣчу этимъ запросамъ. Такъ, династія Оттоновъ, благодаря родственной связи съ греческими императорами, дала

духовному образованію новые импульсы и новые элементы. Саксонское племя, первоначально воспринявшее христіанство только внѣшнимъ образомъ, скоро начинаетъ и внутренне усваивать его. Теперь мы начинаемъ уже и здѣсь встрѣчать знаменитые центры духовнаго образованія за Мюнстеромъ и Корвей слѣдуетъ Гильдесгеймъ, слава котораго держалась нѣсколько вѣковъ. Магдебургская соборная школа и школа при монастырѣ Бергенъ являлись крайними восточными пунктами. Точно такъ же на Рейнѣ и въ южной Германіи, на ряду съ сохранившимися старыми школами, возникло много новыхъ, какъ то доказываетъ работа Шпехта.

Въ общемъ приходится признать, что средній уровень образованности духовенства въ эту пору медленно, но неуклонно повышался. Правда, пышный блескъ Карлова двора потухъ, и литературная производительность, такъ быстро ставшая было тогда развиваться, замерла, но зато распространеніе школъ на новые и новые монастыри и церкви приносило свои незамѣтно, медленно зрѣющіе плоды. Я не сомнѣваюсь въ томъ, что къ концу XII столѣтія распространенность школьнаго образованія была много значительнѣе, чѣмъ къ концу господства Каролинговъ. Восторженные похвалы, которыя современники расточали эпохѣ «перваго Возрожденія», равно какъ жалобы ихъ по поводу всеобщаго равнодушія къ наукамъ послѣ Карла, по поводу паденія той или иной нѣкогда знаменитой школы, не слѣдуетъ принимать вполне на вѣру. Иначе было бы совершенно непонятно внезапное возникновеніе въ XIII столѣтіи университетовъ, рассчитанныхъ на массовый притокъ стремящихся къ наукѣ духовныхъ

и мірянъ и притомъ такихъ, которые уже обладали элементарнымъ образованіемъ и въ частности знаніемъ латинскаго языка.

Я коснусь еще въ нѣсколькихъ словахъ постановки преподаванія въ старинныхъ соборныхъ и монастырскихъ школахъ. Конечная цѣль образованія, которой достигаютъ, разумѣется, не всѣ, вступающіе на его путь, состоитъ въ научномъ уразумѣніи божественной мудрости, открытой въ Священномъ писаніи: *sacra theologia* является высшею изъ наукъ. Къ цѣли этой ведутъ три ступени, необходимыя по самой сути дѣла: элементарная, средняя и заключительная, высшая ступень. На первой ступени дѣло начинается изученіемъ азбуки съ помощью азбучной таблички, затѣмъ слѣдовало чтеніе, конечно, на латинскомъ языкѣ, и, одновременно, затверживаніе наизусть псалтыря. Далѣе шло писанье, долгое время только на восковыхъ дощечкахъ, и лишь вполнѣ усовершенствовавшимся давались, наконецъ, перо, чернила и пергаментъ; дѣйствительно красивый почеркъ цѣнился въ то время очень высоко. На ряду со всѣмъ этимъ происходили ежедневныя упражненія въ пѣніи. Вторая ступень охватывала подготовительныя общеобразовательныя научныя предметы: для среднихъ вѣковъ они являлись замкнутыми въ строгую систему семи свободныхъ наукъ (*artes liberales*) по схемѣ Марціана Капеллы, сложившейся въ послѣдніе вѣка древности. Эта система, въ свою очередь, дробилась на двѣ части, такъ называемыя тривіумъ и квадравиумъ. Первый охватывалъ *artes formales*, или *sermocinales*¹⁾: грамматику, риторику, диа-

1) Формальныя или словесныя науки.

лектику; второй—*artes reales*¹⁾: арифметику, геометрію, музыку, астрономію. Грамматика была, конечно, латинская: послѣ кое-какихъ предварительныхъ упражненій, которыя начинались еще на первой ступени въ видѣ чтенія, письма и затверживанія наизусть, ученики приступали къ систематическому изученію латинскаго языка, сначала по руководству Доната и потомъ по книгѣ Присціана, на ряду съ чѣмъ шло чтеніе латинскихъ авторовъ, языческихъ и христіанскихъ. Виргилій игралъ при этомъ исключительно важную роль. Обученіе риторикѣ охотно примыкало къ трактату Цицерона *De inventione* и состояло, главнымъ образомъ, въ искусствѣ составлять форменныя бумаги; при этомъ учащіеся получали и кое-какія юридическія свѣдѣнія. Діалектика, преподававшаяся преимущественно по сочиненіямъ Боэція, учила искусно оперировать съ понятіями; практическія упражненія въ ней на диспутахъ давали навыкъ быстро разбираться въ аргументахъ и находить на нихъ отвѣты. Арифметика, прежде всего, служила для нуждъ церковнаго календаря съ его переходящими праздниками (*computus*). Геометрія находилась въ загонѣ; подъ этимъ именемъ въ тѣ времена чаще преподавалось то, что было извѣстно о землѣ и о положеніи отдѣльныхъ странъ. Музыка занимала очень важное мѣсто, благодаря той роли, которую она играла въ церковной службѣ; руководствомъ при изученіи теоріи музыки служили пять книгъ Боэція *De musica*. Астрономія тоже была связана съ церковною системой, пасхалією и часами и поэтому пользовалась повсюду извѣстной долею вниманія.

1) Реальныя науки.

Но истинная цѣль, которой въ послѣднемъ счетѣ служатъ всѣ эти свѣтскія науки, вполнѣ раскрывается только на третьей ступени: цѣль эта — богословіе, научное познаніе истинъ Откровенія; всѣ свѣтскія науки принципиально имѣютъ значеніе только, какъ средство для толкованія писанія. Положимъ, увлеченіе пріобрѣтеннымъ знаніемъ или достигнутымъ искусствомъ владѣть формой заставляло кое-когда терять изъ виду эту цѣль; но, тѣмъ не менѣе, единственнымъ принципиальнымъ оправданіемъ свѣтскихъ наукъ языческаго происхожденія являлась ихъ пригодность для службы богословію. Въ частности это прилагалось и къ чтенію древнихъ классиковъ. Ихъ изученіе допускалось, поскольку это было необходимо для изученія языка, литературныхъ формъ, стихосложенія, миѳологіи и вообще древняго міра, въ которомъ выросла и христіанская литература. Для умственной забавы имъ позволялось подражать, и даже позволялось украшать священные предметы мишурой ихъ красивой формы; это уподоблялось, по излюбленному тогда сравненію, съ способомъ дѣйствій евреевъ, которые при исходѣ изъ Египта похитили у египтянъ ихъ золотую и серебряную утварь и превратили ее потомъ въ священные сосуды. Но на ряду съ этимъ по временамъ какъ у отдѣльныхъ личностей, такъ и у цѣлыхъ поколѣній являются сильныя вспышки страха, какъ бы не заразиться чужимъ духомъ, является боязнь, какъ бы при чтеніи языческихъ авторовъ не осквернить свою душу ихъ сластолюбіемъ и распутствомъ; тогда на сцену извлекаются христіанскіе поэты, которыми замѣняются классики, особенно при обученіи юношества. Однако общей реакціи въ такомъ духѣ не

было никогда, и средневѣковая церковь не воздвигала систематическаго гоненія на классиковъ, съ тою же непослѣдовательностью, которую пришлось допустить и пуританамъ XVI и XVII столѣтій.

Наконецъ нужно еще отмѣтить, что въ этомъ старо-церковномъ литературномъ образованіи имѣли свою долю и женщины; къ этому приводила монастырская жизнь; ученые монашенки были далеко не рѣдкимъ явленіемъ. Подобно мужскимъ, и женскіе монастыри также имѣли школы, въ которыхъ обучались женщины и не предназначавшіяся для монастырской жизни, преимущественно, конечно, дѣвицы изъ знатныхъ фамилій. Такъ это оставалось и во вторую половину среднихъ вѣковъ, вплоть до эпохи Возрожденія. Если въ новыхъ университетахъ и не было мѣста для женщинъ, то въ хорошихъ семьяхъ продолжалъ держаться обычай посылать молодыхъ дѣвушекъ для воспитанія въ монастырь. Это распространеніе школьнаго образованія среди женщинъ получило особое значеніе съ тѣхъ поръ, какъ ростъ рыцарства сталъ поднимать все выше ихъ общественное положеніе. Можно принять, что ко времени полнаго расцвѣта придворно-рыцарской жизни женщина въ духовно-литературномъ образованіи, по меньшей мѣрѣ, ничѣмъ не уступала мужчинамъ, которому упражненія въ военномъ ремеслѣ мало оставляли досуга для наукъ.

ГЛАВА III.

Вторая половина средних вѣковъ.—Университеты и городскія школы (1200—1500).

Съ возникновеніемъ университетовъ въ началѣ XIII столѣтія, открывается новая эпоха въ развитіи образованія среди западно - европейскихъ народовъ. Неудержимо развивающіеся умственные запросы ведутъ къ созданію новыхъ наукъ. Такъ, вырастаютъ спекулятивное богословіе и философія, которая имѣетъ мужество сдѣлать попытку разумомъ постичь откровенныя истины, какъ нѣчто раціональное, и, такимъ образомъ, осмѣливается до нѣкоторой степени подчинить ихъ своей оцѣнкѣ: напомнимъ Абеяра. Далѣе развивается самостоятельное изученіе права, на первыхъ порахъ древняго римскаго права, которое становится теперь рука объ руку съ каноническимъ правомъ: я назову Ирнерія. Наконецъ мы видимъ передъ собой новую медицину и естествознаніе, опирающіяся на труды арабовъ и на вновь открытаго Аристотеля: Альбертъ Великій — *doctor universalis*— можетъ служить типичнымъ представителемъ этой отрасли знаній въ эпоху, когда европейское общество стало дѣлать первые шаги на пути самостоятельнаго изслѣдованія природы.

Все эти новыя вѣянія вызвали къ жизни на рубежѣ XII и XIII столѣтій новую соотвѣтственную имъ

жизненную форму — университетъ — эту свободную, но общественно признанную корпорацію ученыхъ. Впереди шли здѣсь южныя и западныя страны: Италія (Болонья и Салерно), Франція (Парижъ, Монпелье), Англія (Оксфордъ, Кембриджъ), Испанія (Саламанка); восточныя и сѣверныя страны, въ томъ числѣ и Германія, вступили на этотъ путь въ половинѣ XIV столѣтія. Старѣйшими университетами въ Германіи являются: Пражскій (1349), Вѣнскій (1365), Гейдельбергскій (1385), Кельнскій (1388), Эрфуртскій (1392), Лейпцигскій (1409), Ростокскій (1419). Впрочемъ, нужно замѣтить, что въ Германіи уже много раньше существовали школьныя учрежденія, вполне соотвѣтствовавшія университетамъ по курсу проходимыхъ наукъ. Такъ, Кельнъ и Эрфуртъ издавна славились, какъ центры богословско-философской учености. Къ только что названнымъ университетамъ во второй періодъ, отъ 1456 до 1506 г., присоединяются еще девять новыхъ: Грейфсвальдскій (1456), Фрейбургскій (1457), Базельскій (1459), Ингольштадтскій (1472), Трирскій (1473), Майнцскій (1477), Тюбингенскій (1477), Виттенбергскій (1504), Франкфуртскій (на Одерѣ, 1506). Нѣмецкіе университеты въ общемъ устраивались по образцу Парижскаго; для философскихъ и богословскихъ наукъ Парижъ все время оставался духовной метрополіей всей Западной Европы.

Что касается до устройства, до конституціи университетовъ, то первоначально они являются свободными корпораціями учащихся и учащихся, съ извѣстными привилегіями, дарованными имъ свѣтской и духовной властью. Название *universitas* обозначаетъ ихъ, какъ корпорацію; название *studium generale*,

какъ учебное учрежденіе съ универсальною программою; терминъ *studium privilegiatum*, освобожденная школа, подчеркиваетъ тѣ преимущества и льготы, которыми они пользуются. Эти послѣднія, главнымъ образомъ, касаются трехъ вещей. Во - первыхъ, университеты имѣютъ право учить, производить испытанія и давать степени *baccalaurius*, *magister* или *doctor*. Это право обычно даруется имъ духовной властью, римской куріей. Во - вторыхъ, они имѣютъ автономію, т.-е. право самимъ вырабатывать свои уставы и правила. Въ - третьихъ, они сами судятъ своихъ членовъ, которые изъяты изъ вѣдѣнія обычнаго суда; къ этому присоединяется еще освобожденіе отъ налоговъ и податей; эти прѣва даруются имъ территоріальной или городской властью.

Для осуществленія этихъ правъ средневѣковой университетъ имѣлъ двойную организацію. Ради веденія учебнаго дѣла, ради лекцій и экзаменовъ, онъ расчленялся на факультеты, которыхъ было четыре: три спеціальныхъ—богословскій, юридическій и медицинскій—и одинъ общеобразовательный, *facultas artium*, въ которомъ нашли себѣ новое мѣсто старыя *artes liberales*. Этотъ послѣдній факультетъ, какъ низшій, занималъ промежуточное положеніе между частными школами, постепенно суживавшими свою программу до изученія одного латинскаго языка, и профессионально-научными курсами высшихъ факультетовъ. Во главѣ cadaго факультета стоялъ выборный деканъ. Главная задача факультета, какъ такового, заключалась въ организаціи и распредѣленіи лекцій, устройствѣ диспутовъ, производствѣ испытаній и раздачѣ ученыхъ степеней. Поднесеніе магистерской степени являлось въ то же время ак-

томъ самопополненія преподавательской корпораціи, такъ какъ магистерскій или докторскій титулъ давалъ право получившему его выступать лекторомъ на данномъ факультетѣ. Впрочемъ, здѣсь обычно давала себя чувствовать связь, соединявшая университетскую ученую корпорацію съ церковью, какъ верховной владычицей всякой науки: одно изъ высшихъ духовныхъ лицъ назначалось канцлеромъ университета и принимало болѣе или менѣе формальное участіе въ вопросѣ о выдачѣ «лиценціи», открывавшей доступъ къ преподаванію.

Въ цѣляхъ самоуправленія и осуществленія права суда *universitas* раздѣлялась на «націи», въ составъ которыхъ входили и учащіе и учащіеся по своему происхожденію. Націи выбирали своихъ представителей (*procuratores*) и имѣли свои собственныя кассы. Во главѣ всего университета стоялъ выборный ректоръ. Ректоромъ избирался нерѣдко какой-нибудь студентъ знатнаго происхожденія: ему предоставлялись всѣ связанные съ этимъ постомъ почести и расходы, фактически же дѣлами завѣдывалъ тогда какой-нибудь болѣе старый членъ университета. Въ нѣмецкихъ университетахъ, впрочемъ, націи очень скоро вымерли почти совсѣмъ; здѣсь онѣ съ самаго начала были искусственнымъ созданіемъ и не являлись тѣми естественно возникшими корпораціями, какъ во французскихъ и въ итальянскихъ университетахъ.

Преподаваніе замкнуто было въ твердо установленныя формы. Самое содержаніе занятій въ существенныхъ чертахъ дано было разъ навсегда извнѣ. Въ основѣ ихъ повсюду лежали книги, имѣвшія каноническое значеніе. На богословскомъ факуль-

тетъ нормы даны были Священнымъ писаніемъ и церковной догмой; лишь толкованіе, систематизація и способъ аргументаціи оставляли для индивидуальной мысли нѣкоторый просторъ. Содержаніе лекцій на юридическомъ факультетѣ также было строго нормировано: церковное право изучалось по *canones et decreta* соборовъ и римской курии; римское право—по Юстиніанову кодексу; здѣсь тоже дѣло шло, главнымъ образомъ, объ интерпретаціи и систематизаціи. На двухъ низшихъ факультетахъ субъективному мышленію предоставлялась, можетъ-быть, нѣсколько бѣльшая свобода, но все-таки и здѣсь имѣлось извѣстное принятое ученіе, изложенное въ одобренныхъ книгахъ. Творенія Гиппократа и Галена на медицинскомъ факультетѣ, Аристотеля—на философскомъ были своего рода канономъ, такъ что изученіе ихъ содержанія и являлось настоящимъ предметомъ научныхъ занятій.

Опредѣленности содержанія соотвѣтствовала и форма средневѣкового университетскаго преподаванія. На всѣхъ четырехъ факультетахъ она была одна и та же: лекціи и диспуты. Лекціи (*praelectio*) не являлись тогда, какъ теперь, систематическимъ изложеніемъ какого-нибудь отдѣла науки, но это не былъ и простой диктантъ по книгѣ; мы должны представлять себѣ дѣло такъ, что профессоръ толковалъ и резюмировалъ текстъ книгъ, находившихся въ рукахъ студентовъ. Поэтому *commentatio* и *summa* и представляютъ собой двѣ главныя формы ученой литературы въ средніе вѣка. Задача диспутовъ заключалась въ томъ, чтобы приучить студентовъ свободно распоряжаться матеріаломъ, сообщеннымъ имъ на лекціяхъ и, можетъ-быть, заученнымъ на память

по конспектамъ. Вотъ какъ, на примѣръ, происходили магистерскіе диспуты, въ которыхъ принималъ корпоративное участіе весь факультетъ—магистры и студенты. Кто-либо изъ магистровъ выставлялъ тезы; присутствующіе опровергали ихъ (*arguere*) по порядку логически построенными аргументами; задача же диспутатора заключалась въ томъ, чтобы разбить эти аргументы, доказавъ или ихъ внутреннюю логическую несостоятельность или противорѣчіе ихъ съ общепризнанными принципами. На диспутахъ учебнаго характера студенты упражнялись въ этихъ же двухъ вещахъ—въ защитѣ и опроверженіи положеній—что представлялось, конечно, очень цѣлесообразнымъ приѣмомъ для развитія активности мысли и давало привычку держать всегда знанія наготовѣ. Диспуты представляли необходимое дополненіе къ лекціямъ, требовавшимъ лишь пассивнаго воспріятія.

Учащійся проходилъ курсъ избраннаго имъ факультета въ строго установленномъ порядкѣ: чтобы имѣть право по истеченіи положеннаго срока представиться къ экзамену, онъ долженъ былъ прослужать въ указанной послѣдовательности указанное число опредѣленныхъ лекцій и быть участникомъ опредѣленнаго числа диспутовъ. Сдача перваго экзамена вела его къ полученію первой ученой степени — званія бакалавра (*baccalaurius*). Затѣмъ опять опредѣленныя лекціи и упражненія на диспутахъ и новый экзаменъ, дающій право на высшую степень «магистра», *magister*, или преподавателя, *doctor* (терминъ *magister* чаще примѣнялся на низшихъ факультетахъ, *doctor*—на высшихъ). Экзамены и полученіе степени, особенно на *facultas artium*,

производились обычно цѣлыми группами студентовъ сразу и на всѣхъ факультетахъ обставлялись большими церемоніями, а также сопряжены были съ значительными расходами. При этомъ нужно замѣтить, что всѣ экзамены носили чисто - академическій характеръ, а отнюдь не профессиональный; это не было испытаніемъ на годность человѣка для той или иной должности; не давая никакихъ особыхъ правъ, они имѣли только значеніе свидѣтельства о прохожденіи университетскаго курса и представляли лишь ту рекомендацію, которая заключалась въ этомъ самомъ фактѣ. Въ частности это относится и къ полученію духовныхъ мѣстъ, которыя тогда служили почти единственнымъ матеріальнымъ обезпеченіемъ ученаго люда: окончаніе университета и полученіе степени не являлись ни необходимой предпосылкой для этого, ни болѣе или менѣе вѣрной гарантіей, какъ это водится въ настоящее время.

Средневѣковую ученую карьеру можно изобразить приблизительно въ такого рода схемѣ. Прежде всего будущій ученый проходитъ мальчикомъ курсъ капитулярной, монастырской или городской школы, гдѣ обучается чтенію, письму, счету и латинскому языку. Лѣтъ пятнадцати онъ отправляется въ какой-нибудь университетъ, гдѣ его встрѣчаютъ, какъ «желторотика» (*beanus*), «обтесываютъ» (*depositio*) и, наконецъ, заставивъ претерпѣть порядочно товарищескихъ издѣвательствъ, принимаютъ въ ряды университетской корпораціи. Впрочемъ, нерѣдко бывало, что въ университетъ записывались и еще моложе; при университетахъ для такихъ мальчиковъ, которымъ надо было еще элементарное преподаваніе, часто устраивались

paedagogia, т.-е школы съ общежитіемъ, находившіяся въ вѣдѣніи университетскихъ властей. Обычно юный студентъ поступаетъ въ ближайшіе ученики къ какому-нибудь одному магистру артистическаго факультета; онъ живетъ подъ его присмотромъ въ collegium'ѣ, въ университетскомъ помѣщеніи, или въ «бурсѣ» (bursa), которую магистръ держитъ отъ себя подъ надзоромъ университета. Такъ онъ года два слушаетъ лекціи, особенно по Аристотелевой логикѣ и физикѣ, принимаетъ участіе въ факультетскихъ диспутахъ и въ подготовительныхъ къ нимъ упражненіяхъ, совершенствуется на ряду съ этимъ въ латинскомъ языкѣ и, наконецъ, счастливо выдержавъ первый экзаменъ, становится бакалавромъ свободныхъ наукъ, baccalarius artium. Какъ таковой, онъ слушаетъ еще года два лекціи по высшимъ книгамъ Аристотеля, по психологіи, метафизикѣ, этикѣ и политикѣ, изучаетъ также математику и космологію, участвуетъ въ то же время, какъ профессорскій помощникъ, въ преподаваніи и диспутахъ и, на 20-мъ или 21-мъ году жизни, держитъ второй экзаменъ на степень magister artium. Теперь онъ начинаетъ самостоятельно читать лекціи и устраивать диспуты; часто ему вмѣняется даже въ прямую обязанность преподавать на факультетѣ, по крайней мѣрѣ, два года и такимъ путемъ docendo discere (уча учиться). Параллельно съ этимъ онъ можетъ въ качествѣ scholaris проходить курсъ одного изъ высшихъ факультетовъ—юридическаго или богословскаго; что касается медицинскаго, то, по крайней мѣрѣ, въ Германіи, онъ въ средніе вѣка не игралъ почти никакой роли. На избранномъ имъ высшемъ факультетѣ онъ опять-таки тѣмъ же порядкомъ достигаетъ черезъ нѣсколько лѣтъ степе-

ней бакалавра и доктора. Затѣмъ онъ либо остается преподавателемъ въ университетѣ, гдѣ ему можетъ достаться обезпеченное доходами съ какого-нибудь пожертвованія мѣсто въ коллегіи или каноникатъ, либо же беретъ какую-нибудь церковную должность: при замѣщеніи высшихъ церковныхъ должностей мало-по-малу вошло въ обычай требовать извѣстной университетской ученой степени. Но само собою разумѣется, что далеко не всѣ до конца проходили этотъ ученый путь. Большинство вообще не шло въ своемъ обученіи дальше *facultas artium*; бóльшая половина слушателей покидала университетъ совсѣмъ безъ всякой степени, хотя бы даже *baccalaurius artium*.

Необходимо отмѣтить еще одну черту въ строѣ средневѣкового университета: на всемъ его существѣ лежитъ церковная печать, чѣмъ обусловливаются также его универсальность и интернаціональность; недаромъ же онъ выросъ, по крайней мѣрѣ, въ Германіи, всецѣло на церковной почвѣ, подъ покровительствомъ римскаго престола. Ученіе церкви опредѣляетъ его преподаваніе; языкъ церкви становится также его языкомъ; всѣ члены университета, студенты и профессора, у себя дома почти всегда такъ или иначе пристроены къ доходамъ отъ церквей; и обезпеченіемъ кафедръ служатъ, по крайней мѣрѣ, въ нѣмецкихъ университетахъ, главнымъ образомъ, мѣста канониковъ безъ обязательства жить на мѣстѣ служенія.— Съ интернаціональностью университетовъ, которая роднитъ ихъ съ церковью и монашескими орденами, въ тѣсной связи стоитъ кочевничество и вездѣсущіе средневѣковыхъ ученыхъ и студентовъ. Прежде всего, мѣстомъ массоваго паломничества нѣмецкихъ студентовъ являются

французскіе и итальянскіе университеты: они въ то время считаются культурнѣе и тоньше нашихъ. Но средневѣковой студентъ вообще необычайно подвиженъ; студенческій пролетаріатъ, странствовавшій съ мѣста на мѣсто, изъ одной страны въ другую, веселый и безпечный, но побирושка и нахаль. по временамъ бывалъ чистымъ бичомъ для населенія.

Приблизительно въ одно время съ университетами возникаетъ вторая новая форма образовательныхъ учреждений—городскія школы. Такъ называются школы, находящіяся въ вѣдомствѣ города, а не того или другого изъ церковныхъ органовъ; дума назначаетъ и увольняетъ въ нихъ учителей, инспектируетъ, даетъ помѣщеніе, отпускаетъ кое-когда и извѣстную сумму на содержаніе учителя; но въ общемъ этотъ послѣдній существуетъ на плату, взимаемую имъ съ учениковъ, которая поступаетъ обычно каждую четверть года и дополняется зачастую взносами натурой. Завѣдующій школой самъ нанимаетъ себѣ помощниковъ. Предложеніе учительскаго труда росло вмѣстѣ съ ростомъ университетскаго образованія; въ концѣ среднихъ вѣковъ во всѣхъ болѣе состоятельныхъ городахъ учителями городскихъ школъ являлись уже дипломированныя лица, и только помощники учителя (*locati*) вербовались также и изъ учащейся молодежи. Учебная программа въ такихъ городскихъ школахъ мало чѣмъ разнилась по сути дѣла отъ программы церковныхъ школъ: она обнимала чаще всего лишь элементарную грамотность и начатки латинскаго языка. Въ большихъ городскихъ школахъ, какъ, на примѣръ, въ Нюренбергѣ, Ульмѣ, Гагенау, она было нѣсколько шире и, включая въ себя «великихъ авторовъ», совпадала съ младшими курсами

университетскаго артистическаго факультета. Все дѣло обусловливалось тутъ готовностью расходоваться со стороны города и степенью образованія «ректора» школы. Точной границы между школьнымъ образованіемъ и университетскимъ въ это время вообще еще не существовало; она проведена была не раньше XIX столѣтія.

Что касается до происхожденія городской школы и до ея отношенія къ болѣе старымъ церковнымъ школамъ, то, повидимому, она по большей части возникаетъ изъ раньше существовавшей приходской школы; эта послѣдняя состояла изъ небольшого числа учениковъ, которыхъ приходскій священникъ держалъ для надобностей церковной службы, и которыхъ онъ обязанъ былъ обучать грамотѣ, или самъ лично, или при помощи учителя. Съ ростомъ городовъ и съ развитіемъ торгово-промышленной дѣятельности потребность въ нѣкоторыхъ школьныхъ знаніяхъ сдѣлалась болѣе общей и настоятельной, и число бюргерскихъ дѣтей, искавшихъ образованія, стало увеличиваться. Съ ростомъ школъ сталъ увеличиваться и интересъ бюргерства къ ихъ успѣхамъ, а по мѣрѣ того, какъ городъ втягивался въ расходы по ихъ устройству—по постройкѣ школьныхъ зданій и по содержанію учителей—бюргерство начало пріобрѣтать права патроната надъ ними. Общій ходъ развитія городского самоуправления, расширеніе его сферы и пріобрѣтеніе имъ все бѣльшей и бѣльшей независимости сказались и тутъ желаніемъ совсѣмъ эманципироваться отъ церкви, и такимъ образомъ къ концу среднихъ вѣковъ мы находимъ городскія думы въ роли «хозяевъ школы». Очень часто этому предшествовала упорная и ожесточенная борьба съ преж-

ними духовными «хозяевами школы» — съ какимъ-нибудь схоластикомъ капитулярной или соборной школы, который отстаивалъ свое исключительное право принимать учениковъ и назначать учителей— право, имѣвшее экономическую цѣнность, такъ какъ нерѣдко схоластики за выдачу *licentia docendi* (разрѣшеніе на преподаваніе) и за назначеніе на школьныя мѣста вѣдали деньги. При этомъ важно замѣтить, что подобная борьба никогда не носила анти-церковнаго или анти-клерикальнаго характера; споръ шелъ здѣсь не о правахъ церкви на руководство всѣмъ дѣломъ образованія, а только о школьной компетенціи мѣстныхъ властей, и высшія церковныя инстанціи обычно принимали тутъ сторону городовъ, согласно общей политикѣ средневѣковой церкви, оказывавшей поддержку школь и образованію во всѣхъ ихъ формахъ. Въ общемъ приходится допустить, что къ концу XV столѣтія почти не оставалось городовъ безъ школы. и что училища не были рѣдкостью даже въ мелкихъ мѣстечкахъ и деревняхъ, какъ Кнепперъ доказалъ это относительно Эльзаса: а сколько же мелкихъ школъ исчезло безъ всякаго слѣда. Въ болѣе крупныхъ городахъ существовало по нѣскольку школъ сразу, а на ряду съ ними продолжали еще существовать монастырскія и капитулярныя школы; впрочемъ, эти старые типы школъ теперь сильно уже клонились къ упадку.

Наконецъ нужно упомянуть, что на ряду съ общественными школами въ городахъ начали еще развиваться частныя учебныя заведенія, которыя пошли навстрѣчу растущей потребности широкихъ слоевъ населенія въ элементарномъ образованіи. Нѣмецкія школы грамоты (*Lese- und Schreibschulen*), являв-

шіяся совершенно частными предпріятіями, и обучавшія дѣтей обоего пола чтенію и письму не на латинскомъ, а на родномъ языкѣ, встрѣчаются къ концу среднихъ вѣковъ, во всѣхъ значительныхъ городахъ, часто даже въ порядочномъ числѣ. И городскія власти кое-гдѣ ужъ обращаютъ на нихъ вниманіе и издаютъ имъ въ руководство особыя наказы. Школы эти представляютъ собой зачатки дѣйствительно народнаго образованія, въ отличіе отъ стараго ученаго.

Такимъ образомъ, едва ли мы ошибемся, допустивъ, что къ концу среднихъ вѣковъ все мало-мальски зажиточное городское населеніе умѣло ужъ читать, да часто и писать. Очень вѣскимъ доводомъ въ пользу такого взгляда, при отсутствіи статистическихъ данныхъ, служитъ быстрое развитіе книгопечатанія и превращеніе его въ самостоятельную значительную отрасль производства: это могло быть возможно только при массовомъ спросѣ на книгу. Извѣстно, какую громадную роль сыграло книгопечатаніе въ великихъ духовныхъ движеніяхъ начала XVI столѣтія. Я напому Лютера и Гуттена съ ихъ памфлетами. Та головокружительная быстрота, съ какой эти листки перелетали изъ одного города въ другой и расхватывались массаами, объяснима лишь при условіи, что городское населеніе умѣло и хотѣло читать.

Что касается воспитательныхъ пріемовъ, то, соотвѣтственно общему характеру, времени и спеціальному характеру церковной дисциплины, они были суровы и даже жестоки. Розга являлась главнымъ воспитательнымъ орудіемъ какъ дома, такъ и въ школѣ; она—неизбѣжный атрибутъ средневѣковаго учителя. Что она примѣнялась также и какъ обычное вспо-

могательное дидактическое средство, показываютъ многозначительныя названія школьныхъ учебниковъ, въ родѣ *sparadorsum* (береги-задъ). Въ ту пору, когда бичеваніе такъ широко практиковалось по вѣсѣмъ монастырямъ, какъ самое богоугодное дѣяніе, считалось, что и школьнику розга всегда на пользу. Но средніе вѣка и въ это умѣли вносить свой благодушный юморъ, какъ то показываетъ слѣдующій широко распространенный обычай: запасъ розогъ для школы дѣлали сами ученики, веселой процессіей отправлявшіеся для этой цѣли въ рошу, при чемъ имъ разрѣшались не только всякія дурачества, но и легкая выпивка. *Virgidemia*—сборъ розогъ—прозвало школьное остроуміе этотъ праздникъ по аналогіи съ *vin-demia* (сборъ винограда).

Заключительный обзоръ. Если мы попытаемся теперь охватить взоромъ всю совокупность образовательнаго движенія во вторую половину среднихъ вѣковъ, то, не колеблясь, мы можемъ сказать, что передъ нами въ данномъ случаѣ могучее культурное развитіе. Прежде всего, школьное образованіе, а съ нимъ и интеллектуальная культура очень выигрываютъ въ степени распространенности. У всѣхъ западныхъ народовъ теперь существуетъ обширный классъ лицъ, получившихъ образованіе въ университетахъ или въ среднихъ школахъ. Для университетскаго міра мы можемъ даже сдѣлать попытку установить нѣкоторыя статистическія данныя: по Эйленбургу ¹⁾, число учащихся въ нѣмецкихъ университетахъ около 1500 г. было не меньше 3—4.000;

1) *Fr. Eulenburg*, Die Frequenz der deutschen Universitäten von ihrer Gründung bis zur Gegenwart, Leipzig, 1904.

если сюда прибавить еще число учащихся въ Вѣнѣ, въ Прагѣ, и нѣмцевъ въ заграничныхъ университетахъ, то общее число нѣмецкихъ студентовъ будетъ не меньше 6.000. Въ среднемъ, какъ есть основаніе полагать, студентъ оставался въ университетѣ года два. Такимъ образомъ за 20 лѣтъ университеты выпускали около 60.000—поразительно высокая цифра для эпохи, не знавшей академически образованнаго чиновничества. А къ этому нужно еще прибавить большое число лицъ, познакомившихся въ извѣстной мѣрѣ съ наукой въ церковныхъ и городскихъ школахъ. Мы не можемъ, конечно, попытаться опредѣлить ихъ численность; но при большомъ количествѣ школъ—въ нѣкоторыхъ болѣе крупныхъ городахъ ихъ было по 4, 6, 8—она должна была быть очень значительна. Приведемъ все-таки пару цифръ: въ Нюренбергѣ въ 1485 г. въ 4-хъ школахъ находилось 4 старшихъ учителя, 12 помощниковъ и 245 платныхъ учениковъ дѣтей горожанъ; кромѣ того, было очень много чужихъ раурегес¹⁾; въ 1532 г. было постановлено, чтобы число ихъ не превышало 110 человекъ. Въ Аугсбургѣ въ 1503 г. въ одной процессіи участвовалъ весь клиръ города съ учениками 5 школъ; въ общей сложности это составило 523 человекъ. Наконецъ была масса такихъ, которые получали элементарное образованіе въ нѣмецкихъ школахъ грамоты или у себя дома; домашнее учительство являлось тогда широко развитымъ промысломъ среди школьно-образованнаго пролетаріата.

Что касается, далѣе, до направленія этого движенія, то оно характеризуется слѣдующими чертами.

1) Бѣдняковъ, обучавшихся Христа ради. *Ред.*

Во-первыхъ, въ правовой организаціи. постепенно идущее впередъ освобожденіе отъ церкви. Университеты, по сравненію со старыми монастырскими и капитулярными школами, представляютъ относительно самодовлѣющую жизненную форму. Наука и ученое сословіе достигаютъ въ нихъ извѣстной обще признаваемой самостоятельности, конечно, не въ смыслѣ полной независимости отъ церкви и церковнаго ученія — вещь совершенно невысказанная въ средніе вѣка — но въ томъ смыслѣ, что они все же живутъ теперь своею собственною жизнью, оказывая при этомъ не малое вліяніе и на самую церковь. Не даромъ же въ извѣстномъ средне-вѣковомъ сравненіи того, что Богъ далъ разнымъ странамъ, Парижскій университетъ оказывается эквивалентомъ папства, доставшагося на долю итальянцамъ, и имперіи, доставшейся на долю нѣмцамъ. Матеріальная поддержка, оказывавшаяся университетамъ со стороны государства, особенно въ Германіи, даетъ при этомъ и свѣтской власти доступъ къ вліянію на духовную и научную культуру. На то же указываетъ и возникновеніе городскихъ школъ: этимъ путемъ города начали отбирать изъ рукъ церкви заботы о воспитаніи юношества, — тенденція, къ которой затѣмъ примкнула Реформація.

Нѣчто подобное проявляется и во внутреннемъ развитіи духовной жизни: извѣстное обмирщеніе научной дѣятельности даетъ себя ясно чувствовать. Нагляднѣйшимъ примѣромъ являются въ этомъ отношеніи медицина и разработка римскаго права; тутъ предметомъ научныхъ занятій служилъ матеріалъ, до того времени чуждый церкви. Но то же происходитъ и въ философской, и въ богословской сферахъ. Какими

ограниченіями и оговорками ни обставлялись занятія вновь открытой Аристотелевой философіей, но торжество ея въ университетахъ ведетъ къ возрожденію языческой науки и притомъ въ такомъ объемѣ, въ какомъ это было бы совершенно невысказуемо въ первую половину среднихъ вѣковъ. Аристотель нерѣдко ставится теперь въ такую опасную близость со Священнымъ писаніемъ, что оба авторитета чуть не соперничаютъ: философъ представляетъ собою авторитетъ разума на ряду съ авторитетомъ Откровенія. Самый горькій упрекъ, который Лютеръ бросаетъ въ лицо папству, состоитъ именно въ томъ, что папство позволило этому язычнику утвердить свое господство въ христіанской школѣ,—господство, захватывавшее и область богословія. И это безъ сомнѣнія такъ: схоластическое богословіе есть рациональное богословіе и хочетъ быть такимъ; оно признаетъ Откровеніе и церковную вѣру, но оно ищетъ высшей формы для этого содержанія; оно стремится растворить вѣру въ разсудочномъ элементѣ, обратить ее въ діалектически-спекулятивное познаніе, подобно тому, какъ это впоследствии пыталась сдѣлать Гегелевская философія. *Fides quaerens intellectum* 1) — такими словами уже Ансельмъ Кентерберійскій формулировалъ схоластическую программу. Въ удивительномъ противорѣчьи съ этой разсудочностью стояла, съ другой стороны, приверженность къ традиціи, желаніе постоянно опираться на какой-нибудь авторитетъ; внутренній разладъ, проистекавшій отсюда, и былъ той причиной, которая на исходѣ среднихъ вѣковъ повела къ разложенію схоластическихъ системъ.

1) Вѣра, ищущая разумѣнія.

Отмѣтимъ еще одну характерную, также рационалистическую черту—равнодушіе къ занятіямъ литературой въ узкомъ смыслѣ. *Littera sordescit, logica sola placet* ¹⁾—эти слова Іоганна Салисберійскаго могутъ служить эпиграфомъ ко всей научной работѣ средне-вѣковыхъ университетовъ; поэтически - риторическая литература древнихъ была въ загонѣ, цѣнились лишь философскіе, научные труды. Это одностороннее господство рационалистическихъ наукъ влекло за собой здѣсь, какъ и повсюду, полное равнодушіе къ стилистической и словесной формѣ и даже нѣкоторое презрѣніе къ литературнымъ красотамъ; то же явленіе мы наблюдаемъ позже въ школьномъ языкѣ Кантовской или Гегелевской философіи: все дѣло въ сути, въ мысли, а форма безразлична. И когда реакція противъ господства рационализма, въ теченіе трехъ столѣтій властвовавшаго надъ умами, вызвала къ жизни литературу Возрожденія, то главныя нападки «поэтовъ и ораторовъ» были обращены какъ разъ на эту сторону — на это пренебрежительное, варварски грубое обращеніе схоластиковъ съ языкомъ и стилемъ. За это вся схоластическая философія и наука объявлены были негоднымъ хламомъ, полнѣйшею бессмыслицей: могъ ли, въ самомъ дѣлѣ, быть какой-нибудь разумный смыслъ въ писаніяхъ, усыпанныхъ такими чудовищными словами, какъ *haecceitas, quidditas, identitas* и пр.? Въ теченіе трехъ вѣковъ будутъ оглашаться теперь школьныя стѣны воплями по поводу средне-вѣкового варварства: по формѣ, по классическому стилю будутъ теперь узнавать образованнаго человѣка.

1) Словесностью брезгаютъ: одна логика въ почетѣ.

КНИГА II.

ЭПОХА ВОЗРОЖДЕНИЯ И РЕФОРМАЦИИ.
(1500—1650).

ГЛАВА I.

Общія тенденціи новой эпохи.

Возрожденіе. Историкѣ образованія и образовательныхъ учрежденій постоянно приходится сталкиваться съ однимъ явленіемъ, представляющимъ на первый взглядъ совершенно ненормальнымъ. Я говорю о той неблагодарности, даже презрѣнни, съ какимъ всякая новая эпоха отвертывается отъ предшествующей, которой она обязана и своимъ образованіемъ, и своимъ воспитаніемъ. Но никогда подобный страстный протестъ противъ традиціонной системы образованія не заявлялъ себя съ такою рѣзкостью, какъ на переходѣ отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени. Въ погонѣ за новымъ идеаломъ образованія то поколѣніе, которое прожило свою молодость на склонѣ XV вѣка, прямо съ брезгливостью отбрасывало отъ себя все, чему его тогда учили. Предшествующая эпоха не мало и не бесплодно потрудилась, если не для прогресса научной мысли, то для распространенія доставшихся ей по наслѣдству знаній и для повышенія общаго уровня интеллектуальныхъ силъ; но со стороны молодого поколѣнія это не поминается ни однимъ словомъ благодарности; напротивъ, все старое школьное и университетское образованіе и всѣ его носители осыпаются неумолчной

руганью и бранью, часто доходящей до бѣшенства. Мiръ погрузился въ грубое варварство благодаря схоластической философіи, трудами Оомы и Скота— вотъ неизсякаемая тема гуманистическаго краснорѣчія. И обратно, новое образованіе превозносится до небесъ; это образованіе, почерпаемое въ изученіи классической древности и ея литературы, есть своего рода новое рожденіе, чрезъ которое изъ естественнаго человѣка впервые возникаетъ одухотворенный, настоящій человѣкъ.

Если мы попытаемся построже опредѣлить господствующія тенденціи великаго, универсальнаго духовнаго движенія, которое мы привыкли называть Возрожденіемъ, то мы прежде всего должны будемъ отмѣтить слѣдующее. Внутренней движущей силой его является страстное стремленіе индивидуума стать самому господиномъ своей личности: таковъ характеръ, съ которымъ является на историческую сцену современный человѣкъ. Это прежде всего выражается въ стремленіи къ эманципации отъ традицій и внѣшняго авторитета. «Я» требуетъ для себя и своего разума послѣдняго слова въ разрѣшеніи всѣхъ вопросовъ; «я» наотрѣзъ отказывается признавать за существующимъ значеніе по одному тому, что оно существуетъ; «я» соглашается подчиняться лишь тѣмъ принципамъ, которые признаетъ оно само. Для него наслажденіе выбивать доводами разума существующее изъ его позицій; критика пробуждается и подвергаетъ своему анализу все признанное; ошибки самыхъ старыхъ, самыхъ почтенныхъ преданій ни на одно мгновеніе не застрахованы отъ нея. Напомню только Лоренцо Валлу и Дезидерія Эразма. Позднѣе критика за свой исходный пунктъ прямо объявляетъ

априорное отрицаніе всего, что признавалось до сихъ поръ, такъ, Декартъ облакаетъ это отрицаніе въ форму универсальнаго сомнѣнія, чтобы затѣмъ на расчищенной почвѣ воздвигнуть чисто - разумное строеніе

Противоположность съ предшествовавшей эпохой очевидна. Дѣйствительно, въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ люди повсюду искали себѣ опоры въ авторитетѣ; духовный складъ ихъ влекъ ихъ къ внутреннему преклоненію предъ общепризнаннымъ, предъ церковью и ея ученіемъ; и самъ средневѣковой рационализмъ, проснувшійся въ схоластическій періодъ, въ общемъ относился съ трепетной почительностью къ традиціи и авторитету. Схоластика хотѣла, правда, уразумѣть вѣру, но она при этомъ исходила изъ предпосылки, что въ вѣрѣ истина, и она не отеклась отъ этого даже тогда, когда ей пришлось убѣдиться, что это разумомъ не можетъ быть доказано. Случайные порывы умственной независимости въ эту пору не доказываютъ еще обратнаго: въ общемъ и тогда царило смиренномудріе, добровольно склонявшее разумъ къ послушанію. Конечно, внѣшнее подчиненіе церковной власти сплошь и рядомъ оказывалось и потомъ, въ XVI и XVII столѣтіяхъ, какъ оно оказывается еще и теперь. Но со времени великаго разрыва «я» съ объективнымъ недостаетъ уже внутренней покорности авторитету; отреченія производятся языкомъ и перомъ, а не сердцемъ и мыслью

Второй основной тенденціей является страстное стремленіе къ новому духовному содержанію жизни, опредѣляемому по собственному выбору. Его заимствуютъ у древности, впервые открытой вновь въ

Италіи, т.-е. у до-христіанской, языческой древности. Ея литература, ея поэзія, ея философія, ея риторика и исторіографія. ея искусства, ея архитектура, ея міровоззрѣніе и ея жизненныя формы—все это подхватывается и съ необычайной любовью и воодушевленіемъ изучается, усваивается, становится предметомъ подражанія. Кажется, еще немного, и весь сонмъ античныхъ боговъ снова сдѣлается предметомъ обожанія, какъ единственно истинныхъ и настоящихъ боговъ. Въ античномъ мірѣ, и только въ немъ, находятъ все то, чего жаждутъ природу, истину, красоту, полноту и свободу, классическая древность признается истиннымъ откровеніемъ человѣчества, воплощеніемъ идеи «гуманности». Сравнительно съ ней все образованіе минувшей эпохи, ея искусства, ея наука, философія и богословіе кажутся отвратительно вычурны, неправдивы, неестественны, нечеловѣчны, однимъ словомъ, все это—«Готское варварство». Вторженіе «Готовъ», варваровъ, уничтожило или, по крайней мѣрѣ, скрыло подъ грубой корой античный міръ прекрасной человѣчности. И новое время, заря котораго теперь такъ пышно загорается на небѣ, можетъ имѣть только одну задачу: вернуть на свѣтъ тотъ дивный міръ, который такъ долго былъ окутанъ мрачной ночью средневѣковья. Не о филологически - историческомъ изученіи этого міра идетъ здѣсь дѣло, а о творческомъ его возобновленіи, его возрожденіи. И вотъ начинается кипучая работа въ сферѣ всѣхъ искусствъ, при чемъ эти художники кисти, рѣзца и слова сами себя считаютъ непосредственными продолжателями античныхъ своихъ предшественниковъ: теперь всѣ строятъ, рисуютъ, пишутъ, философствуютъ только въ формахъ

классической древности; создается міръ художественныхъ произведеній, непосредственно примыкающихъ къ тѣмъ античнымъ образцамъ, которые земля должна была отдать неутомимымъ организаторамъ раскопокъ. И точно такъ же возникаетъ необъятная новолатинская литература, воссоздающая всѣ роды, въ которыхъ упражнялись античные писатели: философскіе діалоги и риторическую исторію, научныя изысканія и разсужденія, но прежде всего пышныя рѣчи и стихотворенія—стихотворенія во всякой формѣ и во всякомъ размѣрѣ, какіе только извѣстны были древности. Намъ эти произведенія въ большинствѣ случаевъ кажутся теперь только холодными, безцвѣтными подражаніями; но въ то время они воспринимались, какъ живое творчество, и современникамъ не казалось нисколько неестественнымъ, когда писатели этой эпохи украшали себя именами римскихъ и греческихъ поэтовъ и философовъ.

Въ этомъ увлеченіи до-христіанской древностью сказывается еще одна черта, остающаяся затѣмъ примѣтой всего новаго времени: интересъ къ земному и равнодушіе къ нездѣшнему міру. Древне-христіанская религія была опредѣленно религіею не отъ міра сего: она насквозь была проникнута рѣзкимъ этическимъ и метафизическимъ супранатурализмомъ. Средневѣковье также выросло при этой формѣ міро- и жизнепониманія; его наука гораздо больше занималась тѣмъ міромъ, нежели этимъ, и идеаломъ совершенства единогласно признавалось существованіе, которое вели отшельники въ монастыряхъ. Конечно, средневѣковье жило какъ внѣ монастыря, такъ и въ самомъ монастырѣ, не только жизнью отреченія и удаленія отъ міра. Для войнъ и завоеваній, для

охоты и турнировъ, для любви и мірскихъ утѣхъ, для героическихъ поэмъ и миннезингеровъ тоже оказывалось довольно мѣста въ его жизни; быть-можетъ даже, юношеская жизнерадостность и любовь къ міру гораздо больше отвѣчали дѣйствительному строю его чувства, чѣмъ жизнь святыхъ подвижниковъ. Однако заботы о спасеніи души настолько пригнетали эту радость, что она проявлялась только украдкой, какъ бы стыдясь самой себя. Съ эпохой Возрожденія начинается быстрый побѣдоносный поворотъ въ сторону здѣшняго міра; мысли о томъ, что ждетъ насъ, когда насъ тутъ не будетъ, заботы объ адѣ и небѣ, отступаютъ на задній планъ.

Tor, wer dorthin die Augen blinzend richtet!
Dem Tüchtigen ist diese Welt nicht stumm;
Was braucht er in die Ewigkeit zu schweifen? ¹⁾

Это—основное настроеніе новаго времени. Въ полномъ согласіи съ нимъ стоитъ поворотъ отъ богословскихъ умозрѣній къ естественнымъ наукамъ и исторіи, отъ монастырскаго аскетизма къ веселью и разгулу, отъ робкаго самоограниченія къ смѣлой рѣшимости пробивать себѣ свою дорогу. Открытіе Америки ведетъ къ завоеванію земного шара и подчиненію всѣхъ расъ европейскимъ народамъ, открытіе Коперника—къ завоеванію вселенной и вытѣсненію изъ пространства, чтобы не сказать изъ дѣйствительности, сверхъестественнаго міра. Уравненіе: Богъ=природа, данное у Джіордано Бруно, непосредственно примыкаетъ къ ученію о безконечности вселенной.

¹⁾ Глупецъ тотъ, кто неподвижно вперяетъ свои глаза туда... Для настоящаго человѣка и этотъ міръ не безмолвенъ; какая нужда ему еще заноситься мыслями въ вѣчность.

(Одновременно съ этимъ совершается эманципация свѣтской власти отъ церковной; полновластіе государства теоретически обосновывается Макиавелли въ его «Князѣ», на практикѣ же осуществляется въ крупномъ масштабѣ испанскимъ и французскимъ королевствами.

Въ извѣстной связи съ этимъ поворотомъ отъ нездѣшняго міра къ здѣшнему стоитъ и другой поворотъ—отъ абстрактнаго къ конкретному, отъ діалектической философіи понятій къ занятіямъ наглядными и осязательными вещами въ природѣ и исторіи. Въ теченіе послѣднихъ столѣтій среднихъ вѣковъ университеты и школы работали исключительно въ сферѣ понятій, выказывая явное презрѣніе къ области фактовъ, съ которыми нерѣдко обращались такъ, какъ будто все ихъ значеніе въ томъ, что на нихъ можно изоцрять діалектическое остроуміе. Противъ этой односторонности въ эпоху Возрожденія начинается реакція. Съ чувствомъ, которое выражаетъ въ знаменитомъ монологѣ изъ Фауста Мефистофель, люди отвернулись отъ бесплодной пустыни логическо-метафизическихъ спекуляцій и перешли на богатую ниву фактовъ. Много вѣковъ ученые съ горячимъ усердіемъ диспутировали по поводу старыхъ діалектическихъ проблемъ и не смогли продвинуться ни на одинъ шагъ впередъ; наконецъ, вырастаетъ поколѣніе, которымъ овладѣваетъ неодолимое отвращеніе ко всѣмъ этимъ бесплоднымъ толкамъ и страстное желаніе найти для себя что-нибудь иное; оно бѣжитъ изъ школъ грамматиковъ и логиковъ, диспутирующихъ физиковъ и метафизиковъ, чтобы предаться созерцанію дѣйствительности, и прежде всего созерцанію великаго и прекраснаго античнаго міра.

Съ надменнымъ издѣвательствомъ «Письма темныхъ людей» отдають на посмѣяніе молодежи діалектическіе фокусы старыхъ профессоровъ богословія и философіи; и въ наши дни еще у многихъ представленіе о схоластической философіи основано на этихъ Письмахъ. Да и нельзя, конечно, не сказать, что философія эта отжила тогда свой вѣкъ; высокая надежда, которой она была одушевлена четырьмя вѣками раньше,—надежда обратитъ вѣру въ знаніе, оказалась несбыточной мечтой. Такимъ образомъ отъ схоластики остался только одинъ методъ, который она примѣняла къ разсмотрѣнію и нужныхъ, и ни зачѣмъ рѣшительно не нужныхъ проблемъ въ грамматикѣ или въ логикѣ, въ физикѣ и математикѣ, въ вопросахъ земного и неземного существованія; мельница продолжала молотъ, но она не давала больше муки. Зато цѣлыя триста лѣтъ потомъ схоластическая философія и находилась подъ гнетомъ безусловнаго презрѣнія всѣхъ образованныхъ людей, пока, наконецъ, въ наше время, вмѣстѣ съ общимъ оживленіемъ католицизма въ XIX столѣтіи, и ей пришлось дожидаться своего рода возрожденія.

Въ заключеніе сдѣлаю еще два замѣчанія. Во-первыхъ, все это движеніе отнюдь не было въ исторіи западно-европейскихъ народовъ чѣмъ-то наноснымъ, извнѣ пришедшимъ, какъ, напримѣръ, то было въ свое время съ принятіемъ нашей родиною христіанства; напротивъ, оно поднялось изъ самыхъ нѣдръ тогдашней жизни. То было первое великое и совершенно самопроизвольное проявленіе нашего современнаго духа. Поднявшись на извѣстную ступень культурнаго развитія, молодые народы сознали са-

михъ себя и свое внутреннее родство съ юношескимъ, до-христіанскимъ періодомъ античной древности и, сознавъ это, они отбросили ту мантию религіи Иску-пленія, въ которую они старательно облекались до тѣхъ поръ. Во-вторыхъ, надобно отмѣтить, что первыми носителями новаго духа являются высшіе общественные слои; ихъ всего раньше захватило новое умственное движеніе. Дворы духовныхъ и свѣтскихъ князей дѣлаются сборными пунктами новомодныхъ художниковъ и поэтовъ, ораторовъ и философовъ. Новый идеаль образованія носить ясно выраженный аристократическій и эстетическій характеръ съ сильной тенденціей держаться отъ массъ подальше. Что съ презрѣніемъ къ простому, рядовому человѣку часто связывалось и презрѣніе къ обиходной морали, это мы могли бы установить прямо а priori, если бы даже мы не знали этого твердо по сотнямъ свидѣтельствъ. Мораль господъ всегда и повсюду наклонна ставить себя по ту сторону добра и зла, а мораль поэтовъ и художниковъ, можетъ-быть, и еще того больше: теперь сознаніе занято вопросами о томъ, что высоко и что пошло, что изячно и что уродливо, что тонко и что заурядно, и за этими различіями старое грубое различіе добра и зла становится неинтереснымъ.

Реформація. Движеніе, пошедшее въ 1517 году изъ Виттенберга, первое время казалось чадомъ того же гуманистическаго духа, который въ эту пору какъ разъ овладѣвалъ Германіей. Однако на дѣлѣ теченіе это шло изъ совсѣмъ другихъ источниковъ, что скоро обнаружилось и въ направленіи его: заимствованный изъ Италіи эстетически-аристократическій идеаль столкнулся въ Лютеровой Рефор-

маціи съ этически-религіозной и національно-демократической струей.

Во всякомъ случаѣ, у Лютера и гуманистовъ есть точки соприкосновенія. И въ Реформаціи дѣло шло, прежде всего, объ освобожденіи личности, объ ея эманципаціи отъ традицій и авторитета. Лютеръ стремился уничтожить то средостѣніе между индивидуумомъ и Богомъ, которое представляли собою церковь и духовенство: онъ превращалъ религію въ дѣло личной вѣры и собственной совѣсти каждаго. Конечно, въ этой борьбѣ противъ человѣческихъ авторитетовъ онъ опирался на высшій авторитетъ— авторитетъ Божьяго слова; но при этомъ онъ такъ былъ увѣренъ въ своей правотѣ, что тамъ, гдѣ буква Писанія была противъ него, онъ смѣло и спокойно шелъ противъ буквы, ссылаясь на духъ, на собственный свой духъ, въ которомъ онъ чувствовалъ духъ Божій. И поворотъ къ земному также не чуждъ былъ Реформаціи, что выражается, прежде всего, въ отрицаніи священной праздности монастырской жизни и въ возвеличеніи мірской дѣятельности и брака. Кромѣ того, Лютеръ сходилъ съ вождями гуманизма въ ненависти къ схоластической философіи и теологіи: ненависть и презрѣніе къ традиціонному строю университетскаго образованія, которыми дышетъ Лютерово «Посланіе къ христіанскому дворянству нѣмецкой націи» (1520), ничуть не уступаютъ по своей силѣ нападкамъ «Писемъ темныхъ людей».

И все это звучитъ, однако, въ совершенно иномъ тонѣ. Какъ я уже указывалъ, Лютеровъ гнѣвъ противъ схоластики и университетовъ вызывается, въ концѣ-концовъ, не тѣмъ, что они слишкомъ мало удѣляютъ мѣста разуму въ вопросахъ философіи и

теологіи, а тѣмъ, напротивъ, что слишкомъ много, тѣмъ, что они сливаютъ ученіе «проклятаго, продрозостнаго, лукаваго язычника» Аристотеля, съ христіанскимъ ученіемъ Св. писанія, что они толкують о доблести и заслугѣ вмѣсто того, чтобы говорить о грѣхѣ и благодати. Этому Лютеръ противопоставляетъ свои требованія. только писаніе и только вѣра. И эти требованія подсказаны ему не умозрѣніемъ, а опытомъ личной религіозной жизни; онъ не могъ снискать благодати Божіей на пути стараго церковнаго ученія и благочестивыхъ церковныхъ упражненій; отсюда выводъ, что путь этотъ не правый. Въ Лютерѣ нѣтъ и тѣни того теоретическаго стремленія къ единству вѣры и знанія, которое привело къ созданію схоластическаго богословія; вѣра долѣетъ сама себѣ, и разумъ можетъ только ее спутать. Въ немъ нѣтъ и сильнаго стремленія къ наукѣ и образованію; они стоятъ очень далеко отъ центра его жизни, и люди, видѣвшіе, подобно Эразму Роттердамскому, въ этихъ вещахъ высшее благо, были для него чужды и подозрительны. Вниманіе къ земному у него тоже имѣетъ совсѣмъ иной смыслъ, чѣмъ у приверженцевъ Гуттена или даже у Цвингли. Лютеръ просто не вѣрилъ въ пригодность монашеской жизни для умерщвленія плотскихъ желаній и страстей; напряженный трудъ и заботы семейной жизни казались ему болѣе пригодными для этого. Образованіе, культура, радости жизни имѣютъ для него только очень незначительную цѣнность. Его христіанство есть всецѣло религія Искупленія: грѣхъ и благодать—вотъ ея полюсы, какъ это было и въ древней церкви. Средневѣковой римскій католицизмъ привелъ къ обмірщенію христіанства, обративъ супранатурали-

стическую религію Искупленія въ полурационалистическую культурную религію. Вотъ что, въ концѣ-концовъ, и вызвало отпаденіе Лютера отъ папства, какъ ни странно это можетъ показаться многимъ. Далеко не случаенъ тотъ фактъ, что Лютеръ объявилъ борьбу на жизнь и на смерть, какъ антихристу, папѣ Льву X Медичи, который собиралъ вокругъ себя въ Ватиканѣ языческихъ боговъ или ихъ изображенія. Теперь будетъ вполне понятно, почему очень скоро порвалась существовавшая на первыхъ порахъ связь между Реформаціей и Возрожденіемъ. Вожди гуманизма, Рейхлинъ, Эразмъ, Муціанъ, отшатнулись отъ лютеранства; старая церковь, при всѣхъ своихъ грѣхахъ, все же казалась имъ болѣе благосклонной къ эстетическому образованію и чисто научнымъ занятіямъ, чѣмъ радикальный морализмъ и абсолютная правотѣрность Реформаціи. Само собой разумѣется, мы не отрицаемъ, что Реформація, какъ историческій принципъ, очень скоро измѣнила свое отношеніе къ современной культурѣ и образованію. Великія историческія движенія идутъ своимъ собственнымъ путемъ, не заботясь о намѣреніяхъ тѣхъ, кто открывалъ ихъ.

Такова краткая характеристика обѣихъ духовныхъ революцій, съ которыхъ начинается новая исторія. То дѣйствуя въ одномъ и томъ же направленіи, то находясь въ борьбѣ, онѣ опредѣлили все послѣдующее развитіе западныхъ народовъ, и въ частности подъ перекрестнымъ ихъ вліяніемъ школьное дѣло вполне преобразовалось.

Г Л А В А II.

Ходъ историческаго развитія и руководящія личности Возрожденія и Реформаціи.

Уже со второй половины XV столѣтія и въ нѣмецкихъ университетахъ и школахъ начали слышаться первые отголоски гуманистическаго движенія. Въ университетахъ то здѣсь, то тамъ выплываютъ первые «поэты и ораторы»; однимъ изъ самыхъ раннихъ былъ безпутный Петръ Людеръ; затѣмъ выступилъ Конрадъ Цельтесъ (1459—1508), который обладалъ бѣльшими дарованіями и значеніемъ, но тоже вель жизнь далеко не примѣрную. Въ этихъ бродячихъ поэтахъ вообще какъ бы воскресъ духъ старыхъ странствующихъ студентовъ. Цельтесъ былъ первый *poëta laureatus* ¹⁾ на нѣмецкой почвѣ; онъ былъ увѣнчанъ въ 1487 году въ Нюренбергѣ императоромъ Фридрихомъ III; послѣ долгихъ скитаній онъ сдѣлался преподавателемъ поэзіи и краснорѣчія сначала въ Баваріи, въ Ингольштадтскомъ университетѣ, а затѣмъ съ 1497 г. въ Вѣнѣ, гдѣ императоръ Макси-

¹⁾ Увѣнчанный лаврами поэтъ, поэтъ-лавреатъ. — Обычай увѣнчать лаврами знаменитѣйшихъ поэтовъ возникъ въ Италиі. Славнѣйшимъ изъ итальянскихъ поэтовъ-лавреатовъ былъ Петрарка. Въ Англии, какъ извѣстно, такое званіе сохранилось и до нашихъ дней. / сд.

милианъ поставилъ его во главѣ вновь основаннаго collegium poetarum. Этотъ collegium былъ чѣмъ-то въ родѣ пятаго факультета на ряду со старымъ facultas artium, и ему было дано право увѣнчивать поэтовъ; такъ серьезно относилось то время къ новой поэзи. Къ этимъ двумъ можно еще присоединить цѣлый рядъ именъ странствующихъ поэтовъ, изъ которыхъ особенно извѣстны были Эстикампiанъ и Бушій. Ульрихъ фонъ-Гуттенъ также принадлежалъ первоначально къ ихъ числу. Выступая то здѣсь, то тамъ, при университетахъ и при дворахъ князей, эти поэты съ безграничной самоувѣренностью сами себя провозглашали апостолами новаго образованія, миссіонерами, принесшими варварамъ идею человѣчности. Ставя свою особу выше требованій обыденной морали, они вели жизнь бурную, но ухитрились изъ тѣхъ же похожденій ковать себѣ монету, претворяя ихъ въ элегантные латинскіе стихи. Они усердно льстили своимъ покровителямъ, внушая имъ, что поэтическое перо способно обезсмертить ихъ имена; противниковъ же своихъ они грозили сдѣлать предметомъ всеобщаго посмѣшища. И что угрозы ихъ, по крайней мѣрѣ, не были пустою похвальбой—это показываютъ *Epistolae obscurorum virorum* (1516), въ которыхъ Кротъ Рубеанъ и Гуттенъ такъ беспощадно отдѣлали старыхъ университетскихъ ученыхъ, особенно теологовъ и «артистовъ», что ихъ насмѣшки находятъ отзвукъ еще и теперь въ нашихъ сатирическихъ листкахъ.

Болѣе глубокое и продолжительное значеніе, чѣмъ эта поэтическая шумиха, имѣла тихая дѣятельность дѣйствительныхъ представителей новой науки объ античной древности. Изъ этихъ представителей да-

леко на первомъ мѣстѣ стоитъ Дезидерій Эразмъ (1467—1536). Нидерландецъ по рожденію, онъ впоследствии чувствовалъ себя почти одинаково дома въ Англіи, во Франціи, въ Итали и въ Германіи, но послѣдніе годы онъ жилъ преимущественно въ Германіи (Базель, Фрейбургъ). Его научная и литературная дѣятельность прямо необычайна по своему объему; особенно онъ оказалъ громадную услугу какъ школѣ, такъ и великимъ общественнымъ движеніямъ своего времени, критическими изданіями текстовъ церковныхъ и свѣтскихъ, латинскихъ и греческихъ (въ томъ числѣ греческій Новый завѣтъ, 1516). Далѣе, его многочисленныя сочиненія методологическаго и педагогическаго содержанія опредѣлили весь строй старогуманистической школы. Наконецъ въ своихъ полемическихъ работахъ и особенно въ письмахъ онъ непосредственно занимался и великими вопросами своей эпохи. Около того времени, какъ изъ Виттенберга начало распространяться новое ученіе, Эразмъ занималъ въ Европѣ совершенно исключительное положеніе; онъ былъ самымъ прославленнымъ представителемъ новой свѣтской образованности, за которымъ ухаживали всѣ великіе міра сего изъ свѣтскихъ и духовныхъ лицъ, какъ на два вѣка позже за Вольтеромъ. Но Вольтеру до самой его смерти не измѣняло счастье; Эразмъ, напротивъ, долженъ былъ испытать превратность судьбы: церковная революція, къ которой онъ не могъ отнестись ни совершенно положительно, ни совершенно отрицательно, сдѣлала то, что онъ оказался пережившимъ самого себя; онъ умеръ одинокимъ и озлобленнымъ. На ряду съ Эразмомъ можно назвать еще І. Рейхлина, который, кромѣ греческаго, возобно-

вилъ также изученіе древне-еврейскаго языка. Его столкновеніе съ кёльнскими доминиканцами вызвало ту великую литературную распрю, въ которой «Письма темныхъ людей» нанесли послѣдній могучій ударъ старой системѣ. Изъ болѣе молодыхъ слѣдуетъ упомянуть Мозелана и Меланхтона.

Около 1520 г. долгая и упорная борьба въ университетахъ между старымъ схоластическимъ и новымъ гуманистическимъ образованіемъ, казалось, закончилась и закончилась въ пользу новаго: гуманизмъ отвоевалъ себѣ мѣсто рядомъ со старой философией. Почти во всѣхъ университетахъ въ концѣ двадцатыхъ годовъ были произведены реформы въ постановкѣ учебнаго дѣла; эти реформы, какъ онѣ представляются въ новыхъ программахъ лекцій, позволяютъ констатировать болѣе или менѣе полную побѣду гуманизма. Три черты особенно для нихъ характерны: во-первыхъ, принятіе поэтовъ и ораторовъ въ профессорскую корпорацію; во-вторыхъ, изгнаніе средневѣковой латыни и замѣна ея классической латынью даже въ преподаваніи самой схоластики: старые переводы Аристотеля были замѣнены новыми, поэзія и краснорѣчіе съ искусствомъ декламации и подражанія классикамъ были введены въ курсъ лекцій и сдѣлались предметомъ экзаменовъ; въ-третьихъ, учрежденіе профессорскихъ кафедръ греческаго языка.

И въ низшихъ школахъ вліяніе новаго образованія начало сказываться уже довольно рано; такъ, А. Гегій въ Девентерѣ или Л. Дрингенбергъ въ Шлетштадтѣ еще въ XV столѣтіи открыли войну противъ уродливости схоластическаго изученія грамматики и ввели изученіе классическихъ авторовъ. Въ

теченіе двухъ первыхъ десятилѣтій XVI вѣка мы повсюду встрѣчаемся съ попытками реформы преподаванія латинскаго языка: изгнаніе стараго учебника (*Doctrinale*, составленнаго Alexander de Villa dei, который нераздѣльно царилъ въ школахъ въ теченіе почти трехъ столѣтій), введеніе краткихъ и удобопонятныхъ руководствъ для изученія классической латыни, школьное чтеніе классиковъ съ упражненіями въ подражаніи ихъ прозѣ и поэзіи — вотъ существенныя черты этихъ реформъ. Дорогу здѣсь показывали южно-нѣмецкіе и рейнско-нидерландскіе крупныя города.

Такимъ образомъ, процессъ преобразованія школы вступилъ, казалось, въ фазу *pénétration pacifique* гуманизма въ старыя университеты и училища. И вдругъ на ясномъ сіяющемъ небѣ внезапно заходитъ грозовая туча церковной революціи. Въ короткое время нѣмецкій народъ отрывается отъ эстетически-литературныхъ интересовъ и погружается въ пучину великихъ религіозныхъ и церковно-политическихъ вопросовъ. Мѣсто *studia humanitatis* занимаетъ ожесточенная борьба изъ-за церковнаго вѣроученія, а скоро и изъ-за церковнаго строя. Образъ, поклонникъ безмятежнаго спокойствія и проповѣдникъ мирнаго просвѣщенія, долженъ былъ уступить мѣсто великому борцу, Лютеру. Первое дѣйствіе этой бури на дѣло образованія было разрушающее: старыя школы и университеты были такъ тѣсно связаны во всемъ своемъ соціальномъ, правовомъ и экономическомъ строѣ съ церковью, что крушеніе церкви обратило ихъ въ развалины. Уже одно то обстоятельство, что исчезала надежда получить за понесенные труды какое-нибудь церковное мѣсто, должно

было сильно сократить притокъ учениковъ въ школы и университеты. А затѣмъ вспыхнула крестьянская война со всѣми ея ужасами опустошенія и разоренія. Такимъ образомъ десятилѣтiе съ 1525 г. по 1535 г. характеризуется безпримѣрнымъ въ нашей исторіи упадкомъ образованія; число слушателей въ университетахъ сокращается почти до четверти прежняго количества, со школами дѣло обстоитъ не много лучше, такъ что Эразмъ имѣлъ полное право воскликнуть: «гдѣ царить лютеранство, тамъ изящныя науки гибнутъ».

Дѣло, однако, сложилось иначе. На сценѣ уже стоялъ человѣкъ, которому нѣмецкій народъ обязанъ спасеніемъ своего образованія отъ угрожавшей ему опасности. Я говорю о Филиппѣ Меланхтонѣ (1497—1560). Сынъ оружейнаго мастера изъ Бреттена въ Пфальцѣ, близкій родственникъ Рейхлина, благодаря чему гуманизмъ и эллинизмъ впитались въ него чуть не съ молокомъ матери, онъ былъ сначала однимъ изъ проводниковъ новыхъ идеаловъ въ Тюбингенскомъ университетѣ, а въ 1518 принялъ предложеніе занять кафедру греческаго языка въ молодомъ Виттенбергскомъ университетѣ. Рука объ руку съ Лютеромъ, принадлежавшимъ къ университету съ 1508 г., и при поддержкѣ Спалатина, онъ провелъ при саксонскомъ курфюршескомъ дворѣ гуманистическую реформу университета. Колоссальная личность Лютера на время почти совсѣмъ было поглотила его собственную личность; такъ, отъ него онъ заразился было пламенной ненавистью не только къ старой школьной философіи, но и къ язычнику Аристотелю. Однако скоро онъ снова нашелъ самого себя. Лишь только пагубныя послѣдствія религіознаго движенія

въ области школы дали себя знать, и фантастическія головы стали доказывать тщету всякой науки во имя духа, который безъ всякаго ученья одинъ ведетъ къ познанію истины, Меланхтонъ со всей упорной энергіей своей личности сталъ грудью противъ надвигавшейся бѣды. Безъ языковъ и философіи, твердилъ онъ, Реформація погибла: ея ученіе останется безъ почвы и падетъ. Неустанно проповѣдывалъ онъ союзъ евангелія съ наукой; этотъ союзъ является постоянной темой многочисленныхъ сочиненій и особенно университетскихъ рѣчей Меланхтона; онъ составляетъ цѣль его неутомимой, далеко не всегда благодарной, профессорской дѣятельности; ему посвящена, наконецъ, вся упорная работа Меланхтона, какъ организатора системы новаго протестантскаго образованія. Никогда ни одно почетное имя въ исторіи не было такъ заслужено, какъ то, которое получилъ въ концѣ своей полной трудовъ жизни магистръ Филиппъ отъ своихъ благодарныхъ учениковъ: *praeseptor posteris communis, praeseptor Germaniae* ¹⁾).

У Лютера также не могло быть сомнѣнія въ необходимости наукъ для новаго ученія, или, какъ это отражалось въ его сознаніи, для возстановленія древняго истиннаго ученія изъ его истинныхъ первоисточниковъ. Если религія и была для него единственнымъ абсолютно-важнымъ моментомъ, а все остальное — изящныя науки, умственное образованіе — второстепеннымъ, то, съ другой стороны, связь его дѣла съ научными занятіями, въ особенности съ научнымъ изученіемъ языковъ, была настолько ясна, что онъ не могъ ни на одну минуту упу-

1) Нашъ общій наставникъ, наставникъ Германіи.

стить ее изъ вида. И дѣйствительно, уже въ своемъ Посланіи къ христіанскому дворянству, онъ внушительно заявилъ о необходимости реформировать школы и университеты въ гуманистически-протестантскомъ духѣ: писаніе и языки должны являться основой всякаго образованія. Когда затѣмъ настало смутное время упадка школьнаго образованія, и всевозможные предиканты и «энтузіасты» начали все сводить къ «духу», Лютеръ взялся за перо и написалъ знаменитое свое мощное Посланіе «къ бургомистрамъ и совѣтникамъ всѣхъ городовъ въ нѣмецкихъ земляхъ» (1524). Это посланіе содержитъ въ себѣ двѣ главныхъ мысли: во-первыхъ, ту, что образованіе и особенно занятія языками совершенно необходимы для уразумѣнія писанія и вмѣстѣ съ тѣмъ для торжества «Евангелія», т.-е. новаго ученія. «Ибо, когда Богъ захотѣлъ просвѣтитъ чрезъ апостоловъ Своимъ Евангеліемъ весь міръ, то Онъ далъ для этого языки! И раньше Онъ такъ широко распространилъ чрезъ римское владычество по всѣмъ странамъ греческій и латинскій языки именно для того, чтобы Его Евангеліе сразу могло плодотворно распространиться во всѣ концы. Такъ точно поступилъ Онъ и теперь. Сначала никто не понималъ, почему Ему угодно было снова дать намъ знаніе языковъ, и только теперь стало ясно, что сдѣлано это было ради Евангелія, которое Онъ потомъ открылъ намъ, чтобы этимъ уничтожить и разрушить царство антихриста. И сколь намъ драгоцѣнно Евангеліе, столь крѣпко должны мы держаться за языки». Вторая мысль такова: городскія и вообще свѣтскія власти должны заботиться о хорошихъ школахъ и должны понуждать родителей посылать туда дѣтей. «Ибо разъ ихъ рукамъ

вѣрены благополучіе, честь и жизнь цѣлаго города, то онѣ будутъ. въ отвѣтъ передъ Богомъ и передъ людьми, если денно и ночью всѣми силами не будутъ радѣть объ его благосостояніи и процвѣтаніи. Процвѣтаніе же города не въ томъ одномъ состоитъ, чтобы накопить богатую казну, вывести крѣпкія стѣны, построить красивыхъ домовъ и наготовить побольше пищалей и латъ. Нѣтъ, если этого всего будетъ много, да надъ этимъ хозяевами будутъ тупые, бессмысленные горожане, такъ всѣ эти богатства пойдутъ такому городу только на пуцій вредъ и пагубу. Истинное же и самое пышное процвѣтаніе города, его опора и его сила заключаются въ томъ, чтобы имѣть много ученыхъ, образованныхъ, разумныхъ, почтенныхъ и воспитанныхъ гражданъ». И въ своей позднѣйшей «Проповѣди о томъ, что нужно посылать дѣтей въ школу» (1530) онъ вмѣняетъ властямъ въ обязанность посылать способныхъ мальчиковъ въ школы, если нужно, то даже съ принужденіемъ и на общественный счетъ, чтобы въ послѣдствіи имѣть годныхъ людей на общественныя должности.

Таковъ тотъ духъ, который создалъ новое протестантское образованіе. Онъ воплощенъ былъ въ личности Меланхтона: единство евангелическаго вѣроученія и гуманистическаго образованія подъ опекой свѣтской власти.

Теперь закипаетъ работа по возсозданію школъ въ новомъ видѣ. Въ Магдебургѣ, Эйслебенѣ, Нюрнбергѣ уже въ 1521—1526 гг. возникаютъ новыя учебныя заведенія съ серьезной постановкой древнихъ языковъ при дѣятельномъ участіи Меланхтона. Въ 1528 году былъ изданъ первый общій школьный уставъ курфюршества Саксонскаго, входившій въ

«Наставленія церковнымъ ревизорамъ въ курфюршества Саксонскомъ» — законодательный актъ, гдѣ мы находимъ итоги произведеннаго реформаторами обслѣдованія современной церковной дѣйствительности и соображенія ихъ касательно возможныхъ и необходимыхъ въ ней перемѣнъ. За этимъ первымъ уставомъ слѣдуетъ длинный рядъ другихъ, раньше всего въ сѣверо нѣмецкихъ городахъ и областяхъ, гдѣ надъ составленіемъ ихъ много поработалъ І. Бугенгагенъ; сюда относятся уставы Брауншвейгскій (1528), Гамбургскій (1529) и Шлезвигъ - Голштинскій (1542). Послѣдній школьный уставъ, просмотрѣнный самимъ Меланхтономъ, есть несомнѣнно Мекленбургскій уставъ 1552 года, взятый въ 1556 году на образецъ и курфюрстомъ Пфальцскимъ. За школьными уставами послѣдовала реформа университетовъ, а также и основаніе новыхъ. Первымъ новымъ протестантскимъ университетомъ былъ Марбургскій (1527); слѣдомъ за нимъ открылись, еще при жизни Меланхтона, Кеннигсбергскій (1544) и Іенскій (1558), и, наконецъ, вскорѣ послѣ кончины Меланхтона, Гельмштедтскій (1576). Реформы, подчасъ равнозначительныя новому устройству, произведены были въ Виттенбергѣ, Тюбингенѣ, Лейпцигѣ, Франкфуртѣ, Грейфсвальдѣ, Ростокѣ и Гейдельбергѣ. Большинство этихъ реформъ относится уже къ 30-ымъ годамъ, и всѣ онѣ проведены были въ духѣ Меланхтона, нерѣдко при его непосредственномъ участіи и наблюденіи; его ближайшій другъ, Іоахимъ Камерарій, былъ главнымъ его помощникомъ въ этомъ дѣлѣ. Четыре десятка лѣтъ отдавалъ Меланхтонъ свою изумительную, не вѣдавшую усталы, рабочую силу на созданіе системы образовательныхъ

учрежденій, необходимыхъ для новой церкви; четыре десятка лѣтъ онъ беззавѣтно трудился надъ этою задачею, нерѣдко въ самыхъ тяжелыхъ и мучительныхъ условіяхъ, переживая тяжкую внѣшнюю и внутреннюю борьбу. И то новое зданіе, которое ко времени его кончины стояло уже непоколебимо, въ своей основѣ было дѣломъ его рукъ, особенно въ той части, которая отведена была ученому образованію. Если мы захотимъ представить себѣ всѣ заслуги Меланхтона въ этой области, то ихъ придется разсматривать съ трехъ точекъ зрѣнія: 1) Онъ выработалъ для протестантскихъ университетовъ и школъ основы ихъ организаціи: не мало уставовъ различныхъ учебныхъ учрежденій составлено было или при личномъ его участіи или по письменнымъ его совѣтамъ. 2) Въ его учебникахъ латинской и греческой грамматики, риторики и логики, физики (психологіи) и этики и, наконецъ, теологической догматики, школа получила прекрасныя педагогическія пособія, выдержавшія пробу цѣлыхъ столѣтій. 3) Въ теченіе своей сорокадвухлѣтней академической дѣятельности, обнимавшей почти весь циклъ философскаго факультета, онъ создалъ для Германіи контингентъ научно образованныхъ преподавателей. Ко дню его смерти тысячи его бывшихъ учениковъ дѣйствовали во всѣхъ университетахъ и школахъ обширнаго нѣмецкаго культурнаго міра. Начиная съ тридцатыхъ годовъ, Виттенбергъ сталъ центральнымъ протестантскимъ университетомъ, а магистръ Филиппъ—душой всѣхъ занятій въ немъ. Его лекціи охватывали почти всѣ предметы: онъ читалъ греческихъ и латинскихъ авторовъ, духовныхъ и свѣтскихъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ преподавалъ философ-

скія науки, но астропомія и исторія также не исключались изъ круга его лекцій; однимъ словомъ, это былъ истинный, ни съ кѣмъ не сравнимый professor Germaniae.

Г Л А В А III.

Организація школьного дѣла около 1600 г.

Представимъ себѣ теперь въ краткомъ обзорѣ тотъ видъ, который приняли во второй половинѣ XVI вѣка протестантскія образовательныя учрежденія. Какова была ихъ внѣшняя и внутренняя организація, сложившаяся подъ формирующей рукой Меланхтона?

Университеты. Общее ихъ развитіе носитъ, естественно, явственную печать эпохи церковнаго раскола. Университеты потеряли свой старый универсальный и интернаціональный характеръ. Ему на смѣну явился территоріальный принципъ: каждая болѣе крупная область, даже каждый большой городъ стремились къ тому, чтобы выдѣлиться въ особую религіозную и церковную единицу и, обзаведясь собственнымъ университетомъ, взять въ свои руки образовательную подготовку своихъ духовныхъ лицъ и свѣтскихъ чиновниковъ. Отсюда большое число вновь возникающихъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ протестантскихъ и католическихъ университетовъ, къ которымъ надо присоединить еще многочисленныя «академическія» гимназіи. Въ остальномъ внѣшняя организація университетовъ существенно не измѣнилась. Четыре факультета съ ректоромъ и деканами, съ лекціями и диспу-

тами, съ экзаменами и степенями уцѣлѣли среди всѣхъ бурь Реформаціи. Ихъ отношеніе другъ къ другу также осталось прежнимъ: артистическій или, какъ его теперь называли, философскій факультетъ являлся подготовительнымъ обще-научнымъ учрежденіемъ, а надъ нимъ поднимались три «высшихъ», т.-е. спеціально-научныхъ факультета. Нужно замѣтить при этомъ, что высшіе факультеты, особенно юридическій и богословскій, сильно выиграли въ количественномъ отношеніи. Прохожденіе курса на богословскомъ факультетѣ сдѣлалось мало-по-малу у протестантовъ необходимымъ условіемъ полученія священническаго мѣста, чего совершенно не требовалось въ прежнее время. Это стоитъ въ связи съ новымъ характеромъ пастырскихъ обязанностей и тѣмъ значеніемъ, которое стали придавать вѣроученію: протестантскій пасторъ прежде всего проповѣдникъ и наставникъ въ Словѣ, тогда какъ римско-католическій священникъ прежде всего исполнитель обрядовъ культа и свершитель таинствъ. Также сталъ разрастаться и юридическій факультетъ: рецепція римскаго права, какъ дѣйствующаго «Императорскаго» права, и развитіе современнаго бюрократическаго государства увеличили число мѣстъ, для которыхъ требовалось научное юридическое образованіе. Напротивъ, медицинскій факультетъ, до поры до времени, все оставался незначительнымъ придаткомъ, нерѣдко существовавшимъ почти что на бумагѣ.

Гораздо важнѣе былъ философскій факультетъ. Онъ, какъ сказано, сохранилъ свое старое промежуточное положеніе между латинской школой и спеціальными факультетами. Если мы сравнимъ его съ нашими порядками, то онъ занималъ мѣсто четы-

рехъ старшихъ классовъ современной гимназіи, подходя къ нимъ и по возрастному составу своихъ студентовъ, лежавшему въ среднемъ между 15 и 20 годами. Его курсъ опирался на курсъ латинской школы, откуда ученикъ приносилъ съ собой элементарное знакомство съ ученымъ, т.-е. съ латинскимъ языкомъ; съ своей стороны, онъ являлся основой для курса спеціальныхъ—теологическаго и юридическаго—факультетовъ, давая необходимое обще-научное образованіе. Но это послѣднее сравнительно съ прежнимъ значительно выиграло въ объемѣ. На старомъ артистическомъ факультетѣ весь курсъ ограничивался почти исключительно изученіемъ трудовъ Аристотеля; теперь къ этой философской части было присоединено гуманистическое изученіе классиковъ, къ которому примыкала, сверхъ того, исторія. Значеніе математическихъ и естественно-историческихъ наукъ тоже постепенно стало возрастать, хотя настоящаго расцвѣта имъ пришлось дожидаться только въ XVIII столѣтіи. И способъ преподаванія также начинаетъ принимать нѣсколько болѣе научный характеръ.

Подъемъ университетскаго преподаванія ясно сказывается въ распредѣленіи профессорскихъ кафедръ. На старыхъ артистическихъ факультетахъ каждый магистръ читалъ по всѣмъ предметамъ, по всѣмъ «книгамъ», къ истолкованію которыхъ, какъ мы знаемъ, сводились тогда лекціи: кому какая «книга» должна достаться въ новомъ академическомъ году—это нерѣдко рѣшалось по жребію, или же каждый магистръ читалъ по ней въ свой чередъ. Напротивъ, теперь основываются постоянныя профессорскія кафедры по отдѣльнымъ спеціальностямъ, соединенныя съ опредѣленными доходами. Профессоръ, занимаю-

щій такую кафедру, теперь обязать за свое содержаніе читать по своей спеціальности публичные, т.-е. бесплатные курсы; деньги со слушателей онъ могъ брать лишь за частныя занятія съ ними по другимъ предметамъ. Это явилось началомъ спеціализаціи университетскаго преподаванія на философскомъ факультетѣ; но еще долгое время, вплоть до XVIII столѣтія, переходъ съ одной кафедры на другую, болѣе доходную, былъ обычнымъ явленіемъ, а также переходъ съ одного факультета на другой, особенно съ философскаго на богословскій. Въ видѣ примѣра нормальной постановки преподаванія на философскомъ факультетѣ, я приведу схему, выработанную для Витгенбергскаго университета при его реформѣ въ 1536 г. Мы тамъ находимъ десять «ординатуръ», десять постоянныхъ кафедръ: по еврейскому языку, по греческому, по поэтикѣ, по грамматикѣ (съ которой соединяется чтеніе Теренція), двѣ по математикѣ, высшей и низшей, по діалектикѣ, по риторикѣ, по физикѣ, по морали. Мы видимъ, гуманистическая филологія и схоластическая философія являются въ этой программѣ на равныхъ правахъ: діалектика, физика и этика по философской системѣ Аристотеля съ нѣкоторыми измѣненіями, внесенными Меланхтономъ, затѣмъ математика представляютъ старую составную часть; латинская грамматика, риторика, поэтика, греческій и еврейскій языки — новости, введенныя эпохой Возрожденія. Точно такъ же и во всѣхъ другихъ мѣстахъ кафедры теперь неизмѣнно дѣлятся между *artes* и *linguae*, съ той только разницей, что въ мелкихъ университетахъ иногда въ однихъ рукахъ сосредоточивались по двѣ. Позже постояннымъ предметомъ въ университетской программѣ

становится еще *professio historiarum*; но для нея сначала не учреждается особой кафедры: курсъ по исторіи чаще всего читался профессоромъ риторики или этики.

Преподаваніе въ общемъ продолжаетъ еще сохранять школьный характеръ. Лекціи расписаны для студентовъ по днямъ и по часамъ, какъ наши гимназическіе уроки. Студентъ слушаетъ лекціи въ строго установленной послѣдовательности. Для Лейпцига статуты 1558 г., составленные Камераріемъ, устанавливаютъ слѣдующій порядокъ: 1 семестръ: греческая и латинская грамматика, діалектика и поэтика; 2 семестръ: продолженіе грамматики съ діалектикой и риторика; 3 семестръ: продолженіе поэтики и риторики, а также элементы физики и математики. Затѣмъ экзамень на бакалавра по этимъ предметамъ. Послѣ него слѣдуетъ двухгодичный курсъ для магистерскаго экзамена. Въ теченіе двухъ лѣтъ слушаются лекціи *prof. utriusque linguae* ¹⁾ (Камерарій) по древнимъ авторамъ и лекціи *philosophus graecus* по Аристотелю Органону въ оригиналѣ; кромѣ того, въ первый годъ къ этому присоединяются физика и этика по Аристотелю, во второй—математика. Мы видимъ, что и здѣсь черезъ весь курсъ проходитъ дѣленіе на *linguae* и *artes*. Лекціи дополняются упражненіями; диспуты служатъ орудіемъ болѣе твердаго усвоенія наукъ, занятія же языками сопровождаются письменными и устными упражненіями въ литературномъ подражаніи древнимъ классикамъ. Кромѣ того, Меланхтонъ ввелъ впервые въ Виттенбергѣ декламацию, публичныя рѣчи—эти *specimina* академическаго краснорѣчія,

1) Профессора обопхъ языковъ.

произносимы профессорами для образца, учащимися для практики; съ тѣхъ поръ мы встрѣчаемся съ ними повсюду. Нетрудно видѣть, что задача «филологическаго» преподаванія въ то время была существенно иная, чѣмъ въ настоящее время: дѣло шло не объ историческомъ изученіи древности и не о подготовкѣ къ самостоятельнымъ научнымъ работамъ, а объ непосредственномъ использованіи древней литературы, которую эта эпоха намѣревалась возродить и развивать въ своемъ собственномъ творествѣ. Такая *imitatio* давала жизнь новолатинской литературѣ.

Ученыя школы ¹⁾. Прежде всего я дамъ бѣглый очеркъ ихъ внѣшняго устройства. Съ 1543 года на почвѣ протестантской Германіи существуютъ бокъ-о-бокъ два вида ученыхъ школъ—городскія школы и школы государственныя. Городскія школы суть непосредственное продолженіе одноименныхъ школъ средних вѣковъ; онѣ основываются городами и находятся подъ управленіемъ думы, которая назначаетъ и вознаграждаетъ учителей; ихъ ректоръ сплошь и рядомъ, особенно въ болѣе мелкихъ городахъ, является въ то же время и городскимъ писцомъ, какъ это водилось уже и въ средніе вѣка. Школьная инспекція, равно какъ и изданіе школьныхъ уставовъ, тоже находится въ рукахъ городскихъ думъ, причемъ онѣ неизмѣнно привлекаютъ къ содѣйствію духовенство. На ряду съ реорганизаціей старыхъ школъ, было основано много новыхъ, среди которыхъ пре-

¹⁾ Ученыя школы (*die Gelehrtenschulen*)—терминъ, которымъ въ Германіи XVI—XVIII в. обозначались средне-учебныя заведенія, назначенныя для подготовки людей къ «ученымъ профессіямъ». *Ред.*

обладаетъ типъ съ очень расширеннымъ курсомъ наукъ; ученая школа, если возможно, съ начатками академическаго преподаванія на высшей ея ступени, въ видѣ такъ называемыхъ *lectiones publicae*, становится для болѣе состоятельныхъ городо́въ предметомъ честолюбія и свидѣтельствомъ самостоятельности.

Государственныя школы—княжескія или земскія школы, именовавшіяся также и монастырскими и ¹⁾—являются созданиемъ эпохи Реформаціи; основанныя владѣтельными князьями, онѣ стоятъ подъ княжескимъ надзоромъ и управленіемъ. Ихъ задача—готовить на общественный счетъ наиболѣе одаренныхъ мальчиковъ со всей страны для общественной службы. Онѣ являются до нѣкоторой степени выполненіемъ того требованія, которое предъявлялъ Лютеръ къ свѣтскимъ властямъ. Первый выступилъ на путь устройства подобныхъ школъ Морицъ Саксонскій; въ 1543 году онъ основалъ три знаменитыхъ саксонскихъ княжескихъ школы въ Пфортѣ, Мейсенѣ и Гриммѣ, отвѣдя имъ постройки и земли упраздненныхъ монастырей. Онѣ рассчитаны были на обученіе 230 мальчиковъ, при чемъ 100 вакансій замѣщалось саксонскими городами, 76—дворянскими фамиліями, и 54 княземъ. Мальчики, выбиравшіеся по степени ихъ способностей и ихъ необезпеченности, должны были являться съ элементарными познаніями въ латинскомъ языкѣ, и въ теченіе 5—6-лѣтняго курса подготовлялись въ университетъ; возрастъ учениковъ въ среднемъ былъ 12 — 20 лѣтъ. Въ саксонскихъ университетахъ, Лейпцигскомъ и Виттенберг-

1) По той причинѣ, что подъ нихъ обращались зданія имущества упраздненныхъ Реформаціей монастырей. *Ред.*

скомъ, были затѣмъ заведены общежитія, дававшія возможность воспитанникамъ княжескихъ школъ получать и университетское образованіе на общественный счетъ. За это они брали на себя обязательство впоследствии служить князю въ духовныхъ или свѣтскихъ должностяхъ. Вслѣдъ за саксонскими школами возникъ цѣлый рядъ подобныхъ же учрежденій въ другихъ мѣстахъ. Я назову наиболѣе извѣстныя изъ нихъ: на югѣ вюртембергскія монастырскія школы 1559 года, школа въ Ансбахѣ 1582 г., школа въ Кобургѣ 1605 г., на сѣверѣ школа въ Штетинѣ 1543 г., и померанско - бранденбургская княжеская школа въ Іоахимсталѣ 1607 г.

Устройство такихъ школъ представляетъ крупный шагъ на пути отъ средневѣкового государства къ современному культурному государству; забота о поддержаніи научнаго образованія, о соотвѣтственной подготовкѣ къ ученымъ профессіямъ, была признана такимъ образомъ за прямое дѣло государства. Но и для развитія самого школьнаго дѣла это было значительнымъ прогрессомъ: земскія школы сдѣлались ядромъ всего средняго образованія на научной основѣ: онѣ отлились въ законченныя формы, ставшія нормой и для другихъ подобныхъ заведеній; онѣ сохранили преемственность школьнаго образованія среди всѣхъ бурь, пронесшихся надъ нѣмецкой школой особенно важную роль въ этомъ отношеніи сыграли знаменитыя саксонскія и вюртембергскія школы. Большое количество выдающихся людей, вышедшихъ изъ нихъ отъ основанія ихъ до нашихъ дней, свидѣтельствуетъ о воспитательной и образовательной силѣ такихъ неугасаемыхъ очаговъ школьной жизни. Онѣ занимаютъ въ Германіи такое же положеніе, какъ

старыя public schools, Итонъ, Гарро, Рѣгби — въ Англіи.

Перейдемъ теперь къ курсу обученія. Дѣленіе на классы имѣло слѣдующій видъ. Общая основная схема опредѣлялась дѣленіемъ на три ступени: элементарную—чтеніе и письмо; среднюю—начатки латинской грамматики, и высшую — начатки чтенія классиковъ и подражанія имъ. Въ школьномъ уставѣ Меланхтона отъ 1527 г. эти три ступени являются въ видѣ трехъ классовъ (Ioca, Haufen, отряды учениковъ, собранныхъ въ одномъ мѣстѣ). Этотъ школьный уставъ, какъ видно по всему, имѣлъ въ виду ближайшимъ образомъ условія маленькихъ городовъ. Гдѣ число учениковъ было больше и въ распоряженіи было больше средствъ, тамъ мы находимъ и увеличеніе числа классовъ до пяти и выше, при чемъ это увеличеніе достигается дробленіемъ второй и третьей ступени. Это является нормальнымъ для болѣе крупныхъ городскихъ школъ. Естественно, что при дальнѣйшемъ ростѣ ничто не мѣшаетъ увеличенію числа классовъ путемъ дальнѣйшаго дробленія. Предѣломъ въ этомъ направленіи является система годовичныхъ курсовъ; такъ, мы находимъ ее въ Страсбургѣ, гдѣ стяжавшій себѣ громкое имя І. Штурмъ основалъ въ 1538 г. школу, состоявшую изъ 10 классовъ. Какъ правило, каждый классъ имѣлъ своего учителя, который велъ въ немъ все преподаваніе, такъ что при обычныхъ условіяхъ въ школѣ бывало три учителя; они назывались: Rector, Cantor, Baccalarius или Socius. Въ мелкихъ школахъ, однако, совмѣщеніе преподаванія въ однѣхъ рукахъ заходило и еще дальше.

Разсмотримъ теперь преподаваніе съ точки зрѣнія его содержанія и его формы. Какъ преподаваніе на артистическомъ факультетѣ въ университетѣ, такъ и школьное преподаваніе опредѣлялось Меланхтоновскимъ соединеніемъ гуманизма съ евангелиемъ. Главными предметами были языки и вѣроученіе; въ болѣе крупныхъ школахъ къ этому присоединялись еще начатки наукъ (*artes*). Въ формулѣ I. Штурма, по которой цѣлью школьнаго обученія должна была почитаться *sapiens atque eloquens pietas*¹⁾, соединялись три элемента: *pietas*—чистое ученіе, *eloquentia*—языкъ и *sapientia*—науки.

Далеко на первомъ мѣстѣ по количеству затрачиваемаго времени и силъ стоитъ латинскій языкъ; онъ составляетъ главную школьную пищу въ теченіе всего курса. Цѣль его изученія—вполнѣ овладѣть имъ, не только какъ книжнымъ языкомъ, но также какъ орудіемъ устнаго и письменнаго выраженія своихъ мыслей. *Eloquentia*—это слово означаетъ умѣніе свободно владѣть классической латынью, включая сюда искусство писать стихи. Латинскій языкъ въ то время былъ живымъ ученымъ и литературнымъ языкомъ; корректная, по возможности даже элегантная латинская рѣчь являлась тогда такимъ же свидѣтельствомъ на званіе образованнаго человѣка, какимъ теперь является грамматически правильное употребленіе роднаго языка.

Приемы обученія по старой схемѣ таковы: *praesep̄ta*, *exempla*, *imitatio*. *Praesep̄ta*, правила, даются прежде всего и больше всего грамматикой, затѣмъ риторикой и поэтикой; *exempla*, образцы, даетъ чте-

1) Мудрое и краснорѣчивое благочестіе.

ніе классиковъ; imitatio, подражаніе, охватываетъ всю совокупность практики въ письменномъ и устномъ употребленіи языка. Грамматика изучается все время, съ самаго начала курса и до его конца, ибо «не можетъ быть бóльшаго вреда для наукъ, какъ если мальчики недостаточно упражняются въ грамматикѣ»—такъ говоритъ школьный уставъ курфюршества Саксонскаго, требуя, чтобы на изученіе грамматики посвящалось по часу ежедневно. Естественно, грамматическая ошибка считалась худшимъ скандаломъ, какой можетъ приключиться съ образованнымъ человѣкомъ—чувство, которое такъ успѣло впитаться въ плоть и кровь, что и по сю пору мы не можемъ отъ него отдѣлаться. Чтеніе и подражаніе шли рука объ руку въ теченіе всего курса. Письменные и устные упражненія начинались съ коротенькихъ предложеній—одна и та же мысль должна была высказываться на разные лады—и доводили постепенно питомцевъ школы до конечнаго искусства слагать рѣчи и стихи. Ученому человѣку въ тѣ времена жизнь давала множество случаевъ для примѣненія этого искусства: каждое радостное или печальное событіе въ общественной или частной жизни требовало соотвѣтственной рѣчи или стихотворенія. Похороны и свадьба, отъѣздъ и благополучное прибытіе, торжество дня рожденія и назначеніе на какое-нибудь мѣсто,—все это осыпалось цвѣтами поэзіи или ораторскаго краснорѣчія. Поэтому центръ тяжести обученія и лежалъ въ имитаци; ей подчинялось и чтеніе авторовъ; она опредѣляла какъ ихъ выборъ, такъ и способъ занятія ими. Читались только тѣ авторы, языку которыхъ можно съ спокойнымъ сердцемъ подражать, и они изучались не столько съ

точки зрѣнія содержанія, сколько съ точки зрѣнія ихъ формы. Ученикъ замѣчаетъ и заноситъ себѣ въ тетрадь лучшіе обороты, фразы, сентенціи, тропы, метафоры, чтобы потомъ украшать ими свои письменныя работы. На средней ступени читались, главнымъ образомъ, Эзопъ, Овидій, Теренцій, Цезарь, а также разговорныя книжки новаго производства; на высшей—Цицеронъ и Вергилій.

Важно отмѣтить далѣе, что латинскій языкъ былъ не только предметомъ преподаванія, но что онъ при первой же къ этому возможности становился и языкомъ, на которомъ велось преподаваніе; говорить по-нѣмецки въ школѣ строго воспрещалось, даже между собой ученики обязаны были разговаривать по-латыни; если кто-нибудь, забывшись, позволялъ себѣ въ этомъ оазисѣ латыни сказать что-нибудь по-нѣмецки (*teutonizare, vulgarizare*), то его ждала розга: *roenas luet natibus*¹⁾, какъ выражается одинъ изъ многочисленныхъ школьныхъ законовъ. Такимъ образомъ, ухо и языкъ съ малолѣтства довольно легко привыкали къ чужому нарѣчію. Той же цѣли служили дававшіяся школьниками театральныя представленія, которыя въ XVI и XVII столѣтіяхъ играли въ школахъ немаловажную роль. На этихъ спектакляхъ ученики разыгрывали передъ приглашенными гостями классическія вещи или же пьесы, спеціально сочиненныя учителемъ на этотъ случай; для подобныхъ представленій существовали даже постоянныя школьныя сцены. Драматическія произведенія, изготовленіе которыхъ являлось долгомъ совѣсти учителя—вѣдь не даромъ же онъ изучалъ поэзію?—за-

1) Пусть платится задомъ.

имствовали свой сюжетъ по большей части изъ библейской или свѣтской исторіи; ихъ содержаніе по существу дѣла не больше, какъ eloquentia въ стихахъ, которые влагались въ уста персонъ, олицетворявшихъ обычно различныя аллегоріи: Fortitudo, Fides, Sapientia или же Luxuries, Avaritia и т. д. ¹⁾). Эта морализирующая трескучая подражательная поэзія держалась до конца XVII столѣтія; послѣдніе же ея остатки удалось вымести только періоду Sturm und Drang.

Второе мѣсто послѣ латинскаго занималъ греческій языкъ. Онъ проходилъ во всѣхъ большихъ школахъ, но далеко не въ томъ объемѣ, какъ латинскій. Живымъ языкомъ онъ въ школѣ не былъ, и если для ученыхъ въ строгомъ смыслѣ онъ и считался необходимымъ, то для остальныхъ онъ являлся лишь украшеніемъ, безъ котораго можно было и обойтись. Что касается до формы его преподаванія, то она ничѣмъ не отличалась отъ преподаванія латинскаго языка: здѣсь также на первомъ мѣстѣ стоитъ грамматика, и чтеніе авторовъ соединяется съ имитацией, какъ если бы и тутъ дѣло шло объ литературномъ употребленіи языка. Нѣчто въ родѣ новогреческой литературы и дѣйствительно существовало, но то было лишь слабое подобіе новолатинской. Фактически приходится допустить, что многіе кончали школу безъ всякихъ познаній въ греческомъ языкѣ и еще больше народа съ совершенно элементарными свѣдѣніями, которыя и въ университетѣ слабо пополнялись. По крайней мѣрѣ, жалобы профессоровъ - гуманистовъ на это очень

¹⁾ Мужество, Вѣру, Мудрость или же Роскошество, Скупость и т. д.

часты. Больше другихъ старались овладѣть этимъ языкомъ богословы, какъ языкомъ евангелій и апостола Павла. Поэтому и преподаваніе его, первоначально опредѣлявшееся гуманистическими тенденціями, имѣвшее въ виду Гомера, Демосѣена и Аристотеля въ подлинникѣ, начало все больше сводиться къ чтенію Новаго завѣта.

Въ интересахъ богословія большія школы включали въ свою программу и еврейскій языкъ, но за рѣдкими исключеніями его преподаваніе не шло далѣе начатковъ.

Гораздо болѣе важную роль играло преподаваніе Закона Божія. Этотъ предметъ введенъ былъ въ школу Реформаціей, и Реформація этимъ гордилась: у нашихъ противниковъ, говорила она, не существуетъ преподаванія катихизиса. Въ этомъ тоже сказывается характеръ новаго церковнаго образованія: правое вѣроученіе занимаетъ въ немъ главное мѣсто, культъ же и таинства отступаютъ на задній планъ. Но здѣсь, конечно, важно, чтобы чистая вѣра внѣдрялась въ умы съ юности, ибо, какъ выразился однажды Лютеръ, стараго козла отъ его штукъ не отучишь и стараго плута не сдѣлаешь благочестивымъ. Преподаваніе сначала имѣетъ самый несложный видъ; по Саксонскому курфюршескому уставу 1527 г. оно начинается съ затверживанія наизусть исконныхъ вещей: Символа вѣры, молитвы Господней, заповѣдей и нѣкоторыхъ псалмовъ съ простенькими разъясненіями; позднѣе къ этому присоединяется грамматическое толкованіе одного изъ евангелій или какой-либо другой книги Новаго завѣта. Съ консолидаціей церковныхъ отношеній и разработкой новаго богословія, преподаваніе становится болѣе

обстоятельнымъ и болѣе догматичнымъ, такъ что на высшей ступени средней школы оно развивается въ пропедевтическій курсъ догматическаго богословія. Надо замѣтить также, что школа присутствуетъ въ церкви при каждомъ богослуженіи, вначалѣ ежедневно, и что каждое богослуженіе имѣетъ характеръ преподаванія религіи. Писаніе и его истолкованіе играютъ въ немъ главную роль. Само собой разумѣется, что каждый урокъ въ школѣ начинается молитвой.

Наконецъ на высшей ступени въ болѣе крупныхъ школахъ ко всему этому присоединяется элементарное преподаваніе наукъ (*artes*). Къ грамматикѣ примыкають риторика и діалектика: первая содержитъ въ себѣ ученіе объ *inventio* и *dispositio*, вторая—ученіе о построеніи доказательствъ. Въ большихъ школахъ вводятся также публичные рѣчи и диспуты. Къ этому присоединяются еще элементы *artes reales*: ариѳметика и геометрія, физика и космологія, которыя, разумѣется, преподаются по старой системѣ. Исторія не является особымъ учебнымъ предметомъ, но занятія античной литературой всюду ведутъ къ разработкѣ исторіи и древностей.

Наконецъ еще слѣдуетъ упомянуть о пѣніи и музыкѣ. Они составляютъ существенную часть школьнаго обученія, ибо школа тѣснѣйшими отношеніями связана съ церковью и въ коренной сущности своей сама себя понимаетъ, какъ *seminarium ecclesiae*, какъ разсадникъ церковныхъ людей.

Таковъ былъ типъ новой ученой школы, этого протестантско-гуманистическаго творенія Меланхтона; въ своихъ основныхъ чертахъ она просуществовала до великой реформы начала XIX столѣтія.

Народная школа. Народная школа является, если и не созданиемъ, то болѣе отдаленнымъ слѣдствіемъ той же Реформаціи. Опять-таки общій характеръ новой церкви создаетъ необходимость ея появленія. Истинная вѣра, опредѣляемая чистымъ ученіемъ,—вотъ главная основа религіи; но чистое ученіе можетъ быть основано лишь на Св. писаніи, на немъ одномъ, а отнюдь не на внѣшнемъ авторитетѣ церкви. Поэтому первая забота Лютера сдѣлать этотъ источникъ всяческой истины опять доступнымъ всѣмъ вѣрующимъ во Христа; переводъ на народный языкъ Библии, ревниво охранявшейся дотолѣ духовенствомъ, есть великое дѣло двадцатыхъ годовъ. Отсюда же вытекаетъ требованіе: обучить всѣхъ членовъ церкви искусству чтенія, чтобы всѣ имѣли непосредственный доступъ къ Слову Божию ¹⁾. Конечно, вслѣдъ за этимъ оказывается необходимымъ и дальнѣйшій шагъ—помочь правильному пониманію этого Слова; ибо чтеніе писанія безъ руководства крайне легко ведетъ къ заблужденіямъ, какъ въ этомъ не замедлила убѣдиться и новая церковь. Чтобы устранить возможность таковыхъ и указать путь къ правильному пониманію писанія, Лютеръ составилъ два своихъ катихизиса—одинъ краткій для общаго употребленія и другой пространнѣй для священниковъ и учителей: они представляютъ *summa doctrinae*, согласно которой нужно читать и толковать Писаніе.

Такимъ образомъ, обученіе чтенію и катихизису, какъ подготовка къ Священному писанію, -- вотъ тотъ

¹⁾ Какъ осторожно надо относиться къ подобнымъ утвержденіямъ, я постарался показать въ своихъ статьяхъ о происхожденіи народной школы, напечатанныхъ журналѣ «Вѣстникъ Воспитанія» за 1902 г. Ред.

корень, изъ котораго вырастаетъ протестантская народная школа.

Но, разумѣется, она не вышла готовой и во всеоружіи изъ головы реформаторовъ. Только очень постепенно, даже въ идеѣ, «нѣмецкая школа» обособилась отъ латинской школы и получила самостоятельное существованіе въ качествѣ особой формы общественной школы; дѣйствительное же раздѣленіе потребовало еще больше времени. Въ началѣ все вниманіе реформаторовъ было поглощено необходимостью возстановить и реформировать ученую школу; всеобщее обученіе поминается у нихъ лишь попутно, какъ придатокъ. Такъ надо понимать и Лютеровы представленія въ его Окружномъ Посланіи къ христіанскому дворянству отъ 1520 г. и къ думамъ нѣмецкихъ городовъ отъ 1524 г. Въ первомъ онъ мимоходомъ говоритъ о школахъ для дѣвочекъ, «гдѣ дѣвушки должны бы были ежедневно по часу слушать Евангеліе на нѣмецкомъ или на латинскомъ языкѣ»; во второмъ онъ требуетъ, чтобы мальчики, не собирающіеся итти по ученой дорогѣ, все же ходили на часъ или на два въ такую школу (рѣчь идетъ о латинскихъ школахъ, которыя должны быть заведены думами), а тѣмъ не менѣе, остальное время работали бы дома, обучаясь ремеслу». Точно такъ же Саксонскій школьный уставъ знаетъ въ городахъ только одну школу, которую посѣщаютъ все мальчики, и прямо исключаетъ изъ нея преподаваніе на нѣмецкомъ языкѣ: «учить одной латыни, а не нѣмецкому, греческому или еврейскому, какъ это иные дѣлали доселѣ, обременяя бѣдныхъ дѣтей подобной многосложностью». Такимъ образомъ на первой ступени сейчасъ же приступали къ латинскому чтенію и письму, а также

начинали Доната или Катона¹⁾). Второй «отрядъ» начиналъ латинскую грамматику и чтение авторовъ; однако преподаваніе Закона Божія (для него отводилась суббота или среда) велось, повидимому, на нѣмецкомъ языкѣ: изложеніе Символа вѣры, заповѣдей и Отче нашъ на латинскомъ языкѣ не достигало бы поставленной ему цѣли—«наставить дѣтей въ начаткахъ христіанской и богоугодной жизни». Мальчики, наиболѣе одаренные и предназначавшіеся для ученыхъ профессій, переходили затѣмъ въ третій «отрядъ», въ собственно гуманистическій классъ, остальные же вступали со своимъ катихизисомъ и полужнаніемъ латыни въ практическую жизнь. Такъ же обстоитъ дѣло и въ позднѣйшихъ школьныхъ уставахъ, составлявшихся Меланхтономъ и Бугенгагеномъ; латинская школа есть настоящая общественная школа; «нѣмецкія школы» лишь поминаются тамъ и сямъ какъ существующія учрежденія, которыя можно и не уничтожать.

Первый школьный уставъ, имѣющій особый отдѣлъ о «нѣмецкихъ школахъ», есть Вюртембергскій уставъ герцога Христофа отъ 1559 г., (онъ интересенъ и въ другихъ отношеніяхъ); ему слѣдуетъ во всѣхъ существенныхъ чертахъ школьный уставъ курфюршества Саксонскаго отъ 1580 г. Однако еще и здѣсь нѣмецкая школа разсматривается только, какъ горькая необходимостъ, какъ терпимая замѣна настоящей латинской школы въ мелкихъ деревняхъ и мѣстечкахъ; тамъ же, гдѣ существуетъ «истинная» школа, нѣмецкое училище разсматривается какъ простое ея

¹⁾ Сборникъ латинскихъ двустижій, ошибочно приписывавшихся Катону Старшему. Ред.

отдѣленіе или придатокъ Преподаваніе въ нѣмецкой школѣ обнимаетъ чтеніе, письмо, катихизисъ и пѣніе; ведетъ его, обычно, пономарь (кистеръ), которому воспрещается совмѣщать съ этимъ должность стражника или полевого сторожа!.. Священникъ является инспекторомъ школы, община выбираетъ учителя, но суперинтендентъ производитъ ему повѣрочный экзаменъ въ основахъ вѣры и школьнаго искусства.

Однако, хотя въ официальныхъ уставахъ нѣмецкія школы, или, какъ мы сказали бы теперь, народныя школы и упоминаются лишь мимоходомъ (только XVII столѣтіе подъ вліяніемъ педагогическихъ реформаторовъ этой эпохи признало въ нихъ особую и высоко важную задачу людского общежитія), но дѣйствительность, конечно, не отказывалась отъ удовлетворенія существовавшей и все настоятельнѣе заявлявшей о себѣ потребности въ такихъ училищахъ. Нѣмецкія школы грамоты, возникшія, какъ частныя учрежденія, въ большихъ городахъ уже въ XV столѣтіи, естественно продолжаютъ расти и развиваться, несмотря на то, что новыя официальныя школьныя учрежденія нерѣдко смотрятъ на нихъ косо, какъ на *Winkelschulen*, какъ на «подпольныя» училища. Онѣ упоминаются и въ школьныхъ уставахъ, на примѣръ, въ Гамбургскомъ и въ Брауншвейгскомъ (городскомъ), при чемъ тутъ говорится о нихъ даже какъ объ официально признанныхъ учрежденіяхъ, преподаватели которыхъ утверждаются думой. Въ деревняхъ тоже, надобно полагать, новая церковь не преминула ревностно взяться за проведеніе всеобщаго обученія юношества; школьныя уставы отнюдь не декретируютъ впервые устройство деревен-

скихъ школъ; они говорятъ объ этомъ типѣ школъ, какъ объ учрежденіи, которое по мѣстамъ само возникло, и только признають его законность и требуютъ его распространенія.

На ряду со школой нужно принять еще въ расчетъ оживившуюся дѣятельность церкви и семьи. Строгія Лютеровы увѣщанія пасторамъ и отцамъ семействъ касательно лежащей на нихъ обязанности наставлятъ въ вѣрѣ чадъ и домочадцевъ—какъ это мы находимъ, напримѣръ, въ предисловіи къ Малому катихизису (1519)—не остались тщетны. Если первоначально здѣсь рѣчь и шла только о затверживаніи съ голоса заповѣдей, Символа вѣры и «Отче нашъ», то само дѣло неизбѣжно должно было вести дальше къ обученію грамотѣ. Я самъ научился читать у своей матери задолго до поступленія въ школу, и очень склоненъ думать, что подобныя занятія отнюдь не являлись рѣдкостью въ протестантскихъ крестьянскихъ семьяхъ, и что они ведутъ свое начало съ эпохи Реформациі. И точно такъ же пасторы были въ то время учителями какъ взрослыхъ, такъ и дѣтей. Воскресное обученіе дѣтей стало правильной опорой проповѣди, которая сама носила учительный характеръ. Впрочемъ, съ дѣтьми и въ церкви вмѣсто пастора нерѣдко занимался кистеръ.

Добавлю еще нѣсколько словъ относительно дисциплины; она оставалась строгой, какъ и въ средніе вѣка. Принципъ юношескаго воспитанія былъ: «учись слушаться» (замѣтимъ, что его исповѣдывалъ и Гёте). Само ученіе вполне являлось послушаньемъ, покорнымъ воспріятіемъ: въ латинскихъ и нѣмецкихъ школахъ одинаково общей основной формой преподаванія и ученія было затверживаніе

наизусть заданнаго и выслушиваніе уроковъ. Кто не хотѣлъ или не могъ исполнить того, что требовалось, тотъ скоро познавалъ горькій смыслъ словъ: «ты долженъ». Розга оставалась универсальнымъ средствомъ воспитанія и обученія; не было школы, гдѣ бы она не употреблялась ежедневно, переходя нерѣдко всякую мѣру, какъ есть основанія полагать; не только злая воля, но и забывчивость или неспособность одинаково карались ей. И въ такомъ положеніи дѣло оставалось по существу до конца XVIII столѣтія. Только въ XIX столѣтіи наступила перемѣна: розга, какъ вспомогательное дидактическое средство, потеряла свою репутацію, и къ нашему времени, можно сказать, совершенно исчезла изъ средней школы. Въ Вюртембергѣ, впрочемъ, какъ сообщаетъ Оскаръ Іегеръ, еще около середины XIX столѣтія держался старый обычай немедленно отпускать за ошибку въ латинскихъ или греческихъ формахъ положенное количество «горячихъ» по рукамъ. Съ тѣхъ поръ и сами швабы выучились, однако, открывать доступъ къ пониманію латинской грамматики безъ этого ключа.

Я не буду входить въ разсмотрѣніе параллельнаго процесса развитія школьнаго дѣла въ странахъ, гдѣ Реформація проведена была послѣдователями Цвингли и Кальвина. Зато я обрисую хоть въ нѣсколькихъ штрихахъ школьную реформу въ католическихъ областяхъ Германіи. Въ общемъ она носитъ тотъ же характеръ, какъ и протестантская, которая, несомнѣнно, и дала ей толчокъ. Однако здѣсь есть свои особенности, прежде всего въ организаціи ученой школы. Важнѣйшая изъ нихъ заключается въ томъ, что основаніе настоящихъ ученыхъ школъ,

какими въ протестантскихъ областяхъ явились княжескія школы, здѣсь беретъ въ свои руки не государство и даже не церковь непосредственно, а международное общество — іезуитскій орденъ.

Иезуитскій орденъ, который на ряду съ доминиканскимъ явился вкладомъ испанскаго народа въ культуру Западной Европы (онъ былъ основанъ Игнатіемъ Лойолой и утвержденъ папой въ 1540 г.), съ самаго начала обратилъ свое вниманіе на область школьнаго дѣла. Своей великою цѣлью онъ почиталъ возстановленіе церкви, подчиненіе земного шара господству папы и, въ особенности, возвращеніе въ лоно церкви отпавшихъ отъ нея. Но успѣхъ этого предпріятія, на взглядъ его инициаторовъ, всецѣло обусловливался тѣмъ, удастся ли создать для римской церкви научно образованное, нравственно обновленное и дисциплинированное духовенство. Забота объ этомъ и является одной изъ главныхъ задачъ, которымъ посвятилъ себя орденъ при самомъ своемъ возникновеніи. Иезуитскій орденъ желаетъ быть орденомъ профессоровъ, какимъ въ XIII столѣтіи былъ доминиканскій. Поэтому уже «Конституціи» требуютъ, чтобы при приѣмѣ послушниковъ прежде всего обращалось вниманіе на ихъ одаренность и затѣмъ на ихъ способность подчиняться дисциплинѣ. Орденъ достигъ поставленной цѣли—онъ дѣйствительно сдѣлался профессорскимъ орденомъ католической церкви. Уже около 1600 г. онъ держалъ въ своихъ рукахъ бѣольшую часть учебныхъ заведеній католическихъ странъ: его члены вели теперь преподаваніе въ безчисленныхъ гимназіяхъ, а также на философскихъ и богословскихъ факультетахъ, отъ Таго до Вислы.

Въ Германіи въ ихъ руки перешли, главнѣйшимъ образомъ, учебныя заведенія въ странахъ, принадлежавшихъ Габсбургскому и Виттельсбахскому ¹⁾ домамъ, и затѣмъ въ духовныхъ территоріяхъ по Рейну и по Майну.

Что касается до внѣшняго строя учебныхъ заведеній ордена, то его коллегіи въ большинствѣ случаевъ основывались и содержались свѣтскими и духовными князьями, иногда городами и частными лицами. Но орденъ бралъ школы въ свои руки только при томъ условіи, что въ его безконтрольную власть передавалась ихъ организація, ихъ веденіе и надзоръ за преподаваніемъ. Генераль ордена издаетъ школьные уставы; знаменитое *Ratio studiorum* было издано четвертымъ генераломъ Аквавивой въ 1559 г. и регулировало весь порядокъ занятій въ коллегіяхъ до 1836 г., когда генераломъ Рютгааномъ былъ изданъ новый уставъ. Генераль назначаетъ отца ректора, а провинціалъ—*praefectum studiorum* и учителей отдѣльныхъ заведеній; онъ отзываетъ ихъ и назначаетъ новыхъ, они подвластны только ему одному и ордену. Патроны отстранялись отъ всякаго вліянія на жизнь заведенія, они только содержали его. Надо признаться, порядокъ непримѣрный, предполагающій великое довѣріе и самоограниченіе: международная корпорація завѣдуетъ воспитаніемъ и образованіемъ юношества во всѣхъ странахъ Европы на счетъ мѣстныхъ властей!

Воспитанники такой іезуитской коллегіи дѣлились на три группы. Ядро составляли послушники ордена (*nostri*); къ нимъ примыкаютъ пансіонеры, отданные

1) Виттельсбахы—баварская династія.

ордену для воспитанія; это часто сыновья знатныхъ фамилій вплоть до царствующихъ домовъ; наконецъ, приходящіе ученики изъ города, которые только посѣщали уроки. Преподаваніе было бесплатнымъ. Нерѣдко при коллегіи подъ руководствомъ того же персонала бывало еще общежитіе для бѣдныхъ мальчиковъ, готовившихся къ духовному званію.

Программа преподаванія мало чѣмъ отличается отъ большихъ протестантскихъ школъ. То же самое распределеніе классовъ, тѣ же учебные предметы: *linguae* и *artes*, затѣмъ Законъ Божій, который теперь былъ введенъ и у католиковъ; *summa doctrinae* отца Канизія пользовалась широкимъ распространеніемъ, какъ учебникъ. Изъ языковъ господствующее положеніе занималъ латинскій, бывшій языкомъ самого международного ордена. Цѣлью преподаванія здѣсь, какъ и въ протестантскихъ школахъ, являлась элоквенція; краснорѣчіемъ, поэзіей, включая и драматическую поэзію съ устройствомъ представленій, у іезуитовъ занимались особенно усердно. Греческій языкъ, напротивъ, игралъ здѣсь меньшую роль: католики не стремились изучать Св. писаніе въ оригиналѣ. Зато подъ наименованіемъ эрудиціи іезуитскія коллегіи давали своимъ питомцамъ знакомство съ элементами наукъ и общее образованіе, приличествующее свѣтскому человѣку.

Къ школьному курсу, *studia inferiora*, въ нѣкоторыхъ коллегіяхъ присоединяется курсъ высшей школы, *studia superiora*: трехлѣтній курсъ по философскимъ наукамъ и затѣмъ четырехлѣтній по богословскимъ. Тома Аквинскій является глубокопочитаемымъ наставникомъ, отъ взглядовъ котораго разрѣшается отступать лишь въ крайнемъ случаѣ, и то свидѣтель-

ствуя о своей *summa reverentia* ¹⁾. Члены ордена, прошедшіе весь курсъ учениками, затѣмъ обыкновенно назначаются и учителями на большее или меньшее время, смотря по дарованію: такое повтореніе курса служило и для собственнаго ихъ окончательнаго усовершенствованія.

Успѣхъ ордена былъ блестящій, прямо подавляющій. Черезъ два человѣческихъ поколѣнія онъ дѣйствительно сдѣлался учительскимъ орденомъ католическаго міра; въ 1616 г. у него было въ 32 провинціяхъ 372 коллегіи и 13.112 членовъ. И что бы ни говорили, нельзя не допустить, что этимъ успѣхомъ орденъ былъ обязанъ больше всего своимъ истиннымъ педагогическимъ заслугамъ. Я не сомнѣваюсь, что орденъ давалъ католическимъ странамъ самыхъ лучшихъ, самыхъ образованныхъ, самыхъ умѣлыхъ, самыхъ добросовѣстныхъ учителей, какихъ тамъ только можно было имѣть. Невѣжество, тупоуміе, косность, неумѣлость, равнодушіе, пренебреженіе къ ближайшимъ обязанностямъ никого не дѣлаетъ популярнымъ, а менѣе всего учителей. Что орденъ сталъ на полную высоту современнаго ему образованія какъ гуманистическаго, такъ и схоластически-философскаго, въ томъ нѣтъ сомнѣнія, не даромъ изъ его среды и вышло столько видныхъ представителей тогдашней науки. Стоитъ отмѣтить также, что уже Конституціи опредѣленно вмѣняли провинціаламъ въ обязанность заботиться о методологической подготовкѣ учителей: іезуитскія коллегіи являются, такимъ образомъ, первыми педагогическими институтами. Неудивительно поэтому,

¹⁾ Величайшей почтительности.

что іезуитовъ часто восхваляли за цѣлесообразность ихъ приемовъ преподаванія. Впослѣдствіи имъ часто ставилось въ упрекъ, что они самымъ утонченнымъ образомъ играли на честолюбіи учениковъ, введя у себя пересадки, награды и другія тому подобныя вещи. Такихъ приемовъ я не защищаю. Конечно, гораздо лучше, когда ученики учатся ради самого дѣла, а не по внѣшнимъ побужденіямъ. Но если приходится дѣлать выборъ между системой наградъ и системой порки, то первая мнѣ все же больше по душѣ; а розги отцы изъ ордена Іисуса пускали въ ходъ, повидимому, рѣдко и осторожно. Если тѣлесное наказаніе являлось неизбѣжнымъ, то оно приводилось въ исполненіе спеціально назначеннымъ для этого «корректоромъ»; учитель не долженъ былъ каждый день схватываться въ рукопашную съ учениками. Общіе воспитательные принципы іезуитовъ вытекали, естественно, изъ сущности ихъ ордена и церкви. Само собою разумѣется, что іезуитское воспитаніе отнюдь не ставило для себя цѣлью развитіе свободной личности. Напротивъ, оно стремилось спеленать индивидуума общимъ—въ конечномъ счетѣ, церковной вѣрой и нравами—видя въ этомъ и поддержку разумнаго элемента въ единичной человѣческой душѣ. Воспитаніе членовъ самого ордена было всецѣло направлено къ этой цѣли: отречься отъ самого себя, вытравить безслѣдно свое чувственное, непостоянное «я» и замѣнить всѣ личные мотивы дѣйствій энтузіазмомъ служенія общему, служенія церкви—иначе говоря, служенія Богу и Его царствію. *Exercitia spiritualia*¹⁾ явились главнымъ ору-

¹⁾ «*Exercitia spiritualia S. P. Ignatii Loyolae*» («Духовныя упражненія св. отца Игнатія Лойолы») представляютъ собой

діемъ, при помощи котораго орденъ достигалъ этого полнаго самоотреченія, этой абсолютной дисциплины не только поступковъ, но самыхъ чувствъ и мыслей и, съ другой стороны, внушалъ беззавѣтную преданность славѣ Бога и церкви. Тотъ же духовный складъ іезуитскія коллегіи, естественно, стремились выработать и въ отданныхъ имъ на воспитаніе дѣтяхъ, что имъ нерѣдко и удавалось въ высокой мѣрѣ. Но орденское воспитаніе добивалось успѣха не столько внѣшней строгостью, сколько путемъ воздѣйствія на совѣсть и на чувство чести, путемъ душевнаго дисциплинированія питомцевъ. Если же оно при этомъ, не задумываясь, пускало въ ходъ самыя рискованныя мѣры, какъ угнетеніе совѣсти, какъ выселѣживаніе питомцами товарищескихъ проступковъ, какъ непо-мѣрное раздраженіе честолюбія, то какъ же это могло бы быть иначе? Это логически вытекало изъ системы: кто хочетъ цѣли, долженъ принимать и средства.

Въ XVIII вѣкѣ престижъ іезуитской школы, сіявшей такимъ блескомъ въ XVII столѣтіи и такъ много способствовавшей возстановленію римской церкви, началъ падать. Одной изъ главныхъ причинъ тому было отношеніе ордена и руководимой имъ церкви къ новымъ наукамъ и новой философіи, такъ побѣдоносно выступившимъ въ концѣ XVII столѣтія: оно дышало недовѣріемъ и враждою. Орденъ рѣшительно не желалъ съ ними мириться, и могъ ли

руководство къ религіозному самовоспитанію, составленное Лойолой въ самомъ началѣ его пропагаторской дѣятельности и сыгравшее чрезвычайно видную роль въ успѣхѣ іезуитскаго ордепа. Орденъ и понынѣ признаетъ это «Руководство» за свой палладіумъ.

Ред.

онъ дѣйствовать иначе? Его принципомъ было абсолютное признаніе авторитета; программой его дѣятельности—борьба противъ произвола личности; его тенденціей—подавленіе новшествъ не только въ сферѣ религіи, но и въ интеллектуальной сферѣ. Очень характерно такое правило Конституцій: молодые люди, склонные къ новшествамъ, не должны допускаться въ составъ преподавателей. Насколько великъ былъ первоначальный успѣхъ боевого ордена, настолько дальнѣйшій ходъ его развитія не соответствовалъ началу. Духъ не позволилъ спеленать себя, и результатъ былъ тотъ, что руководство имъ ускользнуло изъ рукъ ордена и церкви, попробовавшихъ было стать на пути прогрессу. Оно перешло къ протестантизму, и притомъ во всѣхъ сферахъ жизни—въ научной и философской, въ хозяйственной и политической; повсюду протестантскія страны берутъ верхъ. вмѣстѣ съ этимъ померкъ также и блескъ іезуитскихъ коллегій; въ 1773 г. сама церковь закрыла орденъ. Это была эпоха Просвѣщенія,—эпоха, когда вѣра въ разумъ поднялась до зенита, и протестантскій міръ нашель въ Кантовской философіи конечную формулу своего самосознанія—автономію разума и совѣсти.

Можно сказать, что здѣсь сама исторія въ грандіозномъ масштабѣ произвела экспериментъ въ спорѣ между принципомъ свободы и отвѣтственности индивидуума за самого себя, и принципомъ абсолютнаго подчиненія личности внѣшнему авторитету. И рѣдко когда подобный экспериментъ рѣшалъ вопросъ такъ ясно, какъ на этотъ разъ: протестантскіе народы явились носителями прогресса и закономѣрной свободы, католическіе же, въ своихъ коле-

баніяхъ между абсолютизмомъ и судорожными переворотами, оказались внутренне больными хроническимъ революціонаризмомъ¹⁾.

Заключительный обзоръ. Учебный строй, создавшійся подъ соединеннымъ вліяніемъ гуманизма и Реформаціи, оказался очень устойчивымъ. Въ главныхъ своихъ чертахъ онъ сохранился до конца XVIII столѣтія—вѣрное доказательство того, что онъ соотвѣтствовалъ въ общемъ требованіямъ времени. Онъ принялъ въ себя оба великихъ образовательныхъ элемента, которыми располагала эпоха—христіанство и классическій міръ, при чемъ этотъ послѣдній представленъ былъ, во-первыхъ, его философіей и наукой въ томъ видѣ, какъ онѣ усвоивались по системѣ Аристотеля уже средними вѣками, и, во-вторыхъ, его поэзіей и краснорѣчіемъ, которыя ввелъ въ школу гуманизмъ. Только великая реформа начала XIX столѣтія расширила существенно этотъ кругъ учебныхъ предметовъ, включивъ въ него новые образовательные элементы, созданные XVII и XVIII столѣтіями—современныя науки и современные языки съ ихъ литературой—послѣдствіемъ чего явился въ наши дни отказъ отъ прежняго единства средней

1) Нельзя, конечно, не согласиться съ авторомъ, что экспериментъ, произведенный католической Европой съ іезуитскимъ воспитаніемъ, далъ отрицательные результаты. Но общее его положеніе, будто протестантизмъ исключительно способенъ обезпечивать народамъ желанное соединеніе свободы и порядка—то положеніе, которое въ срединѣ XIX в. такъ страстно развивали Кинэ и Лавелэ — теперь звучитъ архаизмомъ. Прогрессъ Италіи и Франціи за послѣднія десятилѣтія показалъ, что Лавелэ въ своей «Будущности католическихъ народовъ» напрасно видѣлъ ихъ судьбу въ столь мрачномъ свѣтѣ.

школы, такъ какъ при подобномъ переполненіи программы школамъ не по силамъ стало осуществлять ее всю сразу.

Если мы спросимъ, какъ оправдалъ себя на дѣлѣ этотъ учебный строй XVI столѣтія, то можно съ увѣренностью сказать, что ближайшая цѣль, латинская элоквенція, обычно достигалась имъ: классическая латынь въ довольно свободной и корректной, нерѣдко даже элегантнои формѣ стала всеобщимъ языкомъ въ ученомъ мірѣ. Не подлежитъ сомнѣнію и то, что смыслъ и вкусъ къ литературной формѣ и вообще къ эстетикѣ значительно развились и изоцрились подъ вліяніемъ занятій классиками. Однако надобно сейчасъ же здѣсь добавить, что это повышение эстетико - литературной культуры непосредственно совсѣмъ не пошло на пользу ни нѣмецкому языку, ни массѣ нѣмецкаго народа. Напротивъ, нѣмецкій языкъ за время господства классической латыни обѣднѣлъ и захилѣлъ, народныя же массы погрузились въ тупую безучастность. Великій расколъ народа на «образованный» и «необразованный» классъ.— на тонкій слой гуманистически образованныхъ и говорящихъ на классической латыни ученыхъ и на огромную массу простонародья, говорящаго только по-нѣмецки и потому не имѣющаго доступа къ литературѣ и наукѣ—произошелъ лишь въ этотъ періодъ. Въ средніе вѣка латынь все же являлась почти что только профессиональнымъ языкомъ одного сословія—духовенства; свѣтское владѣльческое сословіе говорило на языкѣ народа, и на немъ же слагалась придворная и бюргерская поэзія. Теперь дворянство и часть бюргерства тоже стали усваивать новое образованіе; литература сдѣлалась сплошь

латинской; даже право и судьи заговорили на латинскомъ или, по меньшей мѣрѣ, на нѣмецко-латинскомъ языкѣ. Чисто нѣмецкій языкъ остался языкомъ массъ, языкомъ тѣхъ, кто ничему не учился и ничего не зналъ,—ни религіи, ни права (по недоступности «источниковъ»), не говоря уже о литературѣ и искусствѣ, которыя назначены были лишь для людей, прошедшихъ латинскую школу и университетъ. Такой человѣкъ, какъ Гансъ Саксъ, для этого новаго образованія былъ лишь комической фигурой: «Сапожникъ — и поэтъ къ тому вдобавокъ». Больше о немъ классически образованные люди ничего не знали, но этого было вполне достаточно, чтобы судить о немъ: сапожникъ, который не понималъ «латыни», который не учился поэзіи ни у одного профессора, и тоже лѣзъ стихи писать! Такъ нѣмецкій народъ впалъ въ то отупѣніе, изъ котораго онъ началъ выходить только около середины XVIII столѣтія. Народъ представлялъ теперь простую массу невѣжественныхъ мірянъ, а надъ нимъ парили ученое духовенство, завѣдывавшее «чистой вѣрой», ученый судейскій цехъ, осуществлявшій чуждое, непонятное право, и, наконецъ, ученое профессорство, опекавшее литературу и науку и писавшее латинскіе стихи и диссертациі.

А для нѣмецкаго языка слѣдствіемъ такого продолжительнаго неупотребленія было то, что онъ обѣднѣлъ и огрубѣлъ. Между Лютеромъ и Лессингомъ не появилось ни одного крупнаго писателя на нѣмецкомъ языкѣ, потому что никто не говорилъ къ народу: всѣ разговоры велись учеными людьми на латинскомъ языкѣ, въ своемъ кругу, при закрытыхъ дверяхъ. Неудивительно поэтому, что когда нѣмецкій языкъ опять

началь входить въ употребленіе, на рубежѣ XVII и XVIII столѣтій, то онъ оказался въ весьма плачевномъ видѣ: съ безчисленными заимствованіями латинскихъ и французскихъ словъ и выраженій, подчеркивавшими его скудость; безъ силы и безъ цвѣта; обезображенный тягучимъ подражаніемъ періодичности классической литературной рѣчи. Сопоставьте Томазія съ Лютеромъ, прочитайте отрывокъ изъ Томазіева Ежемѣсячника вслѣдъ за какой-нибудь главой изъ Лютерова «Посланія къ нѣмецкому дворянству», и вы почувствуете, какія горькія утраты понесъ нѣмецкій языкъ за эти два столѣтія. Другіе языки меньше пострадали отъ этого вторженія классической латыни—отчасти потому, что они ближе стоятъ къ ней по словарю и по строю рѣчи, а также и потому, что перерывъ въ употребленіи народнаго языка для литературнаго творчества былъ далеко не такъ полонъ и не такъ продолжителенъ, какъ у насъ. Стоитъ назвать имена Монтэня, Шекспира и Сервантеса, чтобы это вспомнилось. Положимъ, тутъ были и другія причины. Судьба самихъ народовъ сложилась иначе. Въ то самое время, какъ западные народы достигли національно-государственнаго единства, нѣмецкій народъ низвергнуть былъ въ бездну политическаго ничтожества. И это паденіе національнаго самосознанія вмѣстѣ съ упадкомъ нѣмецкаго языка, подъ влияніемъ торжества латыни, создало въ XVII столѣтіи возможность того великаго нашествія французскаго языка, которое превратило его болѣе чѣмъ на столѣтіе въ господствующій языкъ нашего «общества».

Я не хочу, однако, чтобы меня поняли неправильно. Пусть ходъ событій привелъ насъ съ этой

стороны къ самымъ прискорбнымъ результатамъ, но все же немислимо сказать: ахъ, лучше бы было, если бы исторія германскаго образованія обошлась безъ гуманизма. *Unda fert nec regitur*¹⁾: исторія не позволяетъ предписывать себѣ пути; она идетъ, гдѣ знаетъ, часто не напрямикъ, и не всегда по ровному. Если бы нашему народу и было возможно отгородиться отъ общаго культурнаго движенія, то ничего хорошаго для него изъ этого бы не вышло. Весь укладъ нашей духовной жизни купленъ цѣною усвоенія культуры Возрожденія. Уже Реформація была бы безъ этого немислима; еще же менѣе возможно было бы послѣдовавшее развитіе научнаго духа: философія и естественныя науки получили не меньшій толчокъ отъ гуманизма, чѣмъ исторія и науки о духѣ. И преобразование средневѣковаго феодальнаго государства въ современное культурное государство трудно себѣ представить безъ Возрожденія. Нѣтъ спора далѣе, что за тѣ полтора столѣтія, которыя лежатъ между концомъ среднихъ вѣковъ и началомъ новаго времени въ болѣе узкомъ смыслѣ, интеллектуальная культура необычайно разрослась въ ширину; какъ ученое образованіе, такъ и общее народное образованіе, благодаря Реформаціи, стало захватывать все болѣе и болѣе широкіе круги. Въ первомъ отношеніи особенно сильное вліяніе оказалъ ростъ академически образованнаго свѣтскаго и духовнаго чиновничества; около середины XVII столѣтія не было деревни безъ духовнаго лица съ университетскимъ образованіемъ; во второмъ—развитіе народной школы. Какъ есть основанія думать, къ

1) Волна несетъ насъ, намъ не подчиняясь.

концу XVII столѣтія умѣнье читать было настолько уже распространено, что неграмотность даже у простонародья считалась непростительнымъ изъяномъ. И надо же во что-нибудь цѣнить нѣмецкую Библию — дорогой даръ, дорогое наслѣдіе предковъ, гдѣ сохранился до лучшихъ временъ и настоящій нѣмецкій языкъ.

Прибавлю еще одно общее замѣчаніе относительно роли книгопечатанія и грамотности въ ходѣ образованія. Ближайшее ихъ дѣйствіе было таково: благодаря имъ стали возможны обученіе и передача мыслей безъ личнаго присутствія, и этимъ онѣ освободили образованіе отъ узъ школы и церкви и вообще отъ узъ авторитетовъ, открывъ широко двери индивидуализму. Все развитіе новаго времени было бы невысказимо безъ этой предпосылки. Въ средніе вѣка всякое преподаваніе и ученье могло происходить въ сущности только по указаннымъ мѣстамъ и въ указанныхъ формахъ; школы и университеты подлежали контролю авторитетовъ, контролю общепризнаннаго, въ послѣднемъ счетѣ контролю церкви. Чтобы отдѣлаться отъ неудобныхъ новшествъ, былъ вѣрный способъ: довольно было изъять изъ обращенія того, кто ихъ затѣялъ. Съ книгопечатаніемъ слово отдѣлилось отъ личности: печатная мысль обладаетъ своего рода вездѣсущіемъ, она свободна отъ границъ времени и пространства, и это дѣлаетъ ее неуловимой и неистребимой. Если бы Лютеръ могъ дѣйствовать только въ своей аудиторіи въ Виттенбергѣ, его революція была бы задушена такъ же легко, какъ и нѣкоторыя предшествовавшія; если бы Реформація сначала должна была восторжествовать въ университетахъ, ея бы никогда не было. Теперь же печатные

листки разносятся по всѣмъ концамъ страны и зажигаютъ пожаръ сразу въ тысячѣ мѣстъ. Такъ точно пресса прокладывала путь и всѣмъ послѣдующимъ великимъ движеніямъ вплоть по сей день. Всѣ попытки изловить и задушить печатное слово (цензура— ровесница книгопечатанію) всегда оказывались совершенно тщетны. Можно безошибочно принять, что та удивительная духовная подвижность, которая такъ характерна для европейскаго міра въ новое время, стоитъ въ тѣснѣйшей внутренней связи съ развитіемъ книгопечатанія. Такъ же тѣсно связана съ нимъ и внутренняя подвижность современнаго общества, распатавшаго устой сословнаго строя: книга съ своими фактами и листокъ съ своей пропагандой находятъ себѣ дорогу въ такую глубь и въ такую глушь, куда не проникаетъ дѣйствіе школы.

К Н И Г А Ш.

ЭПОХА ПРИДВОРНАГО ОБРАЗОВАНІЯ
ВЪ ДУХЪ СОВРЕМЕННОСТИ СЪ ПРЕ-
ОБЛАДАНИЕМЪ ФРАНЦУЗСКАГО ВЛІЯ-
НІЯ.

Г Л А В А I.

Господствующія тенденціи эпохи и новый идеаль образования.

Вестфальскій миръ знаменуетъ собою крупный поворотъ въ нашей исторіи. Это начало и конецъ: конецъ господства богословія, начало новой культуры и образования, зиждущихся на научно - философскихъ идеяхъ. Съ него, пожалуй, можно было бы вообще начинать новую исторію, относя предшествующій періодъ еще къ средневѣковью, какъ это за послѣднее время не разъ и дѣлалось. Однако господствующія тенденціи новой эпохи все же возникли и явились о себѣ уже въ вѣкъ Возрожденія и Реформаціи; а переломъ, произведенный разрушеніемъ единства церкви, былъ настолько глубоокъ и рѣзокъ, что правильнѣе отсюда и вести великую историческую эпоху, въ которой мы живемъ.

Ходъ образовательнаго и школьнаго движенія въ этотъ новый періодъ можно указать формулой: модернизация и лаицизация. Движеніе это быстро идетъ въ сторону современности и свѣтскихъ интересовъ, порывая связь съ древностью и супранатуралистическимъ христіанствомъ. При этомъ надо, однако, замѣтить, что обмірщеніе образования вызвало противъ себя реакцію въ видѣ піэтизма, а разрывъ

съ древностью, нѣсколько позже, во второй половинѣ XVIII столѣтія, вызвалъ реакцію въ видѣ новогуманизма.

Я прежде всего намѣчу общій характеръ культурнаго движенія этой эпохи Оно исходитъ, главнѣйшимъ образомъ, изъ Франціи, къ которой примыкають Нидерланды и Англія. Центръ умственной жизни въ семьѣ европейскихъ народовъ, который въ XVI столѣтіи находился въ Италиі, какъ родинѣ Возрожденія, и въ Германіи, какъ родинѣ Реформаціи, передвинулся теперь на западъ: Парижъ становится разсадникомъ новой придворной культуры и образованія.

Обращаясь сначала къ идейной сторонѣ мы видимъ, что великій переворотъ въ умственномъ мірѣ, подготовлявшійся въ первой половинѣ XVII столѣтія и совершившійся во второй его половинѣ, характеризуется отступленіемъ на задній планъ супранатуралистической теологіи и рѣшительнымъ торжествомъ физико - математическихъ наукъ и зиждущагося на нихъ реального, земного міросозерцанія Церковно-теологическіе интересы, выступившіе снова на первый планъ въ эпоху Реформаціи и контръ-реформаціи и почти заглушившіе одно время свѣтскій образовательный идеалъ Возрожденія, теперь, въ свою очередь, оттѣсняются, во многихъ же кругахъ и вытѣсняются, новыми духовными интересами—современной философіей и точными науками. Долгія страшныя войны, которыя церковный расколъ повсюду повлекъ за собою — гугенотскія войны во Франціи, тридцатилѣтняя война въ Германіи и гражданскія войны въ Англіи — оставили у современниковъ въ видѣ душевнаго осадка чувство индифферентизма къ

спорнымъ вопросамъ религіи и теологіи: стоитъ ли, право, изъ-за-такихъ вопросовъ пускать въ ходъ мечъ и огонь? Да и поддаются ли вообще подобныя проблемы разрѣшенію? Если же нѣтъ, такъ не разумнѣе ли предоставить каждому вѣрить въ то, во что онъ можетъ вѣрить, и вмѣсто споровъ о «трансубстанціаціи», «предестинаціи» и «реальномъ присутствіи», вмѣсто этихъ никого и ни въ чемъ не убѣждающихъ споровъ, заняться такими науками, гдѣ можно при помощи разума добиться дѣйствительно всеобщихъ и безусловно истинныхъ законовъ: математикой и естествознаніемъ, изученіемъ неба и земли? Эти науки, притомъ же, даютъ множество выводовъ, цѣнныхъ для жизненной работы, тогда какъ тѣ трансцендентальныя спекуляціи вовсе ничего не даютъ, если не считаютъ тѣхъ трансцендентальныхъ же послѣдствій, которыя у каждаго богослова соединяются съ покорной вѣрой въ истину проповѣдуемаго имъ именно ученія. Такое индифферентно-скептическое отношеніе къ теологіи, переходящее нерѣдко и на религію, и на вопросы о нездѣшнемъ вообще, является къ концу XVII вѣка очень характернымъ для господствующаго духа времени. Это подаетъ поводъ къ непрерывнымъ жалобамъ со стороны теологовъ на все заполняющій «атеизмъ»—слово, пущенное въ оборотъ этой эпохой и прилагавшееся ко всѣмъ почти виднымъ философамъ, не только къ Спинозѣ и къ Гобсу, но и къ Декарту, и къ Локку, и къ Лейбницу. Но теологи могли гнѣваться сколько угодно ихъ грома были бессильны противъ новаго духа времени. Идеи терпимости, либерализма, естественнаго права повсюду завоевывали себѣ господство: средневѣковье окончательно сошло со сцены.

Въ развитіи раціоналистическаго мышленія, царящаго надъ всей послѣдующей эпохой, сыграло крупную роль то обстоятельство, что исходнымъ пунктомъ новой философіи явились математика и строящіяся на ней естественныя науки. Онѣ начинаютъ свое побѣдное шествіе съ Коперника; небесныя явленія изъемяются изъ области чувственнаго познания и подчиняются математическимъ построеніямъ, которыя производитъ разумъ. Галилей вводитъ математику въ кругъ физическихъ наукъ; и здѣсь простая формулировка воспринимаемыхъ чувствами явленій, — какъ аристотелевскіе законы движенія, этотъ краеугольный камень схоластической физики, — смѣняется апріорными построеніями отъ разума, который какъ бы предписываетъ теперь природѣ свои законы — на первомъ мѣстѣ, «противочувственный» законъ сохранения движенія. Въ своемъ предисловіи ко второму изданію «Критики чистаго разума» Кантъ подчеркиваетъ этотъ раціоналистическій характеръ современнаго естествознанія, связывая съ нимъ свою новую теорію познанія, какъ необходимую предпосылку. Въ самомъ дѣлѣ, вся описываемая эпоха находится подъ преобладающимъ вліяніемъ этого обстоятельства. Здѣсь корень раціонализма XVII и XVIII вѣковъ съ его абсолютною вѣрою въ разумъ: математика представляется типичной формой науки о природѣ, и великая задача эпохи состоитъ въ томъ, чтобы построить по математическому методу всѣ науки. Система Спинозы есть не что иное, какъ попытка, притомъ строго выдержанная даже по своей формѣ, рѣшить эту задачу.

Вѣра въ строгую закономерность естественнаго хода вещей — это опять не что иное, какъ та же вѣра

въ разумъ только въ иной формулировкѣ. Въ самомъ дѣлѣ, разъ природа можетъ быть постигнута при помощи разума, то она должна обладать формою разумности, формою всеобщности и необходимости. Отсюда слѣдуетъ, что въ ней нѣтъ мѣста ни случаю, ни чуду: случай прямо невыносимъ, да неприемлемо и представление о чудѣ, объ этомъ, не вѣдающемъ никакихъ законовъ, не допускающемъ контроля разума воздѣйствіи на жизнь изъ трансцендентныхъ сферъ. Прежде всего конецъ приходитъ для демоническихъ чудесъ, а съ ними вмѣстѣ и для самой нечистой силы, бредъ которою незадолго предъ тѣмъ позорилъ одинаково и католичество, и протестантство, толкая ихъ на ужасы процессовъ вѣдьмъ. Слѣдомъ за тѣмъ начинаетъ пропадать и вѣра въ божественное чудо: дѣятельности Божества приписывается форма законѣрности или разумности. Теологическій рационализмъ XVIII столѣтія, стремящійся толковать Священное писаніе въ духѣ такихъ взглядовъ, стремящійся очистить христіанскую религію отъ трансцендентныхъ пугалъ, прямо вытекаетъ изъ рационализма философскаго, выработаннаго предшествующимъ періодомъ, какъ слѣдствіе математически-механистическаго пониманія природы. Въ связи съ этой вѣрою въ разумность міра находится, далѣе, крупный переворотъ, происшедшій въ настроеніи общества; въ немъ беретъ верхъ забота только о земномъ и оптимистическое міросозерцаніе: черезъ науку и культуру лежитъ путь къ усовершенствованію общества во всѣхъ отношеніяхъ, къ добродѣтели и счастью. Вѣра во всеобщій историческій прогрессъ вытѣсняетъ теорію вырожденія рода человѣческаго, представленную ученіемъ о грѣхопаденіи. Совершенство человѣческой природы

лежить не въ прошломъ, не позади насъ, не въ фантастической райской странѣ: оно насъ ждетъ впереди. Такую картину рисуютъ естественно - научныя и соціально - политическія культурныя утопіи этого времени.

Одновременно съ этимъ глубокимъ переворотомъ въ мірѣ духовномъ происходятъ многознаменательныя перемѣны въ соціальномъ и въ политическомъ мірѣ. Абсолютная монархія Людовика XIV явилась первымъ блестящимъ воплощеніемъ идеи новаго государства, а къ этому же времени достигло полного развитія и соотвѣтственное измѣненіе общественнаго строя: первое мѣсто въ немъ заняло теперь свѣтское владѣльческое сословіе въ видѣ придворной знати и стало рѣшительно отгнать на задній планъ духовенство и буржуазію. Парижъ-Версаль, резиденція короля-солнца, сдѣлался сборнымъ пунктомъ для всего французскаго дворянства, а также притягательнымъ центромъ для всѣхъ умственныхъ силъ страны.

Еще легче и полнѣе, чѣмъ во Франціи, гдѣ духовенство и буржуазія все же сохранили за собою видное положеніе—первое въ независимой отъ государства церкви, вторая, какъ судейское сословіе—произошелъ политико - соціальный переворотъ въ Германіи. Старое «первое сословіе», утратило здѣсь послѣ Реформаціи, по крайней мѣрѣ, въ протестантскихъ областяхъ, то господствующее положеніе, которое принадлежало нѣкогда католическому клиру; духовныя лица являются теперь чиновниками монарха, какъ верховнаго епископа территоріальной церкви. По деревнямъ же они притомъ находятся въ сильнѣйшей зависимости отъ помѣщиковъ, которые на правахъ патроновъ замѣщаютъ въ своихъ владѣніяхъ священ-

ническія вакансіи. А властная нѣкогда буржуазія была подкошена тридцатилѣтней войной, въ конецъ разорившей цвѣтущіе нѣмецкіе города. Такимъ образомъ, на ряду съ владѣтельными князьями сохранилось только одно дворянство. Въ качествѣ придворнаго и служилаго сословія оно все больше и больше захватываетъ въ свои руки всѣ видныя и вліятельныя мѣста въ новомъ военномъ и гражданскомъ управленіи, и, съ другой стороны, въ качествѣ сословія крупныхъ землевладѣльцевъ съ правительственными функціями, оно низводитъ крестьянъ на степень крѣпостныхъ и ставитъ въ полную экономическую и соціальную зависимость отъ себя мелкую буржуазію, населяющую безнадежно захудавшіе города. Вся общественная жизнь сосредоточилась теперь въ новыхъ резиденціяхъ: дворы въ Берлинѣ, въ Ганноверѣ, въ Дрезденѣ, въ Касселѣ, въ Дармштадтѣ, въ Карльсруэ, въ Мюнхенѣ, въ Штутгартѣ, въ Вѣнѣ являются фокусами какъ политической, такъ и умственной жизни. «Общество» сводится къ придворному дворянству; все остальное—это «масса».

Въ «обществѣ» этомъ царитъ французскій языкъ и французское образованіе. Какъ французское королевство явилось образцомъ политическаго строя, такъ точно французское дворянство служило предметомъ подражанія во всемъ, что касалось хорошаго тона и «благороднаго» образа жизни. Парижъ сталъ центромъ новаго свѣтскаго образованія; тамъ знатная молодежь всѣхъ европейскихъ государствъ получала тонкую шлифовку и *savoir vivre*. Тамъ же возникла и новая міровая литература—придворная драма, гдѣ отражается величіе и блескъ свѣта, гдѣ героями являются эти гордые мужчины и женщины, исполнен-

ные сознанія своего достоинства и получающіе цѣною полнаго господства надъ собою право господствовать надъ міромъ. Тамъ всѣ искусства, зодчество и садоводство, живопись и вааяніе, сливаются въ хоръ, поющій гимны въ честь великаго короля. Точно такъ же Парижъ оказываетъ покровительство и новымъ наукамъ, для культуры которыхъ основывается Академія: науки своими славными завоеваніями тоже должны служить къ возвышенію блеска королевскаго двора.

Передъ этимъ блестящимъ развитіемъ постепенно тускнѣетъ свѣтъ античной древности, какъ блѣднѣютъ звѣзды передъ восходящимъ солнцемъ. Если въ началѣ XVI вѣка литературный міръ самъ на себя глядѣлъ только какъ на хранителя завѣтовъ античнаго творчества и видѣлъ въ древнихъ авторахъ вѣчные образцы всякаго совершенства, то къ концу XVII вѣка онъ уже смѣло ставитъ себя съ древностью на одну доску и даже не прочь признать свое надъ нею превосходство. Въ наукахъ мы, во всякомъ случаѣ, превзошли древность: довольно взглянуть на наши открытія и изобрѣтенія. Но и въ художественномъ творествѣ, въ сферѣ искусствъ и изящной литературы, мы врядъ ли имъ много уступаемъ: развѣ французскій языкъ не сталъ тонко и тщательно отточеннымъ орудіемъ, способнымъ выразить любой оттѣнокъ мысли и чувства? Да и въ военной, и въ политической сферѣ намъ передъ древними не за что краснѣть: развѣ римскіе легіоны устояли бы противъ современныхъ баталіоновъ, снабженныхъ огнестрѣльнымъ оружіемъ?

Такъ происходитъ этотъ рѣзкій поворотъ въ отношеніи къ древнему міру: намъ нечему у него

больше учиться, мы перестали быть учениками, мы достигли самостоятельности во всѣхъ областяхъ. Съ презрѣніемъ смотрять на Аристотеля Бэконъ и Декартъ, съ презрѣніемъ относятся къ нему и всѣ другіе представители новыхъ наукъ—математики и физики, техники и врачи. Ну, что онъ, въ самомъ дѣлѣ, понималъ въ природѣ? Все его естествознаніе сводится къ діалектическому переливанію изъ пустого въ порожнее, къ оперированію туманными, расплывчатыми, ненаучными понятіями, тогда какъ мы проникли въ причинную связь явленій и этимъ подчинили себѣ природу. Это презрѣніе къ Аристотелю переносится также на школы и университеты, которые все еще крѣпко за него держатся. Что представляютъ они собой? Какія-то отставшія отъ вѣка заведенія, гдѣ учать только препираться и болтать и не даютъ понятія о томъ, что составляетъ содержаніе истинныхъ, реальныхъ наукъ. Съ такимъ же чувствомъ придворный міръ смотритъ и на гуманитарные предметы школьнаго преподаванія, на изучаемую въ школахъ латинскую поэзію и элоквенцію; это отжившія искусства, не имѣющія никакой цѣны въ дѣйствительной жизни; кому, въ самомъ дѣлѣ, требуются латинскія вирши или торжественныя рѣчи? И развѣ не такъ же обстоитъ дѣло съ догматическими и полемическими трактатами по вопросамъ богословія? Общество ихъ не хочетъ больше знать: его любимцами становятся англійскіе деисты или Пьеръ Бэйль съ тонкимъ, изящнымъ скептицизмомъ статей въ *Dictionnaire historique et critique*.

Такъ исчезаетъ идеалъ образованія, создавшійся въ предшествующій періодъ — Штурмова *sapiens*

atque eloquens pietas. На его мѣсто становится теперь новый идеаль, въ свѣтскомъ, реалистическомъ духѣ— идеаль образованія придворно-современнаго человѣка, *galant-homme'a*. Этотъ *galant-homme* умѣетъ держать себя съ безукоризненной элегантностью благороднаго кавалера при дворѣ и въ салонѣ. Пройдя во всѣхъ тонкостяхъ курсъ рыцарскаго воспитанія и въ то же время обладая знаніемъ новыхъ языковъ и знакомствомъ съ новыми науками, онъ одинаково пригоденъ для всѣхъ придворныхъ, военныхъ и гражданскихъ должностей. Онъ не сочиняетъ латинскихъ виршей, но зато свободно владѣетъ новымъ космополитическимъ языкомъ и основательно начитанъ въ новѣйшей литературѣ. Онъ не умѣетъ диспутировать на схоластическія темы по философіи и богословію; зато онъ не безъ свѣдѣній въ современныхъ наукахъ, въ естествознаніи и математикѣ, и твердо знаетъ современную исторію государствъ, генеалогію и географію. Ему не чужды и новѣйшіе философы; вопли богослововъ ему не страшны и не отпугиваютъ его отъ чтенія мірскихъ книгъ, откуда онъ почерпаетъ достаточно свободомыслія, чтобы по-свѣтски подсмѣиваться надъ узостью ортодоксальной теологіи и надъ бездушнымъ педантизмомъ университетской философіи.

Германія, которая во весь этотъ періодъ почти не шла въ культурной сферѣ дальше пассивныхъ воспріятій, приняла также и этотъ новый идеаль образованія. Насмѣшки Мольера и Буало надъ схоластической философіей находятъ себѣ откликъ и здѣсь: такой человѣкъ, какъ Христіанъ Томазіи, безъ усталости издѣвается надъ старо-гуманистическими учеными и надъ схоластическими философами, какъ надъ

старозавѣтными школьными педантами. Какъ и его предшественникъ Бальтазаръ Шуппе, онъ находитъ донельзя потѣшнымъ, что молодыхъ людей благороднаго сословія все еще засаживаютъ въ монастырскія школы... Быть-можетъ, плести латинскія вирши изъ-подъ розги это и хорошо для школьныхъ крысъ. но какъ возможно видѣть въ этомъ подходящее воспитаніе для людей, которымъ 'предстоитъ выступать при дворѣ и въ обществѣ? Такъ, точно смотрѣлъ на дѣло и Лейбницъ; онъ также былъ самага низкаго мнѣнія о старыхъ школахъ и университетахъ, почему онъ и не пожелалъ имѣть какое-нибудь отношеніе къ нимъ; его мѣсто—при дворѣ и его языкъ—французскій. Въ рядѣ проектовъ онъ старался указать путь къ иному—современному, реалистическому, общепольному образованію, такому образованію, которое необходимо въ нашъ вѣкъ для человѣка, призваннаго играть роль въ свѣтѣ.

При этомъ надо отмѣтить, однако, слѣдующее обстоятельство: въ Германіи придворно - свѣтское образованіе не такъ рѣзко порвало съ религіей, какъ въ католической Франціи; здѣсь съ религіею считаются гораздо серьезнѣе не только въ буржуазныхъ кругахъ, но и въ «свѣтѣ». Такъ, здѣсь нерѣдко новое образованіе довольно удивительнымъ образомъ вступаетъ въ связь съ возникшею въ это время новою формою религіозной жизни—съ піэтизмомъ, пошедшимъ во второй половинѣ XVII столѣтія съ Запада и возставшимъ противъ старой ортодоксіи. Ихъ прежде всего внутренне соединяетъ стремленіе къ реальному и практическому, интересъ къ современности, къ жизни и отвращеніе къ педантичной учености, къ хитросплетеніямъ школьной философіи и теоло-

ги; о язычникѣ Аристотелѣ Шпенеръ ¹⁾ отзывается не много мягче, нежели Лютеръ. При этомъ у піэтизма, какъ онъ ни презираетъ міръ, нѣтъ недостатка въ «христіанской мудрости», которая умѣетъ и въ этомъ мірѣ, каковъ онъ ни на есть, достигать нужныхъ цѣлей при помощи подходящихъ средствъ. Съ другой стороны, и въ протестантско-нѣмецкомъ обществѣ, даже въ аристократическихъ его кругахъ, несмотря на современное свѣтское образованіе, сохранилась гораздо большая доля старинной степенности въ поведеніи и подлиннаго благочестія, чѣмъ это было въ Парижѣ. При нѣкоторыхъ набожныхъ графскихъ дворахъ мы встрѣчаемъ, такимъ образомъ, прямо поразительную смѣсь піэтистической религіозности и моднаго свѣтскаго образованія. Въ дневникѣ молодого графа Цинцендорфа ²⁾ мы видимъ, какъ фехтованіе, танцы и французскіе уроки перемежаются съ молитвословіемъ и религіознымъ самоуглубленіемъ. Типичнымъ представителемъ этого соединенія является также Ф.-Л. фонъ-Зекендорфъ, другъ Эрнста Благочестиваго, авторъ «Teutscher Fürstenstaat» и «Der Christenstaat». Однако внутреннее противорѣчіе обоихъ указанныхъ теченій, конечно, не изглаживается совершенно, и тамъ, гдѣ сталкиваются наиболѣе послѣдовательные, принципиальные ихъ представители, оно переходитъ въ открытую вражду: вспомнимъ конфликтъ между А. Г. Франке и Хр. Вольфомъ, закончившійся изгнаніемъ послѣдняго (въ 1723 г.) изъ

¹⁾ Филиппъ-Яковъ Шпенеръ (1635—1705)—родоначальникъ протестантскаго піэтизма.

²⁾ Николай-Людвигъ Цинцендорфъ (1700—1760)—основатель братства Гернгутеровъ. Ред.

Галле за явный атеизмъ: здѣсь піѣтистъ не вынесъ-таки сосѣдства съ рационалистомъ. Вспомнимъ также, съ какою ненавистью и съ какимъ презрѣніемъ относился Фридрихъ II къ піѣтистамъ: Вольтеръ и Франке—съ обоими заразъ, конечно, нельзя состоять въ дружбѣ.

Два слова еще о постепенномъ возрожденіи въ XVIII столѣтіи нѣмецкаго языка и литературы. Въ общемъ новое свѣтское образованіе было въ Германіи экзотическимъ растеніемъ и оставалось равнодушнымъ ко всему національному. Царствующіе дома по самому своему положенію были до извѣстной степени вынуждены держаться интернаціонально и, стало-быть, антинаціонально: вѣдь, самый ихъ суверенитетъ былъ прямо обусловленъ отсутствіемъ единого національнаго государства. Яснѣе всего намъ это видно на Фридрихѣ Великомъ: такъ какъ о прусской гегемоніи въ Германіи тогда нельзя было еще и думать, то Фридрихъ всю свою гордость могъ полагать лишь въ своей независимости отъ имперіи—въ своей интернаціональности. Этому соотвѣтствовало и настроеніе короля онъ весь живетъ въ атмосферѣ французскаго образованія, и во всѣхъ случаяхъ, гдѣ это опредѣляется его личными вкусами, онъ окружаетъ себя иностранцами. Такъ же мало націоналенъ былъ и піѣтизмъ: его супранатуралистическія тенденціи заставляли его, какъ нѣкогда и древнее христіанство, быть равнодушнымъ къ случайнымъ, земнымъ различіямъ между людьми. И, тѣмъ не менѣе, уже въ XVII вѣкѣ даютъ о себѣ знать проявленія нѣмецкаго національнаго чувства, воспринимающаго господство иноземнаго образованія и языка, какъ позоръ

для нѣмецкаго народа. Если французы и итальянцы могутъ писать и говорить на своемъ народномъ языкѣ, если философія и поэзія могутъ говорить по-французски и по-англійски, какъ свидѣтельству- ютъ о томъ Декартъ и Локкъ, Шекспиръ и Миль- тонъ, Корнель и Расинъ, то почему же не говорить имъ и по-нѣмецки? Уже въ первой половинѣ XVII вѣка стали возникать «общества нѣмецкаго языка», изъ которыхъ на первомъ мѣстѣ стоитъ «Плооодное об- щество» (Fruchtbringende Gesellschaft). Множество тео- ретиковъ словесности и множество поэтовъ, начиная съ Опица ¹⁾ и кончая Готшедомъ ²⁾, путемъ учебни- ковъ и путемъ примѣровъ старались оказать содѣй- ствіе возникновенію нѣмецкой классической поэ- зии, усердно снабжая ее метрическими и стилисти- ческими формами, сюжетами и всѣмъ другимъ добромъ по образцу французской и латинской. Съ возникно- веніемъ нѣмецкой литературы «Божіей милостью». — литературы Клопштока, Лессинга, Гердера, Гёте, Шиллера, вся эта классицистическо-подражатель- ная литература, продуктъ ученаго патриотическаго усердія, канула въ вѣчность. Тѣмъ не менѣе, она въ свое время сослужила извѣстную службу: она поло- жила, съ одной стороны, конецъ безобразіямъ «гро- біанизма» ³⁾ и съ другой—пробудила въ нѣмецкомъ

¹⁾ Мартинъ Опицъ (1597—1639) — авторъ множества одъ, поэмъ, трагедій и т. д. Его «Нѣмецкая піитика» (Buch von der deutschen Poeterey) появилась въ 1624 г.

²⁾ Иоганнъ-Кристофъ Готшедъ (1700—1766)—литературный законодатель въ періодъ передъ выступленіемъ Лессинга. *Ред.*

³⁾ Гробіанизмъ — распушенность языка, манеръ и нравовъ, составляющая характерную черту нѣмецкой культуры съ XV до половины XVII вѣка. Циничные сюжеты, непристой-

народѣ сознание его отсталости отъ другихъ народовъ, подстрекая этимъ національную гордость. Съ начала XVIII вѣка и философія начинаетъ писать на нѣмецкомъ языкѣ: Томазій, Вольфъ, Кантъ—таковъ здѣсь гордо восходящій рядъ. Кантъ былъ первымъ великимъ мыслителемъ, думавшимъ и писавшимъ исключительно на нѣмецкомъ языкѣ.

Въ заключеніе я укажу, какъ отразился описанный міровой переворотъ въ педагогической реформенной литературѣ. Она тоже рано начинаетъ пробивать себѣ дорогу. Уже съ 1612 года Рати-хій ¹⁾ въ качествѣ проповѣдника «новаго метода» странствуетъ по нѣмецкимъ землямъ, и проповѣдь его при нѣкоторыхъ дворахъ, особенно при Саксонскомъ и Ангальтскомъ, равно какъ въ нѣкоторыхъ городахъ и академіяхъ, находитъ вѣрующихъ слушателей: ясный знакъ, что старый образовательный идеалъ времени Меланхтона успѣлъ уже поблекнуть. Правда, надолго привязать къ себѣ своихъ поклонниковъ этотъ беспокойный, раздражительный, рѣзкій новаторъ не сумѣлъ, какъ не сумѣлъ онъ поставить прочно дѣло и въ предоставленной ему княземъ Людвигомъ Кѣтенской школѣ. Но поднятое имъ движеніе не прекратилось, найдя себѣ сторонниковъ особенно въ Веймарѣ и въ Готѣ. Слѣдомъ за нимъ идетъ Коменій ²⁾, дѣятельность котораго охваты-

ныя шутки, площадныя ругательства являются обычной принадлежностью литературы и театра въ этотъ періодъ. Самое слово *Grobian*, если не создано, то пущено было въ оборотъ въ концѣ XV вѣка сатирикомъ Себастіаномъ Брантомъ: *ein neuer Heiliger heisst Grobian, den will jetzt führen jedermann.*

Ред.

¹⁾ Вольфгангъ Ратке, 1571 — 1635.

²⁾ Амосъ Коменскій, 1592 — 1671.

вааетъ уже гораздо болѣе широкіе круги. Изъ Чехіи она распространяется на Польшу, на Пруссію, на Швецію, на Англию, на Венгрію и всюду оставляетъ слѣды въ литературѣ, а кое-гдѣ и въ преподаваніи, и въ учрежденіяхъ. Не стану говорить здѣсь о его судьбѣ и о его трудахъ, даже чисто литературныхъ, не стану также перечислять другихъ пропагаторовъ педагогической реформы, которыхъ въ XVII столѣтіи насчитывается много: для насъ довольно будетъ сжато характеризовать самую суть того, къ чему они стремились. Ихъ основныя тенденціи стоятъ въ прямой связи съ знакомымъ уже намъ общимъ движеніемъ въ духовномъ мірѣ и обрисовываются слѣдующими главными чертами.

Первымъ лозунгомъ реформаторовъ является: реализмъ противъ вербализма. Старо-гуманистическая школа, — жалуются всѣ они единодушно, — съ крайней односторонностью переноситъ центръ тяжести преподаванія на языки, и за словами въ ней забываются реальности. А между тѣмъ только реальное познаніе предметовъ имѣетъ непосредственную цѣну, тогда какъ знаніе языковъ имѣетъ лишь служебное значеніе: какъ выражался Лейбницъ, отъ этого не поумнѣешь, если научишься одно и то же говорить на трехъ языкахъ. Итакъ, та школа, которая не учитъ ничему, кромѣ языковъ, не выполняетъ главной своей задачи. Не *eloquentia*, а *sapientia*, т.-е. познаніе реальностей въ природѣ и духовномъ мірѣ, является конечной цѣлью образованія, и «пансофія», энциклопедическое знакомство со всѣми областями научнаго вѣдѣнія, должна опредѣлять уже въ школѣ характеръ занятій.

Второй укоръ ихъ старой школъ состоитъ въ томъ, что она переоцѣниваетъ древность и недостаточно цѣнитъ современность. Весь школьный строй, говорятъ они, основывается на взглядѣ, который, можетъ - быть, правиленъ былъ въ концѣ средневѣковья, будто лишь одна древность обладала истинной философіей и истинною наукой. Отсюда слѣдовалъ и выводъ: сначала языки, потомъ реальности. Но между тѣмъ культурное положеніе успѣло измѣниться. Мы можемъ утверждать вмѣстѣ съ Бэкономъ — писателемъ, котораго эти педагоги-реформаторы высоко почитали, — что въ области науки мы древніе, мы старшіе, такъ какъ у насъ гораздо больше опыта и зрѣлости мысли. А потому не зачѣмъ и обусловливать доступъ къ наукѣ изученіемъ древнихъ языковъ: въ концѣ-концовъ, любую науку можно преподавать на любомъ языкѣ. Къ тому же у насъ надъ древними есть и другое превосходство, а именно, истинная религія: мы обладаемъ Священнымъ писаніемъ; такъ на что же намъ требуется слушать въ школъ языческія сказки классическихъ поэтовъ или творенія философовъ, не вѣдавшихъ истиннаго Бога? XVII столѣтіе вообще много чувствительнѣе къ язычеству классической древности, чѣмъ былъ XVI вѣкъ, стоявшій ближе къ эпохѣ Возрожденія.

Наконецъ третья укоризна: фальшивый методъ обученія языкамъ. Безъ изученія чужихъ языковъ, и въ частности древнихъ языковъ, вполне, конечно, обойтись нельзя, но надо его вести совсѣмъ инымъ путемъ. Теперь лѣтъ десять, а то и больше, уходитъ на изученіе одного латинскаго языка съ прибавкой элементовъ греческаго — и дѣти, въ концѣ-концовъ, все же имъ какъ слѣдуетъ не овла-

дѣвають. А между тѣмъ какой-нибудь парнишка при обозѣ, пошлявшись вслѣдъ за арміей нѣсколько мѣсяцевъ по чужимъ землямъ, выучивается безъ всякихъ уроковъ бойко объясняться на разныхъ языкахъ. Значить, если у насъ въ школахъ получается такой печальный результатъ, то дѣло можетъ объясняться только фальшивымъ методомъ. И въ чемъ именно мы дѣлаемъ здѣсь ошибку, схватить нетрудно: мы обучаемъ латинскому языку по грамматикѣ, вмѣсто того, чтобы въ основу класть живое употребленіе, да вдобавокъ совершаемъ колоссальную глупость, требуя, чтобы дѣти заучивали грамматическія правила на латинскомъ же, т.-е. на непонятномъ языкѣ. На мѣсто этого противоестественнаго надо поставить естественный методъ: начинать не съ правилъ, не съ абстракціи, не съ вырванныхъ изъ текста словъ, а съ рѣчи—съ автора, говорить Ратихій, съ маленькихъ предложеній и разговоровъ, совѣтуетъ Коменій—и притомъ сейчасъ же переводить все на родной языкъ; ротъ, ухо и языкъ привыкнуть такимъ образомъ къ чуждымъ звукамъ и способу выраженія; тогда будутъ гораздо легче усваиваться и грамматическія правила, которыя будутъ находить для себя уже вполнѣ подготовленную почву. «Индуктивный» методъ, переходъ отъ частнаго къ общему, и здѣсь является самымъ естественнымъ. И, кромѣ того, закономерность языка надобно изучать сначала въ наблюденіяхъ надъ собственнымъ роднымъ языкомъ, какъ надъ извѣстнымъ, и потомъ уже показывать ее въ чужихъ языкахъ. Отсюда основное требованіе нашихъ педагогическихъ реформаторовъ: начинать обученіе на родномъ языкѣ и съ родного языка, а не съ латинскаго, какъ то заведено было

въ старой системѣ. Итакъ, дѣти должны учиться читать и писать сначала на родномъ языкѣ и должны раньше знакомиться съ грамматикой родного языка: только потомъ ихъ можно сажать и за иностранные языки. Иначе путь ихъ на первыхъ же шагахъ загромождается непозволительными трудностями.

Таковы были въ общихъ чертахъ существенныя требованія новаторовъ — требованія, отзвукъ которыхъ мы скоро находимъ и въ школьныхъ уставахъ (напримѣръ, въ Гессенскомъ 1618 г. и въ Веймарскомъ 1619 г.), но которымъ въ дѣйствительности школьный консерватизмъ лишь очень медленно сталъ дѣлать кое-какія уступки. Надо замѣтить, правда, что въ области преподаванія древнихъ языковъ провести естественный методъ, который съ тѣхъ поръ неоднократно искали и пробовали, задача вовсе не изъ легкихъ. Быть-можетъ, ближе всего стояла къ нему школьная практика среднихъ вѣковъ; но зато средніе вѣка и обращались съ латинскимъ языкомъ, какъ съ живымъ, позволяя себѣ передѣлывать его на свой ладъ. Классическая же латынь—языкъ, чисто литературный, и притомъ неподвижный литературный языкъ далекаго прошлаго — всегда будетъ съ большимъ трудомъ поддаваться изученію по «естественному» методу.

ГЛАВА II.

Проникновение новыхъ тенденцій въ школьное дѣло.

Рыцарскія академіи. Академіи эти являются новымъ, своеобразнымъ созданиемъ XVII и XVIII вѣковъ. Онѣ предназначались для того, чтобы давать дворянской молодежи, до принцевъ крови включительно, соотвѣтствующее сословному положенію образованіе, приуроченное специально къ подготовкѣ для военной и гражданской службы. Свое начало подобныя учрежденія ведутъ еще съ конца XVI вѣка: первыми школами такого типа являются Collegium illustre (1589 г.) въ Тюбингенѣ и Collegium Marnititanum (1599 г.) въ Касселѣ. Послѣ Вестфальскаго мира число ихъ быстро растетъ: въ 1653 г. возникаетъ академія въ Кольбергѣ, въ 1655 г.—въ Люнебургѣ, въ 1680 г.—въ Галле, въ 1687 г.—въ Вольфенбюттелѣ, въ 1699 г.—въ Эрлангенѣ, въ 1704 г.—въ Бранденбургѣ, въ 1705 г.—въ Берлинѣ (гдѣ въ 1765 г. Фридрихъ Великій сдѣлалъ изъ нея Académie des nobles), въ 1708 г.—въ Лигницѣ, въ 1711 г.—въ Этталѣ, въ 1714 г.—въ Гильдбурггаузенѣ, въ 1745 г.—въ Брауншвейгѣ, въ 1746 г.—въ Вѣнѣ; рядъ этотъ замыкается основаніемъ въ 1775 г. штутгартской Hohe Karlsschule, но это заведеніе, равно какъ и брауншвейгскій Carolinum, носитъ значительно иной

характеръ, чѣмъ болѣе раннія академіи. Въ XIX столѣтіи такая форма сословной школы снова исчезаетъ; отдѣльныя заведенія этого типа и вообще не отличались долговѣчностью; многія изъ нихъ потомъ преобразовались въ кадетскіе корпуса, а въ Галле и въ Эрлангенѣ они развились въ университеты.

Возникновеніе и исчезновеніе рыцарскихъ академій отражаетъ въ себѣ тѣ перемѣны, которыя происходили параллельно въ социальномъ строѣ. Въ XVI столѣтіи, когда городской классъ былъ еще очень состоятеленъ и крѣпокъ, дѣти дворянъ ходили вмѣстѣ съ дѣтьми бюргеровъ въ однѣ и тѣ же учебныя, латинскія школы. Въ XVII столѣтіи началось расслоеніе: города и бюргеры вслѣдствіе великой войны глубоко падаютъ, а княжеская власть и дворянство, въ видѣ придворнаго и военнаго сословія, идутъ высоко въ гору. Разойдясь въ жизни, эти общественные классы расходятся и въ школѣ. Благородное юношество покидаетъ старую латинскую школу. Оно теперь начинаетъ получать свое образованіе или у себя дома, у гофмейстеровъ, которые теперь по всѣмъ странамъ становятся обычной принадлежностью дворянскаго семейства (вѣдь, кандидатовъ теологіи можно было нанять сколько угодно по очень сходнымъ цѣнамъ), или же для него учреждаются особыя сословныя школы, какъ это особенно привилось въ Германіи, которую Богъ такъ щедро наградилъ князьями, и дворами, и всякими высоко и менѣе высоко-родовитыми фамиліями. Нѣмецкое дворянство дальше всего завело и духъ сословной обособленности. Въ Саксоніи оно въ 1672 году дошло до требованія, чтобы его дѣтей крестили на дому, «ибо дворянская честь страдаетъ, когда благо-

роднаго ребенка крестятъ той же водой, какъ и дѣтей подлыхъ людей». И интересъ новаго, княжескаго, чиновничьяго государства дѣйствовалъ въ томъ же направленіи; особенно тѣ изъ дворянскихъ школъ, которыя возникли въ XVIII столѣтіи, носятъ опредѣленно характеръ заведеній, назначенныхъ для подготовки высшихъ чиновниковъ военнаго и гражданскаго вѣдомства.

Въ XIX вѣкѣ рыцарскія академіи исчезли; дворянство теряетъ свое привилегированное положеніе въ государствѣ и въ обществѣ; сильная своимъ образованіемъ и вновь накопленнымъ богатствомъ, буржуазія опять высоко поднимаетъ голову и вмѣстѣ съ *connobium* и *commercium* въ обществѣ отвоевываетъ себѣ и въ государствѣ, въ гражданской и военной службѣ, полное равноправіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ благородная молодежь возвращается въ общія школы. Окончаніе гимназіи или университета становится необходимымъ условіемъ для полученія порядочнаго мѣста, по крайней мѣрѣ, по гражданской службѣ. Да и программа занятій въ кадетскихъ корпусахъ для подготовки офицеровъ приспособилась къ общему курсу реальныхъ училищъ.

Характеръ рыцарскихъ академій опредѣляется ихъ назначеніемъ: онѣ должны были давать новому сословію «господъ» соотвѣтствующее ихъ положенію придворное и современное воспитаніе; въ нихъ осуществлялся новый образовательный идеалъ—*galant-homme*. Въ преподаваніи здѣсь стоятъ на первомъ планѣ новые языки и науки. Конечно, знатному барину нельзя было еще обходиться совсѣмъ безъ знанія латинскаго языка; но «элоквенція» и «поэзія» стали ему уже ненужны; въ придворныхъ сферахъ

и на службѣ на эти вещи не было никакого спроса. Напротивъ, умѣнье владѣть французскимъ языкомъ требовалось безусловно, а также признавалось желательнымъ знакомство съ итальянскимъ языкомъ, пожалуй, даже съ испанскимъ или—позже—съ английскимъ. Извѣстная практика въ употребленіи родного нѣмецкаго языка въ XVIII столѣтіи тоже считалась обязательной. Что касается преподаванія наукъ, то для схоластической философіи въ немъ совсѣмъ не находилось мѣста: она утратила уже всякое значеніе для лицъ, готовившихся къ общественной дѣятельности. Напротивъ, математикѣ и естествознанію придавалась большая важность, какъ изъ-за собственной ихъ внутренней цѣнности, такъ и въ виду значенія этихъ наукъ, съ одной стороны, для новой философіи и новаго міровоззрѣнія, съ другой—для военной и гражданской техники: для фортификаціи, архитектуры, механики и т. д. Точно такъ же къ циклу предметовъ современнаго образованія, готовящаго къ жизни въ современномъ обществѣ, причисляются исторія общая и исторія права, государствовѣдѣніе и географія; знакомство съ генеалогіей правящихъ династій, съ геральдикой и тому подобными вещами, конечно, почитается тоже нелишнимъ для будущаго придворнаго. Прибавимъ къ этому элементы публичнаго и частнаго права, морали и естественнаго права, а также логики, и мы получимъ полную картину того, что представляло собой тогда образованіе въ духѣ современности и требованій свѣта.

Но на ряду съ этими науками играютъ большую роль и *exercitia*—упражненія въ рыцарскихъ искусствахъ, какъ верховая ѣзда, вольтижированіе, фехтованіе, танцы, игра въ мячъ. Программы и про-

спекты дворянскихъ образовательныхъ учрежденій усиленно подчеркиваютъ эту сторону дѣла, указывая, что въ распоряженіе академиковъ предоставляются княжескія конюшни, манежи и экзерцицмейстеры. Тѣ же академіи, которыя находятся въ резиденціяхъ, ставятъ, наконецъ, на видъ и возможность получать приглашенія ко двору—этому первоисточнику изящныхъ манеръ и элегантной *conduite*. А при дворахъ къ тому же приобрѣтается протекція, устраиваются *connaissances*, завязываются связи, и вообще снискивается все то, что важно для карьеры будущаго офицера и кавалера.

Таковы рыцарскія академіи — эти, идущія за вѣкомъ, образовательныя учрежденія реалистическаго характера. Среднія школы XIX в. кое-что переняли оттуда, какъ, на примѣръ, физическія упражненія, бывшія совершенно чуждыми старой латинской школѣ, а также новые языки и точныя науки, которыя уже въ XVIII в. начали постепенно проникать въ латинскія школы, а въ XIX в. добились полнаго равноправія съ древними языками. Но рыцарскія академіи были не только училищами: онѣ являлись прежде всего воспитательными учрежденіями для дѣтей старшаго возраста, сходясь въ этомъ со старыми княжескими или земскими школами. И если бы онѣ сохранились долѣе, приспособившись къ измѣнившимся условіямъ, и открыли бы свои двери буржуазіи, то изъ нихъ могли бы развиться учрежденія, подобныя тѣмъ, которыя мы имѣемъ въ американскихъ колледжахъ. Являясь посредствующимъ звеномъ между школою и университетомъ, они давали бы дѣтямъ состоятельныхъ и образованныхъ классовъ болѣе серьезное обще-научное и философское обра-

зование и въ то же время постепенно приучали ихъ къ свободѣ и къ жизни въ обществѣ.

Университеты. Въ концѣ XVII столѣтія университеты въ Германіи, какъ и во всѣхъ другихъ странахъ, были предметомъ глубокаго презрѣнія. Людямъ со свѣтскимъ образованіемъ они казались отжившими свой вѣкъ, умирающими учрежденіями. Болѣе живые умы, какъ Лейбницъ и даже еще Лессингъ, держались отъ нихъ совершенно въ сторонѣ. Къ концу XVIII столѣтія университеты оказываются во главѣ всего научнаго и духовнаго прогресса нѣмецкаго народа. Я постараюсь въ краткихъ чертахъ изобразить, въ силу какихъ причинъ и при какихъ условіяхъ произошла такая поразительная перемѣна.

Исходнымъ пунктомъ послужило тутъ основаніе двухъ новыхъ университетовъ—въ Галле (1694 г.) и въ Гёттингенѣ (1737 г.), къ которымъ примыкаетъ и Эрлангенскій (1743 г.). Университетъ въ Галле, основанный начавшимъ выдвигаться Бранденбургско-прусскимъ государствомъ, представляетъ собою первый современный университетъ—первый университетъ въ современномъ смыслѣ слова, не только въ Германіи, но и во всемъ свѣтѣ. Отъ старыхъ университетовъ онъ рѣзко отдѣляется двумя чертами. Во-первыхъ, онъ принялъ въ себя современную философію и науки, и, во-вторыхъ, въ его основу положенъ былъ новый формальный принципъ—принципъ свободы мысли и преподаванія. Раньше во всѣхъ университетахъ—и въ протестантскихъ не менѣе, чѣмъ въ католическихъ—преподаваніе принципиально связывалось разъ навсегда предписанными нормами: профессора обязаны были преподавать только одобренное свыше ученіе. Со всею строгостью

это требовалось отъ богослововъ и философовъ, но и въ юриспруденціи, и въ медицинѣ дѣло по существу поставлено было почти такъ же. Въ Галле съ самаго зарожденія университета была провозглашена *libertas philosophandi*: современная философія и наука вступила въ область университетскаго преподаванія, не какъ признанная школьная система, а какъ принципъ свободной мысли и свободного изслѣдованія. И вмѣстѣ съ этимъ университетъ переродился: изъ школы, охранявшей преданія, онъ превратился въ носителя научнаго прогресса, въ искателя путей, ведущихъ къ истинѣ, въ руководителя духовной жизни.

Первымъ профессоромъ и, въ извѣстной мѣрѣ, даже интеллектуальнымъ творцомъ новаго университета, былъ Хр. Томазій, великій ненавистникъ школьной философіи и ученаго «педантизма», человекъ, пропитанный духомъ современности, первый крупный представитель Просвѣщенія на университетской кафедрѣ. Онъ родился въ 1655 г. въ Лейпцигѣ, гдѣ его отецъ былъ преподавателемъ, и началъ свою дѣятельность въ Лейпцигскомъ университетѣ. Но дерзкія его выходки противъ принятыхъ взглядовъ и противъ почтенныхъ своею стариною школьныхъ кумировъ сдѣлали его тамъ скоро невозможнымъ. Спасаясь отъ посыпавшихся на него притѣсненій и брани, онъ чуть не бѣглецомъ явился въ Галле и здѣсь открылъ частный курсъ лекцій. Лекціи эти побудили прусское правительство основать въ Галле университетъ (1694 г.), въ которомъ Томазій дѣйствовалъ до самой своей смерти (1728 г.), преподавая философію и нѣмецкое краснорѣчіе, юриспруденцію и естественное право. Цѣль всѣхъ его стре-

млений была одна: освободить университетскую науку изъ-подъ ига старой, замкнутой, цеховой учености, привести ее въ возможно болѣе тѣсную связь съ жизнью и вмѣсто хлама старой, мертвой, антикварной эрудиціи давать людямъ общепользныя познанія и просвѣщеніе. Поэтому же онъ проводилъ и нѣмецкій языкъ въ университетское преподаваніе и въ научную литературу: надобно было разрушить ту стѣну, которой окружили себя школьный педантизмъ и ученое высокомеріе, — стѣну латыни, за которой успѣшно укрывались сѣдность мыслями и непригодность ни для какого пракческаго дѣла. Фридрихъ Великій высоко цѣнилъ Томазія и ставилъ его на ряду съ Лейбницемъ: по его мнѣнію, изъ всѣхъ новаторовъ эти двѣ личности оказали наибольшія услуги дѣлу просвѣщенія и образованія нѣмецкаго народа.

На той же аренѣ, гдѣ Томазія, и почти такъ же долго, какъ онъ, дѣйствовалъ А. Г. Франке — его антиподъ и все же родственникъ по духу. Франке родился въ Любекѣ (въ 1663 г.), росъ и учился въ Готѣ. Въ Галле онъ сталъ профессоромъ въ 1691 г. Сначала онъ преподавалъ тамъ восточные языки, а потомъ занялъ каѳедру богословія, на которой и оставался до самой смерти (1727 г.). Онъ ввелъ въ германскій университетскій міръ піѳтистское богословіе, которое, въ противоположность старому задорному правовѣрію и первоначально въ горячей схваткѣ съ нимъ, стало переносить центръ тяжести на субъективную сторону религіи, на внутреннее усвоеніе благодати, на жизнь въ духѣ религіи, на *praxis Christianismi*. На ряду съ этимъ, Франке имѣетъ непосредственное и очень крупное значеніе въ исторіи образованія, какъ основатель и руководитель Сиротскаго

дома въ Галле со всѣми примыкающими сюда школьными учрежденіями и какъ творецъ учительской семинаріи. Если Томазій создалъ для прусскихъ юристовъ и чиновниковъ новый типъ образованія въ духѣ Просвѣщенія, воцарившагося съ Фридрихомъ II, то Франке далъ сѣверу Германіи пасторовъ и учителей въ духѣ практическаго благочестія, полныхъ живого интереса къ воспитанію дѣтей и вооруженныхъ новыми методическими приѣмами обученія.

Вслѣдъ за Томазіемъ и Франке надо назвать и Христіана Вольфа. Онъ родился въ 1679 г. въ Бреславлѣ и съ 1707 до 1754 г. былъ профессоромъ математическихъ, физическихъ и философскихъ наукъ въ Галле и въ Марбургѣ, куда ему пришлось на время (съ 1723 по 1740 г.) уйти изъ Галле. Хр. Вольфъ первый далъ университетамъ учебную систему новой философіи, строившейся на математикѣ и естествознаніи, и на пятьдесятъ лѣтъ, до появленія Канта, доставилъ ей господство какъ въ университетскомъ мірѣ, гдѣ дѣйствовали его ученики, такъ и во всемъ нѣмецкомъ образованномъ обществѣ. Система эта созидалась на основномъ принципѣ стараго рационализма ничего безъ достаточнаго основанія! Ничто въ мірѣ не совершается безъ достаточнаго основанія; законмѣрность есть форма всякой дѣйствительности, и ничто не приѣмлемо для насъ, если не опредѣляется достаточнымъ основаніемъ: логическое доказательство есть форма всякаго научнаго познанія.

Такимъ образомъ Галле, гдѣ впервые провозглашена была академическая свобода, вмѣстѣ съ тѣмъ стало твердыней рационализма, сначала философскаго, а со второй половины XVIII столѣтія также и бого-

словскаго. Здѣсь прусское государство заключило союзъ съ силами духовнаго прогресса и притомъ сдѣлало это вполне сознательно. прусскій университетъ въ Галле основанъ былъ нарочно затѣмъ, чтобы бороться съ сосѣдними саксонскими университетами, въ Виттенбергѣ и въ Лейпцигѣ, гдѣ безраздѣльно царилъ духъ лютеранскаго правовѣрія и строгаго консерватизма. И если бы мы этого не знали изъ другихъ источниковъ, то намъ довольно было бы послушать, что говорили про новый университетъ его враги: *Palam tendis? Aut pietista, aut atheista reversurus.*— Это была ходячая его характеристика: «Ты отправляешься въ Галле? Оттуда ты вернешься либо піетистомъ, либо атеистомъ».

Вотъ этотъ-то новый, въ корнѣ своемъ еретическій университетъ и сдѣлался въ XVIII столѣтіи руководящимъ университетомъ въ Германіи; по его типу постепенно пришлось преобразоваться и всѣмъ другимъ университетамъ. Существенное значеніе имѣло при этомъ то обстоятельство, что второе значительное сѣверо-германское государство, — связанный личной уніей съ Англіей Ганноверъ, — тоже нашло нужнымъ учредить у себя новый университетъ и за образецъ взяло при этомъ Галле. Такъ возникъ Геттингенскій университетъ (1737 г.) — отпрыскъ и въ то же время соперникъ университета въ Галле. Новыя теченія распространялись такъ быстро, что въ Геттингенѣ современныя науки и философія, либеральная теологія и принципъ свободы мышленія и преподаванія стали уже чѣмъ-то само собою подразумевающимся. Особенностью Геттингенскаго университета является усиленная поддержка и покровительство, оказываемыя свободному научному

изслѣдованію, ему служили здѣсь, прежде всего, поставленная по тому времени на очень широкую ногу бібліотека съ предупредительной администраціей, а также естественный и медицинскій институты. Съ особымъ блескомъ въ Геттингенѣ преподавались общественныя науки и въ частности науки юридическія и государственныя. Юридическій факультетъ тутъ и занялъ первое мѣсто въ Галле центръ тяжести лежалъ еще на теологіи. Во второй половинѣ XVIII вѣка Геттингенскій университетъ сталъ излюбленнымъ университетомъ нѣмецкаго дворянства здѣсь это высшее сословіе знакомилось съ основами юридическихъ и государственныхъ наукъ, а также усвоивало элементы свѣтски-элегантнаго образованія. Геттингенскіе профессора—люди, исполненные сознанія своего достоинства и важности своей миссіи, съ солиднымъ доходомъ и чинами, и нерѣдко также съ связями при иностранныхъ дворахъ—сыграли очень крупную роль въ процессѣ, путемъ котораго старый университетскій преподаватель XVII вѣка, этотъ ученый «педантъ», не знавшійся со свѣтомъ, превратился въ того лощенаго кавалера, причисляющаго себя къ сливкамъ общества и даже склоннаго нерѣдко тяготиться низменнымъ дѣломъ занятій со студентами, какимъ является нѣмецкій *Universitätsprofessor und Geheimrat* въ XIX вѣкѣ — Слѣдуетъ еще отмѣтить, что въ Геттингенѣ снова расцвѣтають «классическія науки», не пользовавшіяся большимъ успѣхомъ въ Галле. Ихъ представители— I. M. Гесснеръ и особенно Хр. Г. Гейне (1729—1812 г., въ Геттингенѣ съ 1763 г.),—придали имъ совершенно новое значеніе, выбросивъ за бортъ старо-гуманистическій подражательный методъ, ставившій глав-

пою задачей элоквенцію, и введя вмѣсто него новогуманистическія занятія, гдѣ древніе классики являлись матеріаломъ для эстетически-литературнаго и историческаго образованія. Лекціи Гейне посѣщались слушателями всѣхъ факультетовъ, придававшими значеніе эстетическому образованію. Важное значеніе имѣло еще основаніе *Seminarium philologicum*: учрежденіе это сдѣлалось подъ руководствомъ Гейне питомникомъ гимназическихъ преподавателей для всей сѣверной Германіи.

Въ концѣ XVIII ст. по образцу Галле и Гёттингена были преобразованы всѣ нѣмецкіе университеты и притомъ не только протестантскіе, но и католическіе—какъ вообще въ эпоху Просвѣщенія католическая половина Германіи увидѣла себя вынужденной примкнуть по всѣмъ отраслямъ къ ушедшему впередъ образованію протестантскихъ областей. Итоги этого преобразования университетскаго дѣла можно формулировать такъ:

1) Новая философія и наука овладѣли преподаваніемъ на всѣхъ факультетахъ; впереди шель въ указанномъ направленіи философскій факультетъ, который именно благодаря этому и превратился теперь изъ «низшаго» факультета въ руководящій.

2) Принципъ свободы изслѣдованія и преподаванія, проникшій въ университеты, получилъ, несмотря на реакціонныя вспышки, офиціальное признаніе со стороны правительствъ, какъ основной законъ университетскаго строя.

3) Значительныя перемѣны произошли въ методахъ академическаго преподаванія: мѣсто стараго «чтенія», т. е. толкованія текста предписанныхъ для изученія книгъ, заняли современные курсы лекцій,

т. е. систематическое изложение данной отрасли науки. Разумѣется, что такой методъ преподаванія предполагаетъ въ профессорѣ самостоятельнаго ученаго изслѣдователя. Далѣе, отходятъ въ вѣчность старинные диспуты; вмѣсто нихъ нарождаются научные семинаріи. Послѣдніе имѣютъ цѣлью не внѣдреніе извѣстнаго каноническаго запаса истинъ— такового теперь вообще больше не признается, особенно въ философіи, — а введеніе въ научную работу, въ конечномъ счетѣ приученіе къ самостоятельнымъ изслѣдованіямъ.

4) Въ университетскомъ преподаваніи взялъ верхъ родной языкъ, какъ это необходимо должно было произойти въ связи съ измѣненіемъ характера лекцій и усиленіемъ въ нихъ личнаго элемента. Только филологическіе курсы и семинаріи въ извѣстной мѣрѣ придерживаются еще латинскаго языка, а также, конечно, католическая теологія; латынь является, вѣдь, языкомъ международной церкви.

5) Занятія классическою древностью повсюду перестали ставить своею цѣлью литературное подражательное творчество; новолатинская литература отжила свой вѣкъ. Вмѣсто этого античный міръ изучается теперь съ точки зрѣнія новогуманизма, ради проникновенія въ духъ древности и ради гуманитарнаго образованія.

Ставши такимъ путемъ носителями духа современности, нѣмецкіе университеты вмѣстѣ съ тѣмъ заняли руководящее положеніе въ нашей общественной и умственной жизни, которое за ними и сохранилось до сихъ поръ. Въ то время, какъ французскій народъ при Революціи совершенно упразднилъ свои старые университеты; въ то время, какъ Англія

презрительно глядѣла на нихъ, какъ на отсталыя, старомодныя заведенія, годныя развѣ для кое-какой школьной выучки молодежи; въ то самое время нѣмецкій народъ съ надеждой устремлялъ свои взоры на свои университеты, ожидая отъ нихъ импульсовъ и директивъ не только въ области науки и міросозерцанія, но даже въ области общественной жизни.

Характерно еще отношеніе нѣмецкихъ университетовъ къ академіямъ и ученымъ обществамъ. Во Франціи и въ Англіи научныя изслѣдованія въ XVII вѣкѣ перешли отъ университетовъ къ возникшимъ въ это время новымъ придворнымъ академіямъ, и тамъ это почти что такъ же остается и понынѣ: тамъ университеты не являются главнѣйшими носителями національной научной жизни. Въ Германіи тоже заводились академіи, самая крупная изъ которыхъ возникла благодаря настойчивымъ усиліямъ Лейбница въ 1700 году въ Берлинѣ. Но здѣсь онѣ не получили того значенія, какъ на Западѣ. Не Берлинская академія, а университетъ въ Галле былъ главнымъ научнымъ учрежденіемъ въ Пруссіи, хотя первая всячески поощрялась такимъ правителемъ, какъ Фридрихъ Великій, который принималъ даже личное участіе въ ея трудахъ, между тѣмъ какъ послѣдній основанъ былъ на самыя скудныя средства и на ряду со всѣми прочими прусскими университетами мало видѣлъ къ себѣ благоволенія со стороны короля. Въ Геттингенѣ «Научное Общество», въ виду пребыванія двора въ Лондонѣ, съ самаго начала оказалось простымъ придаткомъ къ университету. И это стало затѣмъ типичной формой отношеній между академіями и университетами. Изъ

университетовъ и понынѣ академіи почерпають смыслъ своего существованія и свою силу, являясь какъ бы комиссіями, образованными изъ членовъ университета для разрѣшенія опредѣленныхъ задачъ въ научной сферѣ.

Ученыя школы. 1 отдѣлъ: 1648—1740. Среднія школы крѣпче и дольше университетовъ держались за старую систему. Онѣ всегда, по очень понятнымъ причинамъ, значительно отстаютъ отъ общаго культурнаго движенія. Однако въ отдѣльныхъ заведеніяхъ симптомы начинающагося преобразованія въ духѣ современности сказываются тоже очень рано. Я не могу и не желаю входить здѣсь въ частности и перечислять всѣ случаи, когда уже во второй половинѣ XVII вѣка мы находимъ въ нихъ новшества, вводимыя то какимъ нибудь княземъ, котораго затронули идеи Просвѣщенія и педагогическихъ реформъ, то какимъ-нибудь городскимъ управленіемъ, въ погонѣ за примѣнимымъ въ жизни, то какимъ-нибудь ректоромъ. Чаше всего это встрѣчается въ средне-нѣмецкихъ областяхъ, въ мелкихъ Тюрингенскихъ княжествахъ. Широкое вліяніе вокругъ себя оказали затѣмъ заведенія, основанныя Франке въ Галле. Франке получилъ самъ среднее образованіе въ Готѣ, гдѣ герцогъ Эрнстъ Благочестивый, одинъ изъ самыхъ вѣрныхъ приверженцевъ дидактика Ратихія, открылъ «новому методу» доступъ въ школы своего княжества.

«Педагогій» Франке въ Галле, воспитательное заведеніе для дѣтей изъ хорошихъ семействъ, съ 1702 года превращенный въ Paedagogium regium, представляетъ собой типичную среднюю школу переходнаго періода. Старая программа преподаванія остается

еще въ полной силѣ, но въ нее вводятся новые элементы. На первомъ мѣстѣ попрежнему стоитъ латинскій языкъ; прежнею остается и задача его преподаванія — умѣнье пользоваться имъ устно и письменно. Но въ методахъ обученія ему мы замѣчаемъ уже перемѣны. Читать и писать дѣти учатся сначала по-нѣмецки; также и общія основы грамматики, ученіе о частяхъ рѣчи и объ измѣненіяхъ словъ, проходитъ сначала на родномъ языкѣ, при чемъ въ преподаваніе вносится возможная наглядность, которой добивается во всемъ эта педагогическая школа Латинскія грамматики (Целларія, а позже I. Ланге) писаны по-нѣмецки. При чтеніи текстовъ прежде всего обращается вниманіе на содержаніе. Учитель переводитъ отрывокъ слово въ слово, ученики повторяютъ переводъ и потомъ переходятъ къ анализу формъ и конструкціи. Все это ясно указываетъ на влияніе Ратихія, требованія котораго, съ разумными видоизмѣненіями, тутъ были проведены. Въ старшихъ классахъ пишутся письма, составляются и произносятся рѣчи, ведутся диспуты на латинскомъ языкѣ, а также читаются и обсуждаются «латинскія газеты». Латинскій языкъ попрежнему остается языкомъ преподаванія и школьнаго обихода. На урокахъ греческаго языка читается Новый завѣтъ, на урокахъ еврейскаго—Ветхій. Въ остальномъ преподаваніе этихъ языковъ ведется такъ же, какъ преподаваніе латыни только воспитанники не доходятъ здѣсь до «олоквенціи»

Но къ древнимъ языкамъ теперь присоединяются и новые—французскій и нѣмецкій. Задачей преподаванія нѣмецкаго языка ставится искусство писать «тонкимъ нѣмецкимъ стилемъ». Согласно этому въ

программу вводятся краткій теоретическій курсъ риторики и практическія упражненія въ ней. Воспитанниковъ учатъ находить мысли и располагать ихъ (*inventio* и *dispositio*), а также излагать ихъ устно со всѣми приѣмами, способными возвышать дѣйствіе слова. Нѣмецкая литература не упоминается въ программахъ. И на французскихъ урокахъ дѣло идетъ не о знакомствѣ съ литературой, а объ усвоеніи языка. И тутъ книгой для чтенія служитъ Новый завѣтъ въ виду того, что содержаніе его ученикамъ извѣстно; и тутъ ведутся непрерывныя упражненія въ разговорѣ. При этомъ все подчиняется общему правилу: не больше трехъ предметовъ сразу, и къ новому предмету переходить только тогда, когда предшествующій основательно усвоенъ. Изъ языковъ поэтому одновременно проходились только два — къ латинскому присоединялся или греческій, или еврейскій, или французскій — «дабы никто не былъ чрезмѣрно обремененъ работой и не сбивался съ толку отъ множества предметовъ, и чтобы немногое трактовалось съ тѣмъ большей основательностью и заканчивалось въ болѣе краткій срокъ».

Кромѣ языковъ, тутъ проходились и науки—математика и естествознаніе, исторія и географія—при чемъ въ основу полагался наглядный методъ и обращалось усиленное вниманіе на прикладную сторону. Такъ, съ курсомъ геометріи какъ можно скорѣе соединяется «*praxis* въ полѣ» по землемѣрному искусству; при прохожденіи ариѳметики, на примѣръ, демонстрируются *in vivo* дроби; и точно такъ же лѣтомъ ботаника проходится въ лугахъ или въ *Herbarius medicus*, а зимой анатомія по гравюрамъ, «равно какъ съ неоднократными демонстраціями на собакѣ».

Воспитанники посѣщаютъ также мастерскія, чтобы наглядно представлять себѣ, какъ возникаютъ произведенія человѣческаго искусства; попутно же имъ сообщаются при случаѣ латинскія названія того, что они тутъ видятъ. Воспитанники, наконецъ, и сами пробуютъ упражняться въ плотничьемъ и въ токарномъ мастерствѣ, въ шлифовкѣ стеколь и т. п. Изъ исторіи проходится прежде всего библейская и церковная исторія, затѣмъ исторія императоровъ и новыхъ европейскихъ государствъ. При этомъ для закрѣпленія событій въ памяти ученикамъ показываются картины и тщательно изучаются съ ними карты. Вся географія вообще проходится какъ вспомогательная дисциплина для исторіи и государствовѣдѣнія. Въ качествѣ руководства по ней употреблялись учебники Иоганна Гюбнера, составленные въ формѣ катихизиса, въ вопросахъ и отвѣтахъ.

Черезъ весь школьный курсъ проходитъ, какъ главнѣйшій предметъ, Законъ Божій, въ преподаваніи котораго тоже выдвигается практическая сторона. Живое познаніе Бога, собственной жалкой грѣховности и во Христѣ ниспосланной благодати—такова цѣль всего воспитанія, дававшаяся въ Галле. Въ старшихъ классахъ для завершения образованія ученики слушали курсъ богословія съ разборомъ главныхъ догматическихъ вопросовъ (по Брейтгаупту). Этой стороною дѣла и были обусловлены больше всего успѣхи новой педагогики Франке въ нѣмецкомъ школьномъ мірѣ: слѣды піэтистическаго преподаванія религіи ясны во множествѣ школьныхъ уставовъ. Но черезъ нѣсколько времени обнаружилась и реакція: то поколѣніе, которое продѣлывало

въ школъ опыты внутренняго возрожденія и упражнялось въ молитвенныхъ изліяніяхъ души, оказалось особенно способнымъ увлекаться рѣзкими выходками Вольтера. Вѣкъ піэтизма смѣнился вѣкомъ Просвѣщенія.

Надо отмѣтить еще одно нововведеніе Франке: старая классная система была въ Галле замѣнена дѣленіемъ учениковъ на группы, смотря по ихъ успѣхамъ въ томъ или иномъ предметѣ.

Такъ Paedagogium въ Галле пытался соединить со старымъ классицизмомъ элементы новыхъ языковъ и наукъ. Мы можемъ полагать, что это заведеніе представляетъ собою типичный образецъ того, къ чему стремились вообще большія школы въ первой половинѣ XVIII вѣка. Особенно французскій языкъ и математика приняты были ими въ свою программу повсемѣстно — по общему правилу, однако еще не въ качествѣ основныхъ и обязательныхъ предметовъ, а въ видѣ необязательныхъ уроковъ за особую плату. Что же касается массы мелкихъ латинскихъ школъ, то ихъ подобныя стремленія почти что не коснулись: здѣсь попрежнему началомъ и концомъ премудрости остается латинская грамматика и латинское сочиненіе.

2 отдѣлъ: 1740 — 1800. Съ вступленіемъ на престоль Фридриха Великаго открывается новая эпоха — эпоха Просвѣщенія; это періодъ быстраго подъема нѣмецкаго народа на пути къ духовной свободѣ и самостоятельности; во всѣхъ областяхъ жизни онъ создаетъ себѣ новое духовное содержаніе. Въ философіи и въ общемъ міросозерцаніи Вольфовская система неудержимо прокладываетъ себѣ дорогу и проникаетъ всѣ науки, съ теологіей и науками о госу-

дарствѣ во главѣ. Съ шестого же десятилѣтія XVIII вѣка чрезъ оболочку Вольфовской школьной философіи начинаютъ прѣступать въ жизнь и болѣе глубокія Лейбницевы идеи. Нѣмецкая литература свергаетъ съ себя иго рабскаго подражанія французскому классицизму; Клопштокъ и Лессингъ сообщаютъ ей размахъ и силу; Винкельманъ вдохновенно истолковываетъ красоту греческаго искусства; Гердеръ и Гёте развиваютъ пониманіе непосредственнаго и народнаго, ирраціональнаго и геніальнаго въ литературѣ. Новогуманизмъ и увлеченіе Греціей получаютъ значеніе новой духовной силы. Новые педагогическіе идеи и идеалы находятъ себѣ страстныхъ поборниковъ. Все это не проходило безслѣднымъ и для школы. Положимъ, коренное ея переустройство подѣ влияніемъ такихъ силъ произошло лишь въ XIX вѣкѣ, но во второй половинѣ XVIII вѣка она во многихъ отношеніяхъ уже испытываетъ на себѣ ихъ дѣйствіе.

Изъ Гёттингена, изъ филологическаго семинарія Геснера и Гейне, въ нее влита была прежде всего новая струя: греческій языкъ сталъ снова выигрывать въ значеніи даже въ средней школѣ. Эпоха утилитаризма, реализма и піэтизма ставила его очень невысоко: не будь онъ важенъ для протестантскихъ богослововъ, она бы и совсѣмъ выбросила этотъ предметъ за бортъ. Съ зарожденіемъ новаго гуманизма на вещи начинаютъ смотрѣть иными глазами. Въ союзѣ съ расцвѣтающей поэзіей и съ новой педагогикой, идущей отъ Руссо, гуманизмъ производитъ переоцѣнку цѣнностей. Есть нѣчто высшее, нежели общепользность: свободное духовное образованіе и гуманность обладаютъ цѣнностью абсолютной. Для

достиженія же ихъ знаніе греческаго языка и основательное знакомство съ греческой литературой являются незамѣнимымъ средствомъ. Согласно этому, школа, задающаяся цѣлью поднять человѣческую личность на полную высоту образованія, никоимъ образомъ не можетъ обходиться безъ греческаго языка. Брауншвейгско-люнебургскій школьный уставъ 1737 года, одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ и обстоятельныхъ нѣмецкихъ школьныхъ уставовъ вообще, первый усиленно подчеркиваетъ снова значеніе греческаго языка. «Тотъ, кто намѣренъ остаться при занятіяхъ науками, не долженъ уклоняться отъ греческихъ уроковъ, такъ какъ онъ этимъ причинитъ себѣ непоправимый вредъ»; «кто вообще имѣетъ охоту къ наукѣ, не можетъ лучше обезпечить себѣ на будущее время большое удовольствіе, какъ постаравшись достигъ извѣстнаго совершенства въ этомъ языкѣ». «Отсюда почерпнули древніе римляне бѣольшую часть своей мудрости и учености, но въ дошедшія до насъ ихъ произведенія вошла лишь незначительная доля этихъ сокровищъ». «Кто читаетъ древнихъ авторовъ и на ряду съ этимъ изучаетъ основы математики, тотъ изоощряетъ въ себѣ способность отличать истину отъ лжи, и прекрасное отъ безобразнаго; тотъ обогащаетъ свою память всякаго рода тонкими мыслями, тотъ приобрѣтаетъ умѣнье схватывать чужія идеи и излагать изящно свои собственныя, тотъ извлекаетъ себѣ на пользу множество принциповъ, облагораживающихъ умъ и волю; тотъ изучаетъ, наконецъ, попутно бѣольшую часть вещей, которыя можетъ ему дать хорошій систематическій учебникъ философіи». Таковы въ общихъ чертахъ тѣ идеи, которыя потомъ стали высказываться все съ большею и большею

настоящивостью. Онѣ и возвратили греческихъ авторовъ въ среднюю школу. Въ силу такихъ соображеній тамъ начали снова читать на ряду съ Геснеровой хрестоматіей Гомера и Гезіода, Эврипида и Софокла, къ которымъ Саксонскій школьный уставъ 1773 г., составленный Эрнести¹⁾, прибавляетъ для княжескихъ школъ Платона и Демосеена. Раньше для изученія греческаго языка, кромѣ Новаго завѣта, читались одни гномики неизвѣстнаго происхожденія: теперь они вытѣсняются классиками.

Вмѣстѣ съ этимъ мѣняется и способъ преподаванія древнихъ языковъ. Эрнести рекомендуетъ, кромѣ построчнаго разбора авторовъ, читать ихъ въ школѣ и бѣгло: одно должно служить знакомству съ языкомъ, другое—съ содержаніемъ литературныхъ произведеній. Въ помянутомъ нами Саксонскомъ уставѣ, вышедшемъ изъ-подъ его пера, вводится даже особый урокъ по исторіи древней литературы. Тутъ мы встрѣчаемъ и еще одно нововведеніе: и на урокахъ роднаго языка, кромѣ заботъ о стилѣ, предписывается знакомство съ литературой. Съ учениками рекомендуется прилежно читать лучшія творенія національныхъ писателей, обращая вниманіе на благородство или неблагородство выраженія, на выборъ словъ и оборотовъ. Для философіи рекомендуются *Initia* Эрнести²⁾.

1) Иоганнъ-Августъ Эрнести (1707 — 1781), стоявшій почти 30 лѣтъ во главѣ извѣстной Thomasschule въ Лейпцигѣ, является однимъ изъ вліятельнѣйшихъ педагогическихъ дѣятелей въ Германіи XVIII в. *Ред.*

2) Эти *Initia doctrinae solidioris* представляютъ собой учебникъ, обнимавшій элементы математики, психологіи, онтологіи, естественной теологіи, логики, философіи права, этики, политики и, наконецъ, физики со включеніемъ астрономіи и физиологіи. *Ред.*

Въ Пруссіи эти же тенденціи даютъ себя чувствовать въ реформахъ, инициаторомъ которыхъ былъ фонъ-Цедлицъ, министръ народнаго просвѣщенія при Фридрихѣ Великомъ. Согласно идеямъ самого короля реформы эти задавались ближайшей цѣлью—вести чтеніе римскихъ и греческихъ авторовъ по содержанію и по смыслу, обратить такимъ образомъ занятія древними языками въ знакомство съ самыми выдающимися и образованными представителями античной культуры и этимъ способствовать философскому, діалектическому и эстетико-литературному развитію. Цедлицъ принадлежалъ, впрочемъ, главнымъ образомъ, къ иному направленію. Онъ увлекался преобразовательными проектами Базедова и обязалъ прусскіе университеты ввести у себя лекціи по педагогикѣ: первая кафедра по педагогикѣ была учреждена имъ въ Галле для базедовіанца Траппа. Среди ректоровъ, которые помогали Цедлицу проводить въ школѣ новыя идеи, самую крупной личностью является Фр. Гедике въ Берлинѣ.—Замѣчу еще, что Цедлицъ же создалъ особый органъ для завѣдыванія всѣмъ дѣломъ воспитанія и образованія въ Прусскомъ государствѣ: то была Верховная школьная коллегія (Oberschulkollegium), подчиненная непосредственно самому королю. Это былъ крупный шагъ на пути къ отдѣленію школьнаго дѣла отъ церкви. Важнымъ мѣропріятіемъ новаго вѣдомства было введеніе выпускныхъ экзаменовъ (1788 г.); такъ началось болѣе рѣзкое разграниченіе средняго и университетскаго преподаванія, проведенное съ полною строгостью въ XIX вѣкѣ.

Реальные училища. Надо упомянуть здѣсь въ двухъ словахъ еще про одну заслугу эпохи Просвѣщенія: она ясно сознала необходимость создать на ряду съ латинской, ученой школой отдѣльный типъ училищъ для дѣтей, имѣющихъ въ виду практическую дѣятельность (Bürgerschule). Вопросъ подробно былъ ею обсужденъ и разработанъ въ обширной литературѣ, и тогда же сдѣланы были первые шаги къ практическому осуществленію этой идеи въ жизни. И здѣсь, прослѣживая, какъ это дѣло зародилось, мы переходимъ къ Галле. Уже въ началѣ XVIII вѣка архидіаконъ Землеръ попробовалъ учредить въ Галле нѣчто въ родѣ реального училища или, скорѣе, курсовъ для пополненія образованія по математикѣ, механикѣ, естествознанію и ремесламъ. Эта попытка не имѣла, правда, прочнаго успѣха. Зато одному изъ питомцевъ Галле, I. I. Геккеру, пастору при церкви Св. Троицы въ Берлинѣ, удалось создать дѣйствительно жизненный типъ подобной школы. Основанное имъ «Экономически - математическое реальное училище» стало очень быстро и здорово развиваться и уцѣлѣло, въ измѣненной формѣ, до нашихъ дней на старомъ своемъ мѣстѣ въ Kochstrasse. Въ программу, опубликованную въ 1747 г., приняты были, кромѣ Закона Божія, нѣмецкій, французскій и латинскій языки, далѣе же исторія, географія, геометрія, механика, архитектура и рисованіе. Къ этому прибавлялись еще курсы различныхъ ремеслъ. Заведеніе это скоро достигло процвѣтанія, и съ него стали брать примѣръ многіе другіе города. Тутъ было существенно и то, что новое предпріятіе, какъ это было и съ предпріятіями Франке въ Галле, скоро стало функционировать еще, какъ учительская семинарія, распространяя такимъ

путемъ свое вліяніе далеко за предѣлы тѣснаго круга собственныхъ учениковъ.

Здѣсь передъ нами опять примѣръ того, какъ ходъ развитія культуры и общества опредѣляетъ собою строй образовательныхъ учреждений. Съ постепеннымъ ростомъ городовъ и торгово - промышленнаго сословія, родилась потребность въ новой школьной формѣ, въ училищахъ съ программю шире народной школы, но отличающихся отъ латинской, ученой школы перенесеніемъ центра тяжести на дѣйствительность и современность.

Въ этой связи надо еще упомянуть о филантропинизмѣ и о его вождѣ І. Б. Базедовѣ (1724—1780). Основною чертою филантропинизма является стремленіе создать на ряду съ дряхлой старо-классической системой латинскихъ школъ — или, вѣрнѣе, создать для низверженія ея—типъ живого, естественнаго, современнаго образованія въ реалистическомъ, считающемся съ нуждами буржуазіи духѣ. Базедовъ былъ профессоромъ рыцарской академіи въ Сорѣ (въ Даніи, на островѣ Зеландіи). Основанный имъ въ Дессау съ поддержкой герцога Леопольда Филантропинъ (1774 г.) является такой же рыцарской академіей, только перекомпанованной на буржуазный ладъ и видоизмѣненной въ духѣ идей Руссо. Внѣшній укладъ жизни въ этой школѣ дышитъ «естественностью»: придворная манерность ей чужда. Главнымъ рычагомъ въ дѣлѣ воспитанія является воздѣйствіе на чувство чести: чтобы не надо было палки, заводится выдача знаковъ отличія за примѣрное поведение. Преподаваніе носитъ современный, общепользныи и энциклопедическій характеръ, какъ это видно по *Elementarwerk*

(1774 г.): этотъ педагогическій трудъ Базедова представляетъ собою извлеченіе изъ всѣхъ наукъ для надобностей школы. Филантропинизмъ стремится при этомъ учить всему какъ бы шутя. Уроки должны быть пріятнымъ развлеченіемъ. Это особенно ясно выступаетъ въ преподаваніи языковъ. Французскій и латинскій языкъ проходятся путемъ живого употребленія—сначала прямо какъ игра—усовершенствуются же въ нихъ воспитанники во время занятій науками, которыя преподаются имъ на этихъ языкахъ. Какъ видимъ, точь въ точь то самое, чего требовали педагогическіе реформаторы XVII вѣка. Великія надежды, которыя возлагались на предпріятіе въ Дессау даже столь проницательными людьми, какъ Цедлицъ и Кантъ, не сбылись, по крайней мѣрѣ, непосредственно. Филантропинъ хирѣлъ, хирѣлъ и наконецъ, совсѣмъ закрылся. Виною этому была прежде всего, конечно, собственная непригодность Базедова для затѣяннаго имъ дѣла: онъ былъ великій агитаторъ, смыслившій кое-что и въ рекламѣ, но ничего не смыслившій въ искусствѣ управленія и поддержанія порядка. Но свое дѣйствіе оказало при этомъ и то обстоятельство, что Базедовъ затѣялъ Филантропинъ въ то время, когда на сцену уже выступали новогуманисты. Литературные же поборники новогуманизма не могли слышать о филантропинизмѣ и сумѣли заставить общество свысока отнестись ко всему этому движенію, хотя въ его рядахъ стояли и очень серьезные личности, какъ даровитый Кампе и честный труженикъ Зальцманъ. Раумерова Исторія педагогики дышитъ еще гуманистическою ненавистью и презрѣніемъ ко всему, что зовется филантропинизмомъ, реализмомъ и общепе-

лезностью. Но сѣмена филантропинизма не совсѣмъ заглохли: кое-гдѣ они взошли и принесли свой плодъ. Тутъ прежде всего не надо забывать такого обстоятельства: въ Филантропинѣ и въ другихъ основанныхъ по этому образцу заведеніяхъ, какъ Шнепфентальская школа близъ Готы, забота о физическомъ развитіи учащихся впервые поставлена была на подобающее ей мѣсто. Да и стремленіе этихъ новаторовъ обратить школу въ мѣсто веселья для дѣтей не прошло тоже совсѣмъ безслѣдно. Какъ мы ни жалуемся на современные намъ школы, на строгости и гнетъ учителей—такова, видно, уже вѣчная ихъ участь—но по сравненію со школами XVIII вѣка, гдѣ правила еще вездѣсущая палка, онѣ оказываются очень «филантропическими» учрежденіями.

Народная школа. Главною новостью въ этотъ періодъ является переходъ народной школы отъ церкви къ государству и принудительное проведеніе всеобщаго обученія, какъ гражданской обязанности. Въ XVI столѣтіи народная школа была еще не больше, какъ пристройкой къ церкви. Въ концѣ XVIII столѣтія она во всѣхъ нѣмецкихъ странахъ перешла изъ разряда *ecclesiasticum* въ разрядъ *politicum*. Государство взяло въ свои руки управленіе школьнымъ дѣломъ, пользуясь, впрочемъ, въ самой широкой мѣрѣ все тѣмъ же духовенствомъ, какъ исполнителемъ своихъ предначертаній. Въ XVI столѣтіи посѣщеніе школы было церковною обязанностью; за исполненіемъ ея слѣдили церковныя ревизіи; небрежность въ этомъ дѣлѣ влекла за собой болѣе или менѣе дѣйствительныя церковныя увѣщанія и внушенія. Въ концѣ XVIII вѣка это стало признанною гражданской обязанностью: для общинъ обязатель-

ность начальнаго обученія означала принудительное обложеніе на нужды школы; для семействъ—принудительную отдачу дѣтей въ школу подѣ страхомъ кары за попытку уклониться.

Въ первый разъ, насколько мнѣ извѣстно, принципъ принудительнаго посѣщенія дѣтьми школы былъ проведенъ въ Веймарскомъ школьномъ уставѣ 1619 года. Пасторамъ и учителямъ вмѣняется тутъ въ обязанность вести списокъ всеѣмъ мальчикамъ и дѣвочкамъ отъ 6 до 12 лѣтъ, «дабы можно было поговорить съ родителями, которые не желаютъ посылать дѣтей въ школу, и въ случаѣ нужды принудить ихъ рукою свѣтской власти къ исполненію этой ихъ непреложной обязанности». При этомъ уставъ требуетъ, чтобы ученики посѣщали школу круглый годъ, зиму и лѣто, «такъ, чтобы они не пропускали ни дня ни часа, кромѣ какъ во время уборки хлѣбовъ, когда имъ дается 4 недѣли, да еще можно давать имъ погулять нѣсколько дней на храмовые праздники». Знаменитый *Schulmethodus*, изданный для Готы Эрнстомъ Благочестивымъ (1642 г.), принимаетъ этотъ принципъ съ прибавкой указанія, что все дѣти старше пяти лѣтъ должны ходить въ школу до тѣхъ поръ, «пока они не выучатъ всего того, что имъ необходимо знать, и не будутъ признаны школьнымъ начальствомъ годными къ выпуску». За каждый пропущенный урокъ съ родителей взимается пеня: за первый разъ 1 грошъ, за слѣдующіе—все больше, до 6 грошей. У насъ есть основанія полагать, что эти требованія герцога Эрнста, въ противность, можетъ-быть, всеѣмъ прежнимъ указамъ такого рода, прошли и въ жизнь безъ слишкомъ крупной скидки. Онъ самъ

съ неусыпнымъ рвеніемъ слѣдилъ за школьнымъ дѣломъ своей маленькой страны, принявъ за лозунгъ: *Princeps otiosus Deo exosus* 1).

Въ теченіе слѣдующаго столѣтія всѣ протестантскія страны Германіи вышли на этотъ же путь, издавъ соответственные указы, которые можно найти у Формбаума въ его «Собраніи протестантскихъ школьныхъ уставовъ». Вообще маленькія страны шли при этомъ впереди, большія же нѣсколько отставали. Я приведу здѣсь лишь кое-какія данныя о ходѣ этого дѣла въ Бранденбургско прусскомъ государствѣ. Собственно говоря, серьезныя мѣры для развитія народной школы приняты были тутъ лишь при Фридрихѣ-Вильгельмѣ I. Великій курфюрстъ радъ бы былъ ею заняться, но ему служило немалою помѣхой, между прочимъ, то обстоятельство, что онъ былъ реформатскаго вѣроисповѣданія (съ 1613 года, какъ извѣстно, династія Гогенцоллерновъ стала реформатскою), въ странѣ же его преобладали лютеране. Слѣдующій правитель—первый, принявшій титулъ короля — мечталъ о блескѣ и не интересовался образованіемъ народной массы. Фридрихъ-Вильгельмъ I взялся за дѣло съ другого конца. душа его лежала больше къ простому народу, а не къ учености и тонкому образованію. Этотъ цѣнитель и покровитель Франке прежде всего стремился сдѣлать всеобщимъ достояніемъ начатки христіанства. Но съ этимъ на ряду онъ понималъ отлично и цѣнность элементарнаго школьнаго образованія какъ для экономической жизни народа, такъ и для солдатской службы. Онъ первый и ввелъ указами

1) Лѣнивый правитель ненавидитъ Богу.

1716—1717 гг. всеобщее обязательное образованіе, заботясь по мѣрѣ силъ и о матеріальномъ обезпеченіи школъ, особенно въ деревнѣ. Это развитіе находитъ до извѣстной степени свое завершеніе въ (General-Land-Schul-Reglement, изданномъ при Фридрихѣ Великомъ въ 1763 году. Согласно этому регламенту, дѣти должны обязательно посѣщать школу не позже, какъ съ пятилѣтняго возраста, и до 13 или 14 лѣтъ, «пока они не только не усвоятъ необходимаго изъ христіанской вѣры, а также умѣнія читать и писать, но и не будутъ давать твердыхъ отвѣтовъ по тому, что имъ полагается выучить изъ одобренныхъ учебниковъ». Неявка въ школу влечетъ за собой денежную пеню въ пользу школьной кассы. Уроки, какъ и въ другихъ странахъ, предписано давать ежедневно съ 8—11 утромъ и съ 1—4 пополудни, кромѣ среды и субботы. Школьное зданіе и помѣщеніе для учителя даются общиной. Учитель существуетъ на получаемую отъ учениковъ плату; въ Регламентѣ она устанавливается въ такихъ размѣрахъ: съ тѣхъ, кто сидитъ за букваремъ,—6 пф. въ недѣлю; съ тѣхъ, кто читаетъ,—9 пф.; съ тѣхъ, кто читаетъ и пишетъ,—12 пф.; но лѣтомъ плата понижается на треть. За бѣдныхъ платится изъ сбора въ церковную кружку или изъ деревенской кассы. Инспекція лежитъ на пасторѣ и на суперинтендентѣ. Этотъ послѣдній обязанъ бывать въ школѣ разъ въ годъ, а пасторъ — два раза въ недѣлю. Сверхъ же того, пасторъ долженъ вести съ учителями педагогическія собесѣдованія и занятія.

Предметы всеобщаго обученія на первыхъ порахъ оставались тѣ же, что и въ XVI столѣтіи: чтеніе,

письмо, Законъ Божій и пѣніе. Мало-по-малу къ нимъ начинаютъ присоединяться счетъ и разныя положительныя свѣдѣнія изъ области природы и исторіи. Зато латинскій языкъ, который въ Веймарскомъ уставѣ 1619 года еще поминается въ числѣ предметовъ, преподающихся въ деревенской школѣ, постепенно оттуда исчезаетъ: Готскій уставъ герцога Эрнста о немъ уже не говоритъ. Взамѣнъ того въ позднѣйшихъ изданіяхъ этого устава для старшаго отдѣленія, покончившаго со всѣми другими уроками, вводятся *Realia*: кромѣ счета, кое-какія элементы метрологіи и естественной исторіи, а также отечественновѣдѣніе съ духовной и свѣтской стороны, при чемъ преподаваніе должно строго слѣдовать правилу: исходить отъ ближайшаго и нагляднаго. Въ прусскомъ Регламентѣ 1763 года главное содержаніе занятій все еще сводится къ чтенію, письму, Закону Божию, пѣнію и начаткамъ счета; кромѣ этого, поминается еще только одна Берлинская хрестоматія, долженствовавшая сообщить основныя понятія о Богѣ, о мірозданіи и о челоувѣкѣ, да еще учебничекъ для наставленія деревенскихъ дѣтей въ различныхъ необходимыхъ и полезныхъ вещахъ. Нѣсколько дальше идетъ Саксонскій школьный уставъ 1773 г.: кромѣ ариѳметики, въ которой наиболѣе способные ученики доходятъ до тройнаго правила, старшему отдѣленію полагается сообщать «въ пріятной, разговорной формѣ самыя простыя, необходимыя и полезныя свѣдѣнія изъ географіи, изъ церковной и свѣтской исторіи, особенно изъ отечественной, изъ Аугсбургскаго исповѣданія, кое что о сельскомъ и городскомъ хозяйствѣ, о ремеслахъ и профессіяхъ, о церковныхъ и свѣтскихъ должно-

стяхъ, объ основныхъ церковныхъ и государственныхъ законахъ и, наконецъ, объ употребленіи календаря, газетъ и другихъ вещей, полезныхъ въ жизненномъ обиходѣ». Какъ ни скромны поставленныя здѣсь задачи, но мы имѣемъ вѣскія основанія полагать, что во многихъ и многихъ случаяхъ школа въ дѣйствительности давала еще гораздо меньше. Уже само проведеніе всеобщаго обязательнаго обученія наталкивалось повсюду на упорное сопротивленіе: тутъ приходилось бороться съ бѣдностью, съ безпечностью, съ косностью, съ упрямствомъ родителей, а также съ своекорыстіемъ помѣщиковъ. Нерѣдко мы встрѣчаемъ послабленія: дѣтмъ дневныя занятія сокращаются на половину, да и въ такомъ видѣ школа дѣйствуетъ лишь три раза въ недѣлю. Денежной пени за уклоненіе часто никакъ нельзя было взыскать. Къ концу этой эпохи, однако, едва ли многимъ дѣтямъ приходилось оставаться совсѣмъ безъ всякаго знакомства съ школой. Но школа страдала, сверхъ того, отъ внутренняго неустройства—отъ переполненія, въ особенности же отъ совершенно недостаточной подготовки преподавательскаго персонала. Учителей съ особою профессиональною подготовкой тогда еще не было совсѣмъ. Учительскія семинаріи только чуть-чуть показываются на горизонтѣ; въ этомъ направленіи начинаютъ скромно работать сиротскіе пріюты, учрежденные по образцу пріюта Франке въ Галле по разнымъ прусскимъ городамъ (въ Кенигсбергѣ, въ Цюллихау, въ Штетинѣ и др.), а также Геккерово реальное училище. Иные изъ пасторовъ тоже со рвеніемъ и любовью занимались обученіемъ преподавателей сельскихъ школъ: Регламентъ 1763 года вмѣняетъ имъ это даже въ

прямую обязанность. Но съ главной массой сельскихъ учителей дѣло обстояло, какъ въ старину: они сами знали лишь то, чему когда-то ихъ выучили въ такой же деревенской школѣ. Въ большихъ селахъ учителемъ обычно являлся пономарь; въ мелкихъ же деревняхъ въ школѣ занимались ремесленники, особенно «сидячіе», ради пары грошей, которые имъ перепали за обученіе ребятъ добавокъ къ скуднымъ ихъ доходамъ. Одинъ прусскій указъ отъ 1738 года прямо предоставлялъ сельскимъ учителямъ монополію на занятіе портняжнымъ ремесломъ въ деревнѣ ради улучшенія ихъ матеріальнаго быта. Само собою разумѣется, что эти педагоги обладали не слишкомъ глубокими познаніями. Они умѣли читать, писать и, въ лучшемъ случаѣ, еще считать. Учить же они совершенно не умѣли. Можно себѣ представить, какъ шло въ такихъ рукахъ преподаваніе. Даже въ школахъ лучше, много учениковъ, особенно при неаккуратномъ посѣщеніи уроковъ, не приобрѣтало ничего, кромѣ умѣнья кое-какъ читать и зубрить наизусть. Я въ дѣтствѣ засталъ еще такіе порядки въ той одноклассной деревенской школѣ, гдѣ я началъ свое образованіе¹⁾. Иные изъ учениковъ, посѣщавшіе школу только по зимамъ, долгіе годы съ великой мукой одолѣвали азбуку, склады и чтеніе словъ, доходя при этомъ лишь до очень относительнаго успѣха; писанье было жалкимъ срисовываніемъ буквъ; и въ окончательномъ итогѣ, цѣною тяжкаго труда, приобрѣталось только умѣнье трещать бессмысленно отвѣты изъ многократно повторявшагося катихизиса, да механическое знаніе наизусть кое-

¹⁾ Паульсенъ - сынъ крестьянина.

какихъ отрывковъ изъ Св. писанія и церковныхъ гимновъ.

Можно поднять вопросъ: стоило ли вводить всеобщее обязательное обученіе, если школа была не въ силахъ давать что-нибудь получше? Не правильнѣе было бы предоставить дѣло доброй волѣ заинтересованныхъ въ немъ лицъ, если къ такому жалкому итогу сводилось все, чего можно было достигнутъ принудительнымъ путемъ? И намъ понятно то страстное негодованіе, съ которымъ Песталоцци говоритъ объ этомъ обязательномъ образованіи. Онъ объявляетъ это душегубствомъ; живыя силы тѣла, чувствъ и разума калѣчатся отъ многолѣтняго сидѣнья въ школѣ на цѣпи, отъ тупого созерцанія мертвыхъ буквъ и отъ бессмысленнаго задалбливанія непонятныхъ формулъ. И все же это былъ шагъ впередъ, по мрачному пути, но вель онъ къ свѣту. Именно обязательность народнаго образованія и стала вызывать у всѣхъ людей съ болѣе чуткой совѣстью сознаніе, что общество обязано устроить для народа иную школу. И государство, принуждая дѣтей посѣщать уроки, приняло на себя новый долгъ, который оно должно было исполнить—долгъ дать школѣ учителей, которые путемъ профессиональной подготовки могли бы вырабатываться въ дѣйствительныхъ народныхъ наставниковъ. Положимъ, правители германскіе сначала не очень ощущали на себѣ бремя такого долга. Извѣстно, какъ Фридрихъ Великій приказалъ отдавать учительскія мѣста предпочтительно отставнымъ солдатамъ, чтобы у нихъ былъ на старости кусокъ хлѣба; такъ сокращались для него расходы и на солдатъ, и на народное образованіе. И если подобнымъ образомъ относился къ

школъ такой король, если и для него казалось съ соціально-политической стороны опаснымъ сколько-нибудь повѣсить уровень предметовъ, проходившихся въ сельскихъ школахъ, «а то крестьяне убѣгаютъ въ города и ищутъ мѣстъ секретарей или чего-нибудь другого въ этомъ родѣ»,—то что же можно было спрашивать съ господъ юнкеровъ, и какъ на нихъ пенять за то, что въ качествѣ попечителей сельскихъ школъ они не очень-то охотно расходовались на эти заведенія даже въ тѣхъ скромныхъ предѣлахъ, какіе были указаны закономъ.

Но здѣсь было бы непростительно не помянуть про человѣка, дѣятельность котораго представляетъ самую свѣтлую страницу въ прусской школьной исторіи; я говорю про бранденбургскаго помѣщика Фридриха Эбергарда фонъ - Рохова, изъ Рекане, близъ Бранденбурга. Считаая, что поднятіе духовнаго уровня живущихъ подъ ихъ опекою крестьянъ должно являться первою заботою и первымъ долгомъ землевладѣльцевъ, Роховъ горячо принялся за работу надъ сельскими школами въ своихъ имѣніяхъ. Онъ ихъ поставилъ въ приличныя матеріальныя условія, не жалѣлъ денегъ на учителей и самъ писалъ учебники для школьниковъ и хрестоматіи для крестьянъ. Среди дворянъ многіе стали сильно коситься на Рохова за такія не подобающія его званію затѣи. Но выдающіяся личности, какъ Цедлицъ, сумѣли оцѣнить его вполне, и его Реканскія школы нашли кое-гдѣ себѣ подражаніе. Рохову же обязана своимъ происхожденіемъ первая настоящая учительская семинарія въ Германіи. По его иниціативѣ такое учрежденіе было открыто въ 1778 году Гальберштадтскимъ соборнымъ капитуломъ, членомъ котораго онъ былъ.

Въ заключеніе я укажу, что на ряду съ общественными школами и въ эту пору существовало многое множество частныхъ училищъ, особенно въ городахъ, гдѣ ихъ нерѣдко преслѣдовали, какъ «подпольныя» заведенія, но совершенно безуспѣшно; вѣрный знакъ, что въ нихъ была настоящая потребность. Такія частныя педагогическія предпріятія, стоящія въ преимственной связи съ старыми «нѣмецкими школами чтенія и письма», носили очень различный характеръ. Среди нихъ были и правильно поставленныя заведенія съ значительнымъ количествомъ учениковъ, но было много и такихъ, которыя устраивались на время какимъ-нибудь родительскимъ кружкомъ, приглашавшимъ сообца для своихъ дѣтей учителя или учительницу, а то и просто какимъ-нибудь грамотеемъ, которому приходилось перебиваться чѣмъ Богъ послалъ. Противъ нихъ то и дѣло поднимались жалобы, чаще за матеріальный ущербъ, наносимый такою конкуренціей учителямъ общественныхъ школъ, или изъ-за расшатыванія ими школьной дисциплины; но нерѣдко слышались нареканія и на то, какъ учать, особенно Закону Божію, въ подобныхъ «кустарныхъ школахъ» (такъ звались онѣ на Западѣ). На дѣлѣ же преподаваніе въ нихъ мало чѣмъ разнилось отъ общественныхъ учебныхъ заведеній; учителями и здѣсь, и тамъ одинаково являлись неподготовленные самоучки. Съ развитіемъ учительскихъ семинарій и съ повышеніемъ уровня общественныхъ школъ такая низкопробная педагогическая контрабанда сама собою стала исчезать.

На этомъ мы покончимъ съ развитіемъ школьнаго дѣла въ XVIII столѣтіи.

Но намъ надо коснуться другого, весьма существеннаго вопроса. Какъ разъ въ эту эпоху, особенно съ половины XVIII вѣка, на ряду съ церковью и школой пріобрѣтаетъ великое значеніе еще одно образовательное средство — чтеніе. Нѣмецкій народъ въ массѣ городского населенія теперь начинаетъ серьезно читать — читать ради образованія. Прежде у сельскаго обывателя и у горожанина въ домѣ водились книги только религіознаго характера — Библия, сборники проповѣдей, собранія церковныхъ гимновъ — читавшіяся ради духовнаго назиданія; теперь буржуазія принимается читать свѣтскія книги ради просвѣщенія, ради расширенія кругозора и изощренія мыслительныхъ способностей. Съ Хр. Томазія ведетъ свое начало эта новая форма литературы, преслѣдующая не ученыхъ и не религіозно-назидательныя цѣли, а ставящая своей задачей просвѣщеніе всѣхъ сословій. Томазіевъ «Нѣмецкій Ежемѣсячникъ» (1688) является первымъ журналомъ, Томазіевы нѣмецкія работы по философскимъ наукамъ, по логикѣ, по этикѣ, являются первыми руководствами, назначенными «für Gebildete aller Stände» ¹⁾, какъ теперь принято указывать въ заголовкахъ соотвѣтственныхъ изданій. У самого Томазія это выражается такъ. «Введеніе въ науку о разумѣ», пишетъ онъ на заглавномъ листѣ и продолжаетъ: «гдѣ въ совершенно легкой формѣ, доступной всѣмъ разумнымъ людямъ, къ какому бы сословію и полу они ни принадлежали, указывается путь, какъ можно безъ силлогистики различать истинное, правдоподобное и ложное и открывать новыя истины». Какъ явствуетъ

1) Для образованныхъ лицъ изъ всѣхъ сословій

отсюда, Томазіѣ разсчитываетъ, что книгу будетъ читать «общество», включая и женскую его половину. Книга, главнѣйшимъ образомъ, и писана была затѣмъ, чтобы избавить это общество отъ трепета передъ царящей въ университетахъ «педантической» ученостью и побудить его смѣло полагаться на природный здравый смыслъ. Вольфовы «Разумныя мысли о силахъ человѣческаго разума» преслѣдуютъ такую же цѣль, хотя онѣ и составлены въ нѣсколько болѣе академическомъ духѣ. Во второй половинѣ XVIII в. популярно-философская литература заполняетъ книжный рынокъ. То, что исходитъ при этомъ отъ Фридриховской Академіи, пишется по-французски. За Ежемѣсячниками слѣдуютъ такъ называемые «Моральные Еженедѣльники». Переселившись въ Германію изъ Англіи, черезъ Гамбургъ, они стремятся преподнести заурядному читателю просвѣщеніе въ маленькихъ порціяхъ, чтобы оно могло легче перевариваться. Готшедъ, который тоже издавалъ одинъ такой журнальчикъ («Разумныя Порицательницы»), начинаетъ въ Лейпцигѣ свою плодотворную дѣятельность, направленную на созданіе нѣмецкой прозаической и стихотворной литературы. Литературныя газеты принимаютъ на себя посредничество между авторами и публикой. Галлеръ, Клопштокъ, Геллертъ становятся любимцами нѣмецкаго народа. Такъ выросла въ XVIII столѣтіи образованная публика, слѣдившая съ живѣйшимъ интересомъ за умственнымъ движеніемъ. А къ чтенію присоединяется театръ— тоже одно изъ новыхъ могучихъ образовательныхъ орудій, которое создано въ эпоху Просвѣщенія и примѣнялось ею въ педагогическихъ и моральныхъ цѣляхъ. Ибо новая сцена стремится

не только занимать. но вмѣстѣ съ тѣмъ и главнымъ образомъ, морально возвышать и поучать, просвѣщая внимательныхъ зрителей касательно мудрости и неразумія со всѣми ихъ послѣдствіями. Наконецъ и литература для дѣтскаго чтенія обязана этой же эпохѣ своимъ происхожденіемъ: всякаго рода книги для чтенія, «друзья дѣтей», съ наставительными и нравоучительными рассказами, стихотвореніями, исторіями и разговорами, Робинзонады, а также дѣтскіе Еженедѣльники (самый большой успѣхъ изъ нихъ имѣлъ «Другъ дѣтей» Хр. Ф. Вейссе, 1775 и слѣд.) увидѣли свѣтъ въ просвѣтительномъ XVIII вѣкѣ; въ этомъ вѣкѣ, который жилъ, вѣруя, что никто, кому добро и правда показаны въ наглядныхъ, трогательныхъ образахъ, никогда не уйдетъ на путь зла и лжи, Сократова увѣренность, что не бываетъ людей, которые сознательно и намѣренно дѣлали бы дурное, вполне раздѣлялась и нѣмецкимъ Просвѣщеніемъ, одушевляя его страстнымъ и радостнымъ энтузіазмомъ къ дѣлу образованія и воспитанія юношества.

Школьное дѣло у католиковъ. Во второй половинѣ XVIII вѣка снова сошлись, также на почвѣ Просвѣщенія, протестантская и католическая части Германіи, которыя послѣ великаго раскола XVI вѣка шли долго раздѣльными путями. Какъ въ философіи и наукѣ, въ языкѣ и литературѣ, такъ точно и въ школьномъ дѣлѣ католическія государства стремятся снова примкнуть къ опередившимъ ихъ протестантскимъ странамъ. Мы здѣсь не можемъ входить въ частности, и я, поэтому, ограничусь лишь двумя главными католическими державами. Въ Австріи и въ Баваріи — въ первой при Маріи-Терезіи, во вто-

рой при Максимилианъ-Іосифъ—происходитъ около середины XVIII вѣка коренная реформа всего образовательнаго строя, отъ университетовъ до народной школы, и носитъ на всѣхъ своихъ ступеняхъ одинъ и тотъ же характеръ; дѣло образованія переходитъ въ руки государства, принимая свѣтскій, современный и реалистическій характеръ. Въ Вѣнѣ, подъ руководствомъ лейбъ-медика императрицы, голландца Г. фанъ-Свитена, современные науки и современный способъ преподаванія были введены сначала на медицинскомъ, а потомъ и на прочихъ факультетахъ. Затѣмъ реформа коснулась средней школы. Іезуиты, господствовавшіе въ этой области, давно уже не пользовались прежней своей славой. Дворянству, дѣти котораго составляли ихъ главную кліентелу, и которое въ XVI и XVII вѣкахъ вполне было довольно іезуитской школой, теперь и здѣсь, какъ всюду, наскучили логическо-метафизическіе диспуты и гуманистическая элоквенція и поэзія. Поэтому на ряду съ іезуитами выступаетъ на сцену болѣе молодой орденъ піаристовъ, больше считавшійся съ требованіями времени. Въ 1752 году средне-учебнымъ заведеніямъ былъ свыше данъ новый учебный планъ, куда введены были нѣмецкій языкъ и новыя науки, и школы были поставлены подъ наблюденіе органовъ государства. Когда въ 1773 году іезуитскій орденъ объявленъ былъ закрытымъ, имущество коллегій взято было въ казну и пошло въ значительной мѣрѣ на поднятіе уровня народныхъ школъ. Въ 1775 году былъ изданъ новый учебный планъ, составленный піаристомъ Марксомъ, гдѣ удѣлялось много мѣста нѣмецкому языку и реальнымъ наукамъ, при чемъ въ среднюю школу вводились выпускные экзамены, не

выдержавъ которыхъ нельзя было уже поступать на философскій факультетъ. Низшія школы были въ корень преобразованы аббатомъ Фельбигеромъ, взявшимъ за образецъ Геккеровы учебныя заведенія въ Берлинѣ. Фельбигеръ началъ свою преобразовательную дѣятельность въ перешедшей къ Пруссіи Силезіи и затѣмъ, по просьбѣ императрицы, былъ отпущенъ въ Австрію, гдѣ при его содѣйствіи изданъ былъ въ 1774 году «Общій уставъ нѣмецкихъ нормальныхъ, главныхъ, и тривіальныхъ училищъ».—Въ Баваріи душою обновленія былъ одинъ изъ учениковъ Хр. Вольфа, І. А. Икштатъ; оно началось съ Ингольштадтскаго университета (1752) и распространилось вслѣдъ за тѣмъ на среднія и низшія школы. Въ 1774 г. по закрытіи іезуитскаго ордена правительство издало новый учебный планъ. Подобныя же стремленія восторжествовали около этого времени и въ крупныхъ духовныхъ территорияхъ по Майну и по Рейну.

Характерной чертой реформъ въ католическихъ государствахъ является ихъ относительная внезапность. Тогда какъ на протестантскомъ сѣверѣ дѣло развивалось постепенно и органически, въ Австріи и въ Баваріи «свыше предписано было просвѣтиться». При этомъ нерѣдко давала себя чувствовать склонность къ бюрократической схематизаціи и къ контролю, не дающему вздохнуть ни учителямъ, ни ученикамъ; правительства требовали также, чтобы плоды просвѣщенія созрѣвали у нихъ скоро; рѣзкій утилитаризмъ сквозитъ особенно въ указахъ Іосифа II. Съ этимъ въ связи стоитъ, съ другой стороны, наклонность къ столь же внезапно наступающей реакціи. Въ Австріи она беретъ верхъ при Леопольдѣ II.

въ Баваріи при Карлѣ Теодорѣ. На протестантской почвѣ та же волна реакціи противъ духа Просвѣщенія вызвала эпизодъ, связанный съ безславнымъ именемъ Фридриха-Вильгельма II ¹⁾).

Заключительный обзоръ. Если окинуть взоромъ общій ходъ развитія образовательнаго дѣла въ эту эпоху, то ясно можно различить три главныя его тенденціи: въ сторону государства, въ сторону свѣтскихъ интересовъ и въ сторону распространенія образованія на болѣе широкіе круги общества. Роль государства: руководство образовательными

1) Авторъ имѣетъ здѣсь въ виду гоненіе, воздвигнутое при Фридрихѣ-Вильгельмѣ II министромъ Вёльнеромъ на «новыя идеи» въ обществѣ, особенно же въ духовномъ и учебномъ вѣдомствахъ. Походъ на «неологовъ» открылся въ 1788 г. изданіемъ Религіознаго эдикта, за которымъ вскорѣ послѣдовалъ Цензурный эдиктъ, а въ 1791 г. дѣло увѣнчано было учрежденіемъ Духовной экзаминаціонной комиссіи. Въ результатъ всѣхъ этихъ усилій оздоровить умы получилось невѣроятное развитіе религіознаго лицемѣрія въ официальныхъ сферахъ. Со смертью короля, Вёльнеръ, успѣвшій стать предметомъ всеобщей ненависти, долженъ былъ немедленно и навсегда сойти со сцены. Эпизодъ этотъ Паульсенъ въ другомъ своемъ трудѣ характеризуетъ такими словами: «Время, послѣдовавшее за смертью Фридриха II, принадлежитъ къ печальнѣйшимъ воспоминаніямъ въ жизни Прусскаго государства. Правительство Просвѣщенія смѣняется правительствомъ пронирыливыхъ ханжей, которые такъ ненавистны были великому королю. Исторія министерства Вёльнера съ его попытками силой измѣнить ходъ общественной мысли, добиться путемъ репрессіи всеобщаго подчиненія знаменитому Религіозному эдикту и отстранить всѣхъ «неологовъ» отъ какихъ бы то ни было общественныхъ должностей, заслуживала бы стать предметомъ обстоятельнаго труда, въ назиданіе и въ предостереженіе всѣмъ грядущимъ политическимъ дѣятелямъ, которые подпадутъ соблазну утверждать религіозность съ помощью правительственныхъ указовъ».

учрежденіями и надзоръ за ними все болѣе и болѣе переходитъ отъ церкви къ государству, которое начинаетъ вырабатывать для этого особые органы, пользуясь, однако, еще и духовенствомъ, какъ своимъ уполномоченнымъ. Свѣтскій характеръ: владычество богословія, подчиненіе всего образованія требованіямъ церковнаго вѣроученія исчезаетъ. Это бросается въ глаза въ университетахъ, гдѣ новая философія и науки окончательно эманципируются отъ церковнаго контроля и сами становятся руководительницами духовной жизни общества. Но и въ среднихъ, и даже въ низшихъ школахъ конфессиональное преподаваніе Закона Божія утрачиваетъ прежнее свое первенствующее значеніе или, по меньшей мѣрѣ, какъ это было въ народной школѣ, оказывается вынужденнымъ допустить на ряду съ собой преподаваніе свѣтскихъ предметовъ. Распространеніе: круги, захватываемые вліяніемъ образованія, все расширяются; съ торжествомъ родного языка надъ ученою латынью, съ появленіемъ національной философіи и литературы, формируется тотъ глубокий слой образованнаго буржуазнаго общества, который читаетъ книги и газеты, ходитъ въ театръ и питаетъ интересъ къ искусству, къ наукѣ и къ общественной жизни. Вмѣстѣ съ тѣмъ и женщина приобретаетъ новое положеніе въ обществѣ. И народныя массы тоже дѣлаютъ хоть легкій шагъ впередъ. Положимъ, что народныя школы XVIII вѣка во многихъ случаяхъ не заслуживали даже имени образовательныхъ учрежденій; но, проведеніе всеобщаго обязательнаго обученія все же подготовило тотъ умственный подъемъ низшихъ слоевъ, который совершился въ XIX вѣкѣ.

ГЛАВА III.

Новый идейный миръ на исходѣ XVIII столѣтія.

Въ этой главѣ я хочу нѣсколько подробнѣе остановиться на тѣхъ двухъ мощныхъ духовныхъ теченіяхъ, которыя съ 60-хъ годовъ XVIII вѣка начинаютъ брать верхъ надъ идеями Просвѣщенія: на натурализмѣ и новогуманизмѣ. Уже въ предыдущей главѣ намъ приходилось кое-гдѣ встрѣчаться съ ихъ вліяніемъ, но въ полной силѣ они сказались только къ началу XIX вѣка, когда подъ ихъ давленіемъ произошелъ переворотъ во всемъ строѣ школьнаго дѣла.

Натуралистическое направленіе въ мысли и въ чувствѣ, составляющее такую характерную черту духовной фізіономіи послѣдней трети XVIII вѣка, исходитъ отъ Руссо (1712 — 1778). Жанъ-Жакъ, какъ часто онъ звался у современниковъ, женеваскій гражданинъ, былъ однимъ изъ величайшихъ мятежниковъ, какіе только извѣстны міру. Онъ возставалъ противъ всей своей эпохи, со всѣмъ, что она признавала и возвеличивала, со всѣми ея учрежденіями и порядками, со всѣми ея взглядами и оцѣнками. И непреодолимой силой страстной рѣчи, неудержимо рвущейся изъ глубины страдающей души, онъ принуждаетъ читателя дѣлать его негодованіе. Все, что

онъ видитъ кругомъ себя, все, чѣмъ гордится его время,—все его возмущаетъ: дворъ и придворное воспитаніе; аристократія съ ея пышной культурой; дѣленіе людей на господъ и на слугъ, необходимое для существованія такой культуры; свободомыслящіе философы и литераторы, которые поносятъ это общество и вмѣстѣ съ нимъ пируютъ; церковь, которая на ученіи о прирожденной грѣховности человеческой природы и о загробномъ мірѣ создала весьма земное владычество надъ душами, которая за поддержку, оказываемую ею князьямъ міра сего, пользуется сама въ избыткѣ всѣми мірскими благами. Съ негодованіемъ и гордостью пролетарія, въ которомъ пробудилось сознаніе своего достоинства, обрушивается онъ на подобный строй: все тутъ гонится за мишурнымъ блескомъ, все тутъ пропитано условностью и ложью, и сердце напрасно ищетъ того, что трогало бы и утѣшало его само по себѣ, что представляло бы дѣйствительную, неподдѣльную, естественную цѣнность

Въ конечномъ анализѣ, эта переоцѣнка всѣхъ цѣнностей проистекаетъ изъ перестройки на совершенно иной ладъ главнѣйшихъ струнъ самой духовной жизни. Этотъ мятежъ чуткаго и страстнаго сердца направляется противъ основнаго принципа всей новой европейской культуры, противъ господства интеллектуализма, противъ всевластія разсчитывающаго и рефлектирующаго разсудка, которое достигло апогея въ эпоху Просвѣщенія. Для всей вселенной вывести абстрактную ея формулировку—вотъ чего добивается этотъ разумъ съ тѣмъ, чтобы потомъ по формуламъ обсуждать дѣйствительность, и гдѣ она въ нихъ не укладывается, тамъ ее исправлять или признавать не

имѣющей правъ на существованіе. Этотъ интеллектуалистическій раціонализмъ, не питающій никакого уваженія къ природѣ и жизни и беспощадно гнущій ихъ подъ иго системы формулъ, и есть та враждебная сила, которой Руссо противопоставлялъ свое отзывчивое чувство дѣйствительности. Все новое время до Руссо раздѣляло убѣжденіе, что разумъ человѣческой—высшая сила, что онъ ведетъ путемъ науки къ философіи и просвѣщенію, и вмѣстѣ съ тѣмъ къ облагороженію воли и жизни, къ культурѣ и къ счастью. Противъ такого взгляда и метнулъ Руссо въ первомъ же своемъ печатномъ произведеніи извѣстный страстный протестъ: нѣтъ, это ложь; науки и искусства не сдѣлали людей ни лучше, ни нравственнѣе, не сдѣлали они ихъ и счастливѣе. Въ естественномъ быту, не вѣдавшемъ никакихъ наукъ, а жившемъ инстинктами и чувствомъ, люди были счастливѣе, чѣмъ въ нашемъ, такъ называемомъ, культурномъ состояніи. Таковъ былъ тонъ, который вдругъ прорѣзался въ согласномъ раньше хорѣ въ честь прогресса и не переставалъ звучать съ тѣхъ поръ: такое отрицательное отношеніе къ рефлексіи, къ наукѣ и къ культурѣ привело, наконецъ, къ Шопенгауэровскому пессимизму.

Въ такомъ душевномъ настроеніи этотъ зоркій критикъ ходячихъ культурныхъ цѣнностей обращаетъ свои взоры на современное ему воспитаніе и вспыхиваетъ новымъ негодованіемъ, которое изливается въ «Эмилѣ». Воспитаніе и образованіе, какъ они практикуются, гнутъ и уродуютъ природу вмѣсто того, чтобы освободить ее и совершенствовать. Дѣтямъ рѣшительно не даютъ доступа къ природѣ, къ самимъ реальностямъ; съ малыхъ лѣтъ мозгъ ихъ

окутываютъ сѣтью понятій и формулъ; заучиванье наизусть является формой преподаванія, ученость—его цѣлью. Школы пекутся о сообщеніи знаній, которыми можно было бы блистать въ обществѣ, объ иностранныхъ языкахъ и разныхъ ученыхъ побря-кушкахъ, а объ развитіи умственныхъ способностей, объ развитіи разсудительности, дающей человѣку правильный взглядъ на вещи и на предстоящій ему жизненный путь, никто тамъ и не помышляетъ. И точно такъ же дѣло обстоитъ съ воспитаніемъ характера. Никто не думаетъ о сердцѣ и о развитіи воли, способной по благороднымъ стимуламъ осуществлять индивидуальность своего носителя въ жизненной борьбѣ. Нѣтъ, это не въ ходу: приличія, манеры, умѣнье держаться, *conduite* и *savoir vivre*,— вотъ что здѣсь цѣнится и культивируется. И такъ, вездѣ одно и то же: вмѣсто естественныхъ, непосредственныхъ, непреходящихъ цѣнностей—общественныя условности, и вмѣсто правдивости и простоты природы—все только на показъ. Такъ нечего дивиться и тому, что человѣческая природа возмущается противъ подобныхъ воспитательныхъ экспериментовъ надъ собою, и что такія искусственныя вещи, какъ латинская грамматика, какъ умѣнье кое-какъ изъясняться на иностранныхъ языкахъ, какъ затверживаніе непонятыхъ и непонятныхъ формулъ той или иной богословской системы, оказывается возможнымъ вбить въ голову юношеству только путемъ долголѣтняго гнета и долбежки. Той же цѣной, какою покупается образованіе, прибрѣтается и воспитаніе. И здѣсь, чтобы сломить естественность и замѣнить ее условнымъ благонравіемъ и свѣтскими манерами, условными общественными приличіями и

поведеніемъ, идутъ въ ходъ ругань, наказанія и всяческое понуканье и помыканье.

Такова отрицательная сторона «Эмиля». Но въ немъ есть и положительная сторона. Руссо не пессимистъ: онъ не считаетъ, подобно Шопенгауэру, чтобы культура или жизнь представляла собою вообще un faux pas. Есть жизнь, которой безусловно стоитъ жить. Это не та основанная на подавленіи природы и якобы надъ ней возвышенная жизнь, которой учить церковь (словами, не примѣромъ). Напротивъ, настоящая жизнь и есть жизнь по велѣніямъ создавшей ее природы—такая, какой живутъ непосредственные, не испорченные ложной культурой люди. Есть и культура, которая не дѣлаетъ людей хуже и несчастнѣе: культура эта состоитъ единственно въ развитіи и совершенствованіи естественныхъ задатковъ и силъ, вложенныхъ природой въ человѣка. Путь къ подобной культурѣ Руссо и стремится указать въ своемъ ученіи о воспитаніи и въ своемъ ученіи о государствѣ: *Contrat social* явился въ свѣтъ одновременно съ «Эмилемъ». Истинное, естественное воспитаніе не задается никакой предвзятой схемой и не дрессируетъ человѣка для опредѣленнаго общественнаго поста: оно беретъ себѣ въ руководительницы саму природу, природу въ воспитанникѣ, понять указанія которой позволяетъ наблюденіе надъ его инстинктивными движеніями и склонностями. Оно даетъ воспитаннику просторъ для упражненія своихъ силъ, при чемъ ему приходится на опытѣ знакомиться съ Божьимъ міромъ и съ людьми: и это единственно возможный путь, чтобы дойти до правильнаго пониманія, какъ слѣдуетъ вести себя въ жизни. Воспитаніе здѣсь только

помогаетъ питомцу осмысливать себѣ эти уроки жизни и незамѣтно удерживаетъ его отъ опытовъ, за которые ему пришлось бы слишкомъ дорого заплатить. Но если жизненный опытъ и самодѣятельность одни, собственно, и способны дать человѣку нравственное образованіе, то такъ же точно обстоитъ дѣло и съ интеллектуальной культурой: умъ образовывается тѣмъ, что онъ самъ усваиваетъ по собственной охотѣ; то же, что вкладывается извнѣ въ голову пассивнаго, безучастно воспринимающаго человѣка, остается тамъ мертвымъ грузомъ. Въ томъ и состоитъ великое заблужденіе господствующей системы, что она полагаетъ, будто образованіе можно давать даже насильно. Лишь то, что перерабатывается внутреннимъ принципомъ формы, идетъ на образованіе организма; лишь то, что усваивается чрезъ приведеніе въ дѣйствіе собственныхъ силъ, переходитъ въ духовное образованіе.

Такъ устанавливается первый принципъ здоровой теоріи образованія: ждать, пока не проснутся внутреннія силы, влекуція къ познанію, и не потребуютъ себѣ занятія; и тогда осторожно доставлять имъ случаи для упражненія. Свое знакомство съ міромъ ребенокъ начинаетъ съ разсматриванія окружающей дѣйствительности: стремленіе посмотреть на то и на другое—вотъ первая форма, въ которой проявляются познавательныя способности. Воспитатель долженъ идти навстрѣчу такимъ запросамъ, показывая ребенку различные предметы или ихъ изображенія. Но ребенокъ не только хочетъ видѣть вещи; у него есть стремленіе ихъ трогать и пускать ихъ въ дѣло: пробуя на нихъ свои силы, онъ и доходитъ понемногу до настоящаго пониманія того, что онѣ собою

представляютъ. Такъ и растетъ Эмиль, въ сельской обстановкѣ, выучиваясь за игрой всякимъ искусствамъ и достигая такимъ естественнымъ, первобытнымъ путемъ основъ серьезнаго познанія дѣйствительности. То, что онъ знаетъ, ему извѣстно не на бумагѣ, не отвлеченно, не по книжкамъ: все это взято изъ ежедневнаго живого опыта; изъ наблюдений надъ предметами и обращенія съ ними онъ постигаетъ суть ихъ и природу дѣйствій. Не проходя географіи, онъ умѣетъ превосходно ориентироваться въ окрестности; не проходя астрономіи и не имѣя понятія объ армиярной сферѣ, онъ понимаетъ, какъ движутся свѣтила на небесномъ сводѣ днемъ и ночью. Такъ залагается у него фундаментъ реальныхъ свѣдѣній. Мало-по-малу въ немъ пробуждается разсудочность, желаніе понять причины окружающихъ явлений. И здѣсь опять воспитатель идетъ ему навстрѣчу, не для того, чтобы абстрактно излагать законы физики, заставляя его затверживать прослушанное на урокъ, а для того, чтобы пособить ему самому до нихъ добраться. Такое руководство заставляетъ ребенка прежде всего задумываться надъ тѣмъ, что раньше казалось само собой понятнымъ, затѣмъ наводитъ на то, какъ надобно искать скрытую связь явлений, и помогаетъ открыть соотвѣтствующій законъ. Наконецъ въ юношѣ пробуждается и разумъ—стремленіе охватить дѣйствительность въ ея совокупности и обнаружить смыслъ и связь образующихъ ее явлений. Въ отвѣтъ на это ему не преподносятся для заучиванья сухія догматическія формулы. Его самостоятельная личная мысль будится изложеніемъ личнаго міросозерцанія: исповѣданіе вѣры Савойскаго Викарія даетъ Эмилю не отвѣтъ на конеч-

ные вопросы, а одинъ изъ отвѣтовъ, рожденный сердцемъ, полнымъ высокихъ чувствъ, и доходящій поэтому до сердца такъ же настроеннаго юноши.

Таковъ новый образовательный идеаль. Готовить послушныхъ подданныхъ, корректныхъ джентльменовъ, слѣпыхъ приверженцевъ разныхъ религіозныхъ толковъ,—все это не образованіе, все это дрессировка. Истинное образованіе есть образованіе человека, образованіе полной свободной личности путемъ развитія всѣхъ силъ, заложенныхъ природою въ человѣческое существо; цѣль истиннаго образованія—«гуманность».

Вліяніе Руссо на свою эпоху было неописуемое. И, можетъ-быть, Германія была потрясена еще сильнѣе, чѣмъ Франція. Во Франціи на первомъ мѣстѣ остался все таки Вольтеръ. Въ юной Германіи онъ ступежался передъ женовскимъ энтузіастомъ. Кантъ, Гердеръ, Гете, Шиллеръ, Фихте,—всѣ пережили глубочайшій внутренній переворотъ подъ впечатлѣніемъ идей Руссо. Онъ высказалъ то самое, чего въ страстномъ томленіи искало ихъ собственное сердце: вонъ изъ душной атмосферы подражательнаго французскаго придворнаго образованія, которое во всемъ душитъ и искажаетъ здоровую природу; вонъ изъ придворно - сословнаго государственнаго и общественнаго строя, который унижаетъ человека, какъ разумное существо; назадъ къ природѣ, къ простымъ, безыскусственнымъ формамъ жизни; или иначе: впередъ къ новой культурѣ, которая воздавала бы должное цѣнностямъ, созидаемымъ самой природою, къ культурѣ, которая не была бы несомвѣстна съ правдою и добродѣтелью, съ искренностью и прямою характера.

Этика Канта вся проникнута этим настроением: не ученость, не свѣтское образованіе, не житейское благоразуміе, не пріобрѣтенное въ различныхъ областяхъ искусство опредѣляютъ истинную цѣнность человѣка, а только добрая воля — воля, которая скромно и просто, безъ всякихъ постороннихъ соображеній и мудрствованій слѣдуетъ нравственному закону. Содѣйствовать тому, чтобы эта добрая воля, которой обладаетъ отъ природы всякій человѣкъ, какъ разумное существо, могла сама себя сознать; содѣйствовать тому, чтобы изъ людей выходили свободныя существа, стремящіяся къ добру по своей собственной свободной волѣ — это и есть основная задача образованія.

Гердеръ представляетъ собою связующее звено между натурализмомъ Руссо и новогуманизмомъ. Онъ обнимаетъ свѣтлымъ взоромъ всю безконечную полноту исторической жизни, отъ тайниковъ чувственного существованія, гдѣ зародился разумъ, до высшихъ проявленій разума въ мірѣ, и вездѣ видитъ откровеніе Божества. Прозрѣть это, признать это съ благоговѣйной радостью, обогатить свою жизнь изъ этой исторической полноты и, вмѣстѣ съ тѣмъ, слить свою личность съ жизнью вѣчнаго въ человечествѣ — это и есть образованіе, гуманное образованіе. Этимъ опредѣляется и путь къ образованію: надо поставить подрастающее юношество въ непосредственное соприкосновеніе съ дѣйствительными явленіями природы и исторической жизни, которое и пробудитъ, и разовьетъ въ питомцахъ природныя ихъ силы, давая каждому индивидуальный образъ. Личность можетъ быть образована только живою силой, а не абстракціями и формулами.

Идеи Руссо стали достояніемъ нѣмецкой педагогической дѣйствительности, главнѣйшимъ образомъ, стараніями двухъ людей: Базедова и Песталоцци. О Базедовѣ мы имѣли случай говорить раньше, здѣсь же я посвящу нѣсколько словъ Песталоцци (1746—1827). Онъ родомъ былъ изъ Цюриха, и вся его жизнь и личная дѣятельность принадлежать Швейцаріи. Въ немъ такъ же, какъ въ Руссо, билась народная, демократическая жила: оба они знать не хотѣли придворныхъ тонкостей. Но между тѣмъ, какъ Руссо отводилъ душу въ страстномъ краснорѣчьи, у Песталоцци то же настроеніе выливается въ великую, сострадательную, дѣятельную любовь къ дѣтямъ изъ народа, къ этимъ отверженнымъ, забитымъ дѣтямъ нищеты. Дать имъ основы человѣчески-духовнаго образованія—вотъ что становится предметомъ его горячей, неустанной заботы. Движимый ею, онъ собираетъ кругомъ себя въ Нейгофѣ кучку нищихъ ребятъ и прилагаетъ всѣ усилія къ тому, чтобы путемъ обученія и работы сдѣлать изъ нихъ людей—людей, пригодныхъ къ жизни. Въ Нейгофѣ предпріятіе его разстраивается, но онъ не отступается и возобновляетъ его въ Станцѣ. Прійдя здѣсь къ убѣжденію, что онъ напалъ на слѣдъ истинной методы элементарнаго образованія, онъ не знаетъ покоя, пока ему не удастся испробовать ее въ Бургдорфской школѣ, и затѣмъ до глубокой старости онъ примѣняетъ и развиваетъ ее среди всякихъ помѣхъ и непріятностей въ своемъ учебномъ заведеніи въ Ивердонѣ. Что касается этой методы (связиѣе всего она представлена въ сочиненіи «Какъ Гертруда учить своихъ дѣтей»), то въ основной идеѣ Песталоцци совершенно сходится съ Руссо: путь къ че-

ловѣческому образованію есть пробужденіе само-дѣятельности. Силы духовныя могутъ развиваться и способности могутъ переходить въ умѣнье только путемъ самостоятельнаго ихъ упражненія. Отсюда вполнѣ понятно, что Песталоцци глубоко презиралъ современную ему школу. Онъ неустанно изливаетъ на нее чашу своего гнѣва: этотъ сухой букварь и душу изводящая долбежка, къ которымъ сводится все обученіе въ народной школѣ, такъ изуродовали европейскихъ христіанъ, что изъ нихъ вышло племя пустослововъ и трещотокъ, какого еще не видано было на свѣтѣ; оно не упражняетъ ни чувствъ, ни разума; оно учится владѣть лишь языкомъ и глоткой, и эта бессмысленная болтовня изсушаетъ въ немъ всѣ живыя познавательныя силы. Книгопечатаніе обратило это слѣпое преклоненіе предъ мертвымъ словеснымъ знаніемъ въ достояніе всѣхъ круговъ общества, а Реформація еще усилила зло, введя преподаваніе катихизиса и объявивъ его главнымъ образовательнымъ предметомъ. Эту тоскливую, зло-вредную, механическую зубрежку Песталоцци стремится замѣнить иной системою преподаванія, основанной на познаніи дѣтской души и законовъ ея жизни и направленной на пробужденіе и развитіе всѣхъ дремлющихъ въ этой душѣ природныхъ силъ. Первая заповѣдь такого преподаванія гласитъ: отъ наблюденія къ понятію! Понятія безъ соотвѣтственныхъ наблюденій—пустая словесная шелуха; понятія, сложившіяся на наблюденіи самихъ предметовъ—живыя силы, дающія возможность постигать дѣйствительность. Такое положеніе самъ Песталоцци считаетъ существеннѣйшей новостью въ своей педагогической системѣ. Онъ самъ указываетъ, какъ на

главную свою заслугу, что онъ наглядность сдѣлалъ абсолютнымъ фундаментомъ преподаванія и открылъ основной принципъ всякаго обученія, которое всегда должно итти отъ чувственнаго познанаія къ развитію разнообразныхъ умственныхъ силъ. Я здѣсь не стану подробнѣе разбирать это «наглядное обученіе» въ томъ видѣ, какъ оно проводилось Песталоцци, и какъ онъ его схематически описалъ въ книгѣ «Какъ Гертруда учитъ своихъ дѣтей». Суть его метода состоитъ въ соединеніи наблюденія съ упражненіемъ въ рѣчи, глазъ и чертящая по его указаніямъ рука схватываютъ форму окружающихъ предметовъ, а параллельно схватывается ихъ отраженіе въ звукахъ языка, къ чему присоединяются еще упражненія въ схватываніи величинъ и числовыхъ отношеній Изъ этого первоначальнаго познавательнаго единства затѣмъ вырастаютъ, путемъ послѣдовательной дифференціаціи, занятія реальными предметами, уроки языка и уроки математики. Результатомъ такого преподаванія, методически поднимающагося съ ступени на ступень, является формальное образованіе: въ противоположность старому мертвому, механическому набиванью памяти, оно заключается въ живомъ умѣннѣ пользоваться всѣми своими познавательными способностями во всякой области и во всякихъ цѣляхъ.

Новогуманизмъ. Въ родствѣ и въ оживленномъ взаимодействіи съ движеніемъ, исходившимъ отъ Руссо, стоитъ другое глубокое теченіе, охватившее всѣ области искусства, литературы и міросозерцанія—новогуманизмъ. Оба эти движенія встрѣчаются и переплетаются между собою также и въ области воспитанія, въ опредѣленіи образовательнаго

идеала. Взаимное ихъ отношеніе можно опредѣлить такъ: то, чего ищетъ Руссо, то согласное съ природою образованіе и развитіе,—то самое, по убѣжденію новогуманистовъ, въ полной законченности найдено ими въ греческомъ мірѣ. Греческая культура являетъ собой развитую до совершенства, возвышенную до идеальной красоты природу: эллинъ представляетъ собою полно и свободно развитое человѣческое существо, воплощеніе той идеи человѣка, которая предносилась творческой природѣ. Согласно этому, задача воспитанія можетъ быть выражена формулой: образуйте изъ вашего юношества эллиновъ, по крайней мѣрѣ, внутренно, разъ внѣшне это невозможно; наполняйте ихъ эллинскимъ духомъ, силой и смѣлостью стремиться къ истинѣ, свободной энергіею воли для твердаго отстаиванія своей индивидуальности въ борьбѣ противъ внѣшнихъ давленій и внутреннихъ искушеній, радостной любовью ко всему, что прекрасно и совершенно!

Новогуманизмъ является, въ извѣстной мѣрѣ, повторнымъ Возрожденіемъ, послѣ того, какъ Возрожденіе XV вѣка было задушено въ Италіи и въ Германіи Реформаціею и контръ-реформаціею или, по крайней мѣрѣ, сведено было ими на степень блѣднаго школьнаго классицизма. Подобно Возрожденію, новогуманизмъ характеризуется безусловнымъ признаніемъ того, что древность должна служить для насъ образцомъ совершенства. Но между ними есть немало и чертъ различія. Отмѣчу слѣдующія: первое Возрожденіе примыкаетъ къ римской культурѣ, оно мечтаетъ о возвращеніи вѣка Августа, какъ золотого вѣка; второе видитъ золотой вѣкъ въ цвѣтущемъ времени аѳинскаго искусства и литерату-

ры, аѳинской философіи и краснорѣчія. Это различіе связано съ другимъ — съ разницей въ исторической почвѣ: истинной родиной перваго Возрожденія была Италія, второго — протестантскій сѣверъ Германіи; первое окрашивалось романтическимъ патріотизмомъ, оно мечтало о возстановленіи отечественнаго языка и культуры, сгубленныхъ нѣкогда нашествіемъ варваровъ; второе опиралось на чистое сродство по духу. Во дни новогуманизма обычной темой было доказательство этого внутренняго родства нѣмецкаго и греческаго народовъ, нашедшаго свое отраженіе и въ ихъ судьбахъ: національность у обоихъ народовъ представлена не въ политической и военной сферѣ, какъ у римлянъ и у французовъ, а въ идеальномъ мірѣ философіи и науки, литературы и искусства. А съ этимъ связано и новое, дальнѣйшее различіе: итальянско - латинское Возрожденіе стремилось прежде всего возобновить и продолжить античную литературу, его плодомъ является новолатинская литература. Нѣмецко - греческое Возрожденіе не могло объ этомъ помышлять и должно было поставить для занятій греческимъ языкомъ и литературой другую цѣль: не подражать, во всякомъ случаѣ, не подражать на греческомъ языкѣ, а вдохновиться греческимъ духомъ и, если можно, творческою его оригинальностью, чтобы въ собственной груди вынашивать затѣмъ такого же достоинства творенія. Этимъ обусловливается и коренной переворотъ, произведенный новогуманизмомъ въ школьномъ преподаваніи: окончательное устраненіе и безъ того уже, положимъ, отживавшей свой вѣкъ латинской подражательной элоквенціи и поэзіи и постановка на первый планъ греческихъ

классиковъ, а на ряду съ ними также родной словесности.

Высшаго своего подъема достигла новогуманистическая волна на переходѣ отъ XVIII къ XIX столѣтію: Гёте и Шиллеръ сошлись на почвѣ новогуманизма; они царятъ надъ нѣмецкой литературой и всю ее пропитываютъ взглядомъ, что эллинскій міръ являетъ собой высшее откровеніе человѣчества. Ф. А. Вольфъ и Вильгельмъ фонъ Гумбольдтъ провели этотъ взглядъ въ жизнь нѣмецкой школы и университета. Ихъ кличъ: «Bilde dich griechisch», «воспитай изъ себя грека», какъ эхо перекачивается на протяжении цѣлаго столѣтія въ тысячахъ университетскихъ и школьныхъ рѣчей, обращенныхъ къ учащейся молодежи.

Если спросить себя объ условіяхъ, благопріятствовавшихъ такой поразительной перемѣнѣ фронта, такому повороту лицомъ назадъ, къ греческому міру, то надо будетъ отмѣтить три существенныя обстоятельства въ общемъ положеніи дѣлъ въ эту эпоху. Прежде всего, тутъ надо считаться съ положеніемъ религіи. Старая вѣра угасла — и не только вѣра въ исповѣданія, но самая вѣра въ христіанство. Религія Искупленія, можетъ-быть, никогда не находила себѣ такъ мало отзвука въ сердцахъ, какъ въ эпоху Просвѣщенія. Страстные люди ненавидѣли ее, считая ее врагомъ культуры и образованія; умѣренные видѣли въ еврейскомъ Равви симпатичнаго и гуманнаго моральнаго проповѣдника. Это незанятое въ душѣ мѣсто и наполнилъ собой культъ Греціи, ставшій своего рода религіей, но болѣе человѣческой, гдѣ божественное само являлось лишь высшею степенью человѣчности. Древность стала

святыней, и проникновеніе внутренней сущностью эллинизма являлось чѣмъ-то въ родѣ прежняго христіанскаго возрожденія: это было тоже новое рожденіе отъ духа, но возрождался тутъ истинный человѣкъ.

Вторымъ условіемъ являлось положеніе нѣмецкой націи. Недавно пробудившееся нѣмецкое національное чувство въ борьбѣ противъ французовъ съ ихъ же - классицизмомъ схватилось за греческихъ писателей, какъ за истинныхъ классиковъ, дѣйствительно оригинальныхъ творцовъ всѣхъ формъ духовной жизни въ европейскомъ культурномъ мірѣ. Эманципация отъ французовъ и переселеніе душой въ Грецію—это двѣ стороны одного процесса: стоитъ припомнить Лессинга. Къ этому присоединилась, наконецъ, какъ третье благоприятствующее условіе, перемѣна въ социальномъ строѣ. Третье сословіе выигрывало тогда въ значеніи за счетъ придворной знати: новая литература и философія, наука и университеты проникнуты были его демократическимъ духомъ. И этотъ шедшій въ гору классъ, въ борьбѣ своей противъ французско-придворнаго образованія и воспитанія знати, опять-таки искалъ и нашелъ себѣ опору въ эллинизмѣ: въ Греціи видимъ мы передъ собой единственно истинное человѣческое образованіе; греки являются дѣйствительно благородными людьми, а не французы, и тѣмъ паче не подражатели французамъ при большихъ и малыхъ нѣмецкихъ дворахъ.

Такъ, въ концѣ эпохи Просвѣщенія, новый культурный и образовательный идеалъ сбиль съ поля старое придворно-французское образованіе. На мѣсто прежняго *galant-homme* возводится теперь въ

идеаль человекъ по образу и по подобію древняго грека, этого воплощенія чистой идеи человекности. Въ Греціи культура и была тѣмъ, чего требовалъ Руссо, т.-е. доведенной до совершенства природой. Здѣсь люди и являются не куклами, сработанными по модели общественныхъ условностей, не однокими специалистами по отправленію разныхъ общественныхъ должностей, не скованными умственно слугами церкви, а дивно развитыми личностями, носителями духа истинной свободы, которые изъ своей жизни умѣли дѣлать самобытное художественное твореніе, и которые были въ то же время художниками, создавшими невиданную прежде форму свободного гражданскаго общества. То, что греки обозначали знаменательнымъ выраженіемъ *καλοκάγαθία* — это и представляетъ собою истинный и вѣчный идеаль человеческого образованія.

КНИГА IV.

ДЕВЯТНАДЦАТЫИ ВѢКЪ.

Г Л А В А I.

Общія условія времени и господствующія тенденціи.

Духовная жизнь въ началѣ новаго столѣтія характерную свою окраску получаетъ отъ той глубокой и универсальной перемѣны въ строѣ мышленія и чувства, которую мы называемъ романтизмомъ. Романтизмъ образуетъ дополнительную противоположность къ Просвѣщенію. Просвѣщеніе, явившееся кульминаціоннымъ пунктомъ на томъ пути, которымъ шла вся духовная жизнь Европы съ эпохи Возрожденія, было насквозь пропитано интеллектуалистическимъ раціонализмомъ, безусловною вѣрою въ разумъ: въ разумѣ и въ наукѣ человѣчество только и можетъ найти опору, чтобы поднять свое матеріальное и духовное существованіе на высшую ступень. Романтизмъ анти-интеллектуалистиченъ: склонность къ ирраціональному составляетъ одну изъ основныхъ его чертъ. Находя, что разсудку придаютъ уже слишкомъ большую цѣну, онъ, въ свою очередь, ставитъ особенно высоко ирраціональную сторону душевной жизни — чувство и фантазію. Не въ ясномъ полѣ сознанія, — говоритъ онъ, — покоятся творческія силы жизни, а въ недоступныхъ рефлексіи глубинахъ души. Съ этимъ въ связи

стоятъ и характерныя для романтизма любовь и смыслъ къ народности, къ наивному, непосредственному творчеству народнаго духа, на которое Просвѣщеніе смотрѣло, какъ на варварство. Съ этимъ въ связи стоитъ и то, что романтизмъ любилъ и понималъ нестерпимые для Просвѣщенія средніе вѣка — эту пору свѣжей, непосредственной, поэтической, задушевной, самобытно-народной жизни, когда религія представляла собой живой міръ для фантазіи и вѣры, и когда государство и право являлись слагаемымъ множества конкретныхъ отношеній, а не абстракціей отъ общихъ понятій. Отсюда, наконецъ, понятно и то, что романтизмъ любилъ и цѣнилъ старую церковную вѣру: настоящая религія — это католицизмъ, а не протестантизмъ, логическимъ завершеніемъ котораго явилась «религія разума», гдѣ вѣра оказывается очищенной настолько, что отъ нея остается нѣсколько сухихъ философскихъ положеній.

Исходнымъ пунктомъ универсальнаго движенія въ этомъ направленіи былъ натурализмъ Руссо; но на ряду съ нимъ въ Германіи такое же вліяніе самостоятельно оказывалъ Гаманъ, «безпутный», ненавистникъ Просвѣщенія съ его ясностью и полезностью. Онъ далъ толчокъ Гердеру и Якоби. Представителемъ романтизма въ богословіи является Шлейермахеръ. Религія, — разъяснялъ онъ, — вовсе не дѣло разсудка, какъ то согласно полагаютъ ортодоксія и раціонализмъ, сходящіеся въ этомъ пунктѣ, несмотря на свою противоположность во всемъ другомъ: нѣтъ, глубочайшіе ея корни надо искать въ чувствѣ. Романтиками въ философіи были Шеллингъ и Шопенгауэръ. Они развѣнчиваютъ математиче-

скую физику, которая считалась до тѣхъ поръ основнымъ типомъ науки, и придаютъ господствующее положеніе натуръ-философіи, или метафизикѣ, интерпретирующей природу изъ глубочайшей внутренней ея сути: воля—вотъ самая суть вещей; что же касается представленій и разсудка, то это лишь вторичный и поздній продуктъ темнаго первобытія.

Такому духовному движенію вторили и историческія событія. Французская революція—эта попытка разума пересоздать государство и религію по своимъ требованіямъ—закончилась неудачей, натолкнувшись на противодѣйствіе ирраціональныхъ, историческихъ силъ. Смятыя было сначала неожиданнымъ натискомъ, силы эти скоро оправились, сбили съ поля разумъ, не смогшій основать прочнаго порядка отношеній, и возстановили старыя, обычныя, традиціонныя, историческія формы жизни. И выходило, что сама исторія прочла людямъ такой урокъ: человекъ вовсе не *animal rationale*, какъ то гласитъ старое опредѣленіе; существо его вовсе не въ разсудочности; онъ есть дитя историческаго процесса, живущее въ исторіи, двигателемъ которой является всемірный разумъ.

Такимъ путемъ возникла та вѣра въ исторію, которая налагаетъ столь характерный отпечатокъ на образъ мышленія XIX вѣка: исторія сама создаетъ разумное, и историческому взору всегда и во всемъ открывается ея имманентный «логосъ»—въ правѣхъ и въ обычаяхъ, въ языкѣхъ и въ религіи. А потому напрасно думать, чтобы въ эти формы исторической жизни надобно было привносить разумность извнѣ, изъ выкладокъ субъективнаго разсудка. Дѣйствительность сама разумна, — какъ въ природѣ, законмѣрность

которой есть объективная логика, такъ и въ мірѣ жизни, гдѣ естественный процессъ органическаго роста повсюду осуществляетъ разумную цѣлесообразность, такъ, наконецъ, и въ исторіи, гдѣ объективный разумъ изъ себя уже порождаетъ субъективный, въ видѣ добавочной своей формы. На почвѣ такихъ воззрѣній сходятся спекулятивная филозофія и историческая школа права. Воззрѣнія эти живы и понынѣ въ той новой формѣ, въ которой ихъ проводятъ марксизмъ и дарвинизмъ, оказывающей вліяніе и на историческое міросозерцаніе.

Вмѣстѣ съ вѣрою въ разумность исторіи развились и охота, и любовь къ историческимъ изысканіямъ. Пока исторія представлялась лишь сборищемъ случайныхъ происшествій, по большей части неразумнаго, насильственнаго характера, смѣнявшихся безъ смысла и безъ внутренней необходимости (а такъ и склоненъ былъ смотрѣть на дѣло раціонализмъ XVII и XVIII вѣковъ), занятія ею, понятно, тоже не высоко цѣнились, считаясь чуть не за простое удовлетвореніе празднаго любопытства. Широкий интересъ къ наукѣ былъ поглощенъ всецѣло раціональнымъ—открытіемъ всеобщихъ и необходимыхъ истинъ. XIX вѣкъ сталъ относиться къ дѣлу иначе: разъ въ историческихъ судьбахъ скрытъ разумъ, то, значитъ, исторія—настоящая наука, достойная служить предметомъ вниманія и для философскаго ума. Такъ началась теперь та напряженная историческая работа, которая столь характерна для XIX вѣка. Всѣ стороны исторической жизни, языкъ и миѳологія, государственный строй и право, общественныя и экономическія отношенія, литература и искусство, наука и филозофія разсматриваются подъ

угломъ зрѣнія органическаго развитія. Тщательное изслѣдованіе фактической стороны исторіи сопровождается попытками разъяснить царящую здѣсь внутреннюю необходимость и занимаетъ собой лучшіе умы. Припомнимъ обоихъ Гриммовъ, Савиньи, Вильгельма фонъ-Гумбольдта, Боппа, Гегеля, Фр. Авг. Вольфа, Нибура.

На этихъ занятіяхъ у людей развилось нѣчто въ родѣ новаго особаго чувства—чутье къ исторіи, историческій смыслъ, способность видѣть историческія явленія перспективно. И ранѣе, положимъ, отвлеченно сознавали, что содержаніе человѣческаго бытія въ различныя времена было различно, но, тѣмъ не менѣе, на прошлое, по существу дѣла, глядѣли глазами настоящаго. Такъ какъ интересъ къ принципамъ царилъ надъ всѣмъ, то тѣ же вопросы и проблемы, тѣ же идеи и тѣ же формы жизни, которыми занято было настоящее, вставали передъ глазами наблюдателя и въ прошломъ. Только тогда, когда догматизмъ отошелъ на задній планъ, явился нужный просторъ и для интереса къ историческому элементу, какъ таковому; и тутъ впервые открылись глаза на безконечное разнообразіе исторической жизни: уразумѣть каждую эпоху въ ея особенности и индивидуальности стало задачей и страстью историковъ. Какъ историческія изысканія позже стали захватывать все болѣе и болѣе широкое поле, какъ подъ такимъ вліяніемъ университетское преподаваніе въ области наукъ о духѣ измѣнило свой характеръ, какъ мѣсто догматическаго изложенія теологіи и права, философіи и искусства, заняло введеніе въ историческую надъ ними работу,—объ этомъ мы будемъ еще говорить ниже.

Здѣсь же я еще очерчу двумя-тремя штрихами ходъ развитія государственной и общественной жизни. Въ общемъ онъ характеризуется неудержимымъ подъемомъ низшихъ слоевъ, мощнымъ стремленіемъ къ демократизации. Старое землевладѣльческое дворянство XVII и XVIII вѣковъ утратило свой перевѣсъ и свое привилегированное положеніе въ правовой и въ соціальной сферѣ. Въ первой половинѣ XIX вѣка новою силой становится буржуазія: съ ростомъ торговли и промышленности поднялось значеніе движимой собственности, значеніе же крупнаго землевладѣнія упало, по крайней мѣрѣ, относительно. Въ великомъ политическомъ движеніи середины вѣка буржуазія добилась, со введеніемъ писанной конституціи, полнаго правового и политическаго равенства; требованіе народнаго представительства первоначально пошло, конечно, отъ желанія богатой и образованной буржуазіи получить соотвѣтственную долю вліянія на государственныя дѣла. Во второй половинѣ вѣка возникаетъ новое движеніе—четвертое сословіе поднимаетъ голову. Благодаря быстрому росту большихъ городовъ и крупной промышленности, массы неимущихъ рабочихъ стали скопляться въ центрахъ. Съ подъемомъ ихъ жизненныхъ потребностей и образованія, онѣ тоже выступили на политическую арену, организовавшись въ соціаль-демократическую партію; съ введеніемъ всеобщаго избирательнаго права, онѣ получили формальный доступъ къ государственнымъ дѣламъ и образовали собой могущественный факторъ въ соціальной и политической нашей жизни. Сейчасъ, положимъ, эта рабочая партія нерѣдко все еще чувствуетъ себя революціонной силой; но ей

должно найтись свое законное мѣсто въ нашей государственной жизни, ей должна быть обеспечена возможность мирнаго участія въ общественномъ строительствѣ. Это одна изъ великихъ задачъ будущаго.

Въ связи съ этими движеніями стоитъ еще одна характерная черта общественной жизни XIX столѣтія: борьба партій. Тогда какъ XVIII вѣкъ почти еще совсѣмъ ея не вѣдалъ, XIX в. почти не можетъ мыслить общественнаго развитія безъ этой его формы. Куда ни бросишь взоръ—въ государствѣ, въ обществѣ, въ церкви, въ школѣ,—всюду стоятъ другъ противъ друга враждующія партіи. Борьба за политическую конституцію наполняла первую половину вѣка: въ бурномъ 1848 году буржуазія съ боя провела здѣсь въ главныхъ чертахъ свои требованія, по крайней мѣрѣ, на бумагѣ. Съ политической партійностью, съ борьбою либераловъ и консерваторовъ, переплетается далѣе религіозная: стремленіе воскресить принципъ авторитета и вѣру въ букву Св. писанія у протестантовъ и стремленіе воскресить абсолютную власть папы у католиковъ идетъ на протяжении всего столѣтія — въ первомъ случаѣ съ неровнымъ, колеблющимся, а во второмъ — съ непрерывно возрастающимъ успѣхомъ. Раціонализмъ былъ изгнанъ изъ церковной жизни, но не изъ жизни вообще, гдѣ онъ, напротивъ, удержался въ видѣ враждебной церкви силы. Острое отношеніе противниковъ другъ къ другу сдѣлало, далѣе, изъ раціонализма врага не только церкви, но и самой религіи; матеріалистическое міросозерцаніе было усвоено сначала широкими кругами образованныхъ людей, теперь же господ-

ствуеть и въ массахъ. Между этими крайностями, между чистымъ церковнымъ правовѣріемъ и чистымъ атеизмомъ, стоитъ въ видѣ посредника и миротворца философскій идеализмъ, доказывающій совмѣстимость научнаго познанія съ религіознымъ міровоззрѣніемъ въ Кантовской, Гегелевской или Фехнеровской формѣ. Но сейчасъ на широкой аренѣ жизни онъ не представляетъ собой настоящей силы. И, такимъ образомъ, единство умственнаго міра въ нашу эпоху утратилось совершенно. Тогда какъ до XVII в. Европа единодушно вѣрила, да и въ XVIII вѣкѣ религія въ видѣ Vernunftreligion еще являлась опредѣляющей, основной формой мышленія и чувствованія, въ XIX в. здѣсь произошелъ рѣзкій разрывъ, затрудняющій взаимное пониманіе и совмѣстную работу во всѣхъ областяхъ, нерѣдко же и окончательно исключающій всякую къ этому возможность.

Все это сказывается и въ области образованія: борьба за школу проходитъ черезъ все столѣтіе. Рѣшимость завоевать владычество, душа всякой партіи, ведетъ повсюду къ стремленію сдѣлать изъ школы орудіе партійныхъ цѣлей. Не мирное образованіе и внутреннее освобожденіе подрастающаго юношества, а обработка его въ извѣстномъ духѣ, порабощеніе его ума даннымъ извнѣ сужденіямъ и привычкамъ мысли—вотъ цѣль, которую каждая партія, какъ таковая, ставитъ школѣ, въ силу извѣстнаго принципа: за кѣмъ молодежь, за тѣмъ будущее. Напрасно только питать эту обманчивую вѣру. Ни молодежь, ни будущее никому не даются въ плѣнъ, и сами находятъ свои пути туда, куда ихъ манитъ, хотя бы все было сдѣлано, чтобы имъ преградить дорогу.

Коснусь еще двухъ пунктовъ, которые характерны для развитія государства въ XIX вѣкѣ: націонализации государства и прогрессирующаго расширенія и углубленія государственной дѣятельности. Въмѣсто гуманистическаго космополитизма, царившаго въ XVIII столѣтїи во взглядахъ образованнаго общества, господствующимъ тономъ въ XIX вѣкѣ становится все рѣзче и рѣзче сказывающееся національное сознание, которое нерѣдко переходитъ въ фанатическій, презирающій и ненавидящій все иноземное націонализмъ. Всѣ націи, даже самая крохотная и бѣдная (и такія-то, пожалуй, всего сильнѣе), стремятся теперь замкнуться въ самостоятельное цѣлое и стыдятся вліянія чужого языка и чужой культуры, нерѣдко съ такой болѣзненностью, какъ будто бы границы между добромъ и зломъ, между правдой и неправдой, совпадали съ границами національностей. Это стоитъ въ связи съ образованіемъ послѣднихъ большихъ національныхъ государствъ въ средней Европѣ: нѣмецкій и итальянскій народъ, которые, благодаря роковому для нихъ стеченію историческихъ обстоятельствъ, цѣлые вѣка оставались политически раздроблены, должны были добиваться государственнаго своего единства цѣною долгой и тяжелой борьбы. Напряженность національнаго чувства въ Германіи, появившаяся во время войнъ противъ Наполеоновскаго владычества и приведшая къ цѣли въ эпоху Бисмарковскихъ войнъ, вызвала такую же напряженность и у другихъ народовъ, особенно, у восточно-европейскихъ націй, которыя раньше были доступны вліянію нѣмецкаго языка и культуры, при чемъ это сопровождается, по большей части, развитіемъ прямой

враждебности къ нѣмецкому народу и къ нѣмецкому языку.

Другая сторона— прогрессирующее расширение и углубленіе государственной дѣятельности—не менѣе бросается въ глаза у всѣхъ народовъ, особенно же опять-таки въ Германіи. Еще въ XVIII столѣтіи, государство, если не въ теоріи, то въ дѣйствительности, ставило себѣ высшей и почти единственною цѣлью свое могущество: оно больше всего заботилось о боевыхъ силахъ, затѣмъ пеклось объ увеличеніи населенія и о богатствѣ, и только косвенно интересовалось повышеніемъ уровня культуры, развитіемъ наукъ и общаго образованія. Въ XIX вѣкѣ государство обращается въ универсальное культурное учрежденіе, для котораго поднятіе націи на лѣстницѣ нравственнаго и вообще человѣческаго совершенства является самодовлѣющей цѣлью. Фихте и Гегель мыслью своею были здѣсь путеводителями дѣйствительности: они первые стали видѣть въ государствѣ не только боевую и полицейскую организацію; они стали учить, что государство есть учрежденіе, воплощающее въ себѣ идею нравственности. Въ двухъ пунктахъ особенно ясно сказывается такая перемена: во-первыхъ, въ дѣлѣ народнаго воспитанія и, во-вторыхъ, въ соціальной политикѣ. Идея, господствующая въ области народнаго воспитанія, такова: государство, какъ организованная нація, обязано доставлять всѣмъ своимъ членамъ, ради нихъ самихъ и ради достоинства націи, необходимыя средства для духовно-нравственнаго развитія. Великое расширение области общественной организаціи этого дѣла и поразительный ростъ того, что дѣлается для образованія и воспитанія, явились слѣдствіемъ этой

идеи. Германія шла здѣсь впереди и мало-по-малу принудила другія страны вступить на тотъ же путь. Вторымъ побѣгомъ отъ того же корня явилась за послѣднее людское поколѣніе социальная политика. Въ ея основѣ лежитъ подобная же идея: отвѣтственность организованной въ государство націи за сохраненіе непрерывной производительной энергіи среди всѣхъ ея членовъ, особенно среди социальнао слабѣйшихъ, путемъ охраны противъ хищнической эксплуатаціи рабочей силы, путемъ поддержки при опасныхъ кризисахъ и, наконецъ, путемъ призрѣнія рабочихъ инвалидовъ.

Германія въ XIX столѣтіи стала между европейскими народами во главѣ образовательнаго движенія. Ея университеты стали центрами научной работы для всего свѣта; въ нихъ стекаются слушатели со всѣхъ концовъ земли, и они служатъ образцомъ для высшихъ школъ въ другихъ странахъ, какъ то особенно ясно видно на американскихъ университетахъ. И въ области народной школы, равно какъ въ области техническихъ учебныхъ заведеній, Германія сдѣлалась учительницей Европы. Но это обусловливается въ значительной мѣрѣ тѣмъ, что нѣмецкій народъ самъ чрезвычайно долго и усердно учился у другихъ народовъ, благодаря чему онъ и пріобрѣлъ исключительную универсальность образованія. Въ XV и въ XVI вѣкѣ онъ перенесъ къ себѣ изъ Италіи старо-гуманистическое образованіе; въ XVII и въ XVIII вѣкѣ онъ усвоилъ французскій языкъ и новое придворное французское образованіе; при этомъ во второй половинѣ XVIII вѣка онъ далъ у себя права гражданства англійской философіи, наукъ и литературѣ, созданной тамъ работою

«третьяго сословія»; наконецъ, съ исхода XVIII вѣка онъ стремился внутренно проникнуться греческимъ духомъ съ такою страстностью, какъ ни одинъ другой народъ. Такъ приобрѣло нѣмецкое образованіе свое богатство содержаніемъ, широту и разносторонность интересовъ, и вообще полифоническій характеръ, ясно отличающій его отъ болѣе замкнутого и односторонняго образованія другихъ народовъ. Числомъ иностранныхъ языковъ, которые у насъ изучаются, и числомъ лицъ, которыя ихъ изучаютъ, ясно обрисовывается посредническая роль Германіи между культурами востока и запада, юга и сѣвера.

Дѣлится исторію образованія въ XIX вѣкѣ приходится на три трети. Первая треть: эпоха преобразованія и дѣятельнаго устройства всѣхъ учебныхъ заведеній, отъ университета до народной школы. Вторая треть, которая обнимаетъ сороковые, пятидесятые и шестидесятые годы, представляетъ собой періодъ застоя и репрессіи, совпадающій съ политическими бурями революціи и реакціи; характерной его чертою служитъ подозрительность, проявляемая правителями по отношенію къ народу и къ народному образованію. Третья треть, которая начинается съ политическаго возвышенія Германіи, является періодомъ новаго бодрого движенія впередъ какъ въ другихъ областяхъ, такъ и въ дѣлѣ образованія. Возстановленіе довѣрія между государствомъ и народомъ внушаетъ новое довѣріе и къ народному образованію—къ той истинѣ, что всякое возвышеніе умственныхъ и нравственныхъ силъ отдѣльной личности есть выигрышъ для общественнаго цѣлаго.

ГЛАВА II.

Развитіе образованія въ XIX столѣтіи.

Въ заключительной главѣ предыдущей книги мы очертили міръ идей, въ которомъ жилъ нѣмецкій народъ на переходѣ отъ XVIII къ XIX вѣку: то были высокія идеи о человѣческомъ достоинствѣ и о соотвѣтственномъ ему образованіи, глашатаями которыхъ являлись Кантъ и Фихте, Гёте и Шиллеръ. Теперь мы перейдемъ къ переустройству заново всѣхъ образовательныхъ учреждений, произведенному въ первыя десятилѣтія новаго вѣка. Просторъ для этого былъ данъ наслѣдникомъ и душеприказчикомъ революціи—Наполеономъ, который страшнымъ ударомъ опрокинулъ весь старый строй нѣмецкихъ государственныхъ отношеній. Чтобы безъ надобности не пестрить изложенія, я остановлюсь здѣсь, главнымъ образомъ, на Пруссіи, такъ какъ именно въ нашей области эта страна безспорно заняла въ новомъ вѣкѣ роль руководящаго нѣмецкаго государства—въ хорошую и въ худую сторону. Изъ всѣхъ европейскихъ государствъ Пруссія при столкновеніи съ Наполеономъ потерпѣла самое тяжкое поражение: все государственное зданіе ея рухнуло сразу. Такъ оказалась возможной и необходимой полная его перестройка. Она была произведена въ десятилѣтіе, послѣдовавшее за битвой при Іенѣ: то было десяти-

лѣтіе напряженнѣйшей и плодотворнѣйшей работы. «Всѣ были одушевлены тогда,—какъ говорить въ одномъ мѣстѣ Шёнъ¹⁾,—пламеннымъ стремленіемъ все кругомъ сдѣлать лучше и сдѣлаться самимъ лучшими людьми, чтобы вновь стать достойными лучшаго жребія». Во главѣ становятся лучшіе люди Германіи, поистинѣ благороднѣйшіе представители націи: назову барона фонъ-Штейна, Шарнгорста и Вильгельма фонъ-Гумбольдта. Штейнъ создалъ новую государственную организацію: начавъ съ введенія городского самоуправления и съ освобожденія крестьянъ, онъ имѣлъ въ виду положить въ основу всего государственнаго строя самодѣятельность свободныхъ гражданъ. Шарнгорстъ создалъ новое народное войско: построенное на всеобщей воинской повинности, оно выражало собой ту же идею—идею государства, зиждущагося на волѣ и силѣ своихъ свободныхъ гражданъ, которые въ случаѣ вражескаго вызова отстаиваютъ его существованіе съ оружіемъ въ рукахъ. В. фонъ-Гумбольдтъ создалъ новую систему образованія: она построена была на принципѣ—воспитаніе къ самостоятельности путемъ самодѣятельности.

В. фонъ-Гумбольдтъ (1767—1835) — личность въ высшей степени замѣчательная и только въ ту эпоху, пожалуй, и возможная: онъ былъ одновременно и философъ, и ученый, и лингвистъ, и государственный дѣятель. Въ немъ жили всѣ тен-

1) Генр. Теодоръ Шёнъ, видный прусскій государственный дѣятель первой половины XIX вѣка, оставилъ Мемуары, которые служатъ однимъ изъ главныхъ источниковъ для знакомства съ эпохой великихъ реформъ въ Пруссіи.

денці новаго вѣка. Онъ росъ и получилъ свое образованіе въ Берлинѣ эпохи Просвѣщенія. Затѣмъ подъ руководствомъ Гейне онъ въ Геттингенѣ изучаетъ классическую древность; занятія Кантовскою философіей обогащаютъ его новыми философскими идеями; онъ тѣсно сближается съ Шиллеромъ и съ Фр. Авг. Вольфомъ и центръ своихъ умственныхъ интересовъ находитъ въ античномъ мірѣ: вживаясь духомъ въ древнюю Грецію, онъ стремится постичь, что представляетъ собою человѣкъ, какъ таковой,— постичь идею человѣка. Проведя цѣлый рядъ лѣтъ въ Римѣ прусскимъ посланникомъ при папскомъ дворѣ, онъ въ началѣ 1809 года вернулся въ Пруссію, чтобы стать во главѣ только что преобразованнаго вѣдомства народнаго просвѣщенія; ближайшими его сотрудниками въ этомъ вѣдомствѣ являлись Николовиусъ и Зюфернъ. Недолго пробылъ Гумбольдтъ на этомъ своемъ посту (только до 23 іюня 1810 г.), но и за столь короткое время онъ успѣлъ пропитать новыми идеями и перестроить на новыхъ началахъ все дѣло образованія въ государствѣ. Университеты, гимназіи и народная школа въ эту именно пору получили то направленіе, которому, съ кое-какими колебаніями и приспособленіями, они остались вѣрны все столѣтіе.

Но прежде, чѣмъ перейти къ подробностямъ, напомнимъ еще разъ общественное настроеніе этой эпохи. Это было время того напряженнаго возбужденія, того страстнаго энтузіазма, какой мы слышимъ у Фихте въ его «Рѣчахъ къ нѣмецкой націи». Никогда мысли объ облагороженіи всего человѣческаго существованія не волновали сильнѣе умы людей. Здѣсь продолжается сказываться въ извѣстной мѣрѣ тотъ же

энтузіазмъ, который въ началѣ Революціи охватилъ было всѣ сердца; только теперь могучее возбужденіе національнаго чувства направило его къ болѣе узкимъ, зато и къ болѣе доступнымъ, болѣе осязательнымъ цѣлямъ. Вырвала же Революція французскій народъ изъ того тупого и жалкаго существованія, которое онъ влачилъ при старомъ порядкѣ, и, разбивъ сковывавшія его жизнь цѣпи, дала возможность развиться въ немъ тѣмъ богатырскимъ силамъ, которыя подъ предводительствомъ Наполеона сокрушили старую Европу. Такъ надо возродить, тѣмъ же путемъ глубокаго внутренняго обновленія, и опустившуюся, повидимому, безнадежно нѣмецкую націю, давъ ей вмѣстѣ съ этимъ силу и политически возстановиться. А это признавалось кровнымъ интересомъ не только одного нѣмецкаго народа, но и всего человѣчества. Всѣ были убѣждены въ томъ, что самобытная Германія необходима для поступательнаго движенія человѣчества, и это убѣжденіе, которое съ свойственнымъ ему глубокимъ паэосомъ мысли развиваетъ въ своихъ «Рѣчахъ» Фихте, придавало патріотическому движенію особый, близкій къ религіозному характеръ. А чтò необходимо, то и возможно,—такъ говорила эта стремительная эпоха, и эта несокрушимая увѣренность въ истинѣ такого положенія опять-таки составляетъ одну изъ отличительныхъ ея чертъ. Это—та самая идея свободы, которой училъ Кантъ, говоря: «Ты можешь, ибо ты долженъ», которую проповѣдывали Шиллеръ и Фихте: «Силой идей преобразовывать дѣйствительность—таково дѣло, такова истинная задача человѣка на землѣ; для воли же, увѣренной въ себѣ и въ своей задачѣ, невозможнаго не существуетъ». И

словно живое эмпирическое оправданіе подобной вѣры во всемогущество воли стоялъ передъ глазами этого поколѣнія великій Корсиканецъ, который зажалъ въ своемъ кулакѣ Европу и лѣпилъ изъ нея, что ему было угодно. Такъ развѣ то, что оказалось исполнимо для грубаго, безыдейнаго произвола, могло быть неисполнимымъ для воли, опредѣляемой необходимыми идеями разума? Значить,—таково общее заключеніе, къ которому приводитъ ходъ этическихъ, политическихъ и педагогическихъ размышлений—все дѣло въ насъ, въ непреклонности нашей воли, и, если она окажется достаточно тверда, то нѣтъ помѣхъ тому, чтобы провести въ дѣйствительную жизнь идеи новаго, болѣе возвышеннаго чловѣческаго образованія и тѣмъ открыть новую, великую эпоху въ исторіи чловѣчества.

I. Университеты.

Съ открытія Берлинскаго университета (1810 г.) начинается новый отдѣлъ въ исторіи университетскаго дѣла. Университетъ этотъ—всецѣло созданіе В. фонъ-Гумбольдта. Задуманный при самомъ тяжеломъ внѣшнемъ положеніи государства, онъ сразу надѣленъ былъ значительными средствами, совсѣмъ не въ соотвѣтствіи съ царившей тогда бѣдностью, такъ какъ онъ съ самаго начала былъ предназначенъ стать центромъ нѣмецкой науки. Это—непреходящій памятникъ энергіи и вѣры въ себя, съ которой вновь поднималось на ноги поверженное государство, а также того духа, которымъ оно при этомъ дышало. Король самъ однажды опредѣлилъ этотъ духъ въ такихъ словахъ: «Прусское государ-

ство потери свои въ силѣ физической должно возмѣстить силами духовными». Съ первыхъ своихъ шаговъ новый университетъ стянулъ въ себѣ самыя крупныя ученныя силы: въ числѣ его духовныхъ основателей были Шлейермахеръ и Фихте. Физиономія его въ первыя десятилѣтія опредѣлялась, главнымъ образомъ, науками о древнемъ мірѣ и спекулятивной философіей.

Берлинскій университетъ явилъ собой при этомъ новый типъ университета вообще. Положенная въ его основу новая идея состояла въ томъ, что университетъ долженъ быть безусловно и прежде всего мѣстомъ свободной научной работы. Уже университеты XVIII вѣка, съ Галле и Гёттингеномъ впереди, стали дѣлать шаги въ этомъ направленіи. Но по основному своему строю они все же оставались, главнымъ образомъ, «высшими школами». Настоящей задачей профессора было преподаваніе; научныя же изслѣдованія считались только побочнымъ дѣломъ. Такъ точно и студенческая работа сводилась почти исключительно къ усвоенію того, что давали лекціи. Въ Берлинѣ требованіе, чтобы профессоръ былъ выдающимся дѣятелемъ въ какой-нибудь области науки, выдвигается съ самаго начала на первый планъ, вопросъ же о преподавательскихъ способностяхъ отодвигается на второй; или, вѣрнѣе, въ Берлинѣ былъ усвоенъ тотъ взглядъ на дѣло, что выдающійся ученый, человекъ науки, всегда окажется, въ конечномъ счетѣ, и самымъ лучшимъ, самымъ серьезнымъ и вліятельнымъ преподавателемъ. Ибо теперь и самая задача ученья въ университетѣ понимается иначе: цѣлью его признается не усвоеніе энциклопедиче-

скихъ познаній или догматическихъ положеній, а самостоятельное уразумѣніе сути науки, постиженіе ея идей и сильное приобщеніе къ работѣ въ ней. На этомъ сходятся Фихте и Шлейермахеръ, которые вообще исходили изъ очень различныхъ точекъ зрѣнія, и это стало съ той поры руководящею идеей университетскаго дѣла въ Германіи. Вмѣстѣ съ этимъ и отношеніе университета къ государству принципиально опредѣляется совсѣмъ по-новому. Для школы, даже для высшей школы, учебные планы и программы могутъ быть устанавливаемы правительствомъ; напротивъ, научная работа не терпитъ получаемыхъ отъ начальства предписаній, только при полной свободѣ можетъ она итти успѣшно; установленіе задачъ и цѣлей, способовъ и путей научнаго умозрѣнія и изслѣдованія должно быть предоставлено собственному усмотрѣнію каждаго. Задача государства здѣсь сводится къ тому, чтобы доставлять необходимыя для работы средства и устанавливать чисто внѣшній порядокъ, въ которомъ должна итти совмѣстная работа мастеровъ науки и посвящаемыхъ въ ея тайны молодыхъ учениковъ. Такъ Гумбольдтъ и представляетъ дѣло (въ своей запискѣ 1810 г.): «Государство не должно относиться къ университетамъ ни какъ къ гимназіямъ, ни какъ къ спеціальнымъ школамъ. Оно вообще не должно ничего требовать отъ нихъ непосредственно и прямо для себя, а должно проникнуться тѣмъ внутреннимъ убѣжденіемъ, что, достигая своихъ конечныхъ цѣлей, университеты тѣмъ самымъ отвѣчаютъ и его конечнымъ цѣлямъ, и отвѣчаютъ съ высшей точки зрѣнія, откуда открывается гораздо болѣе широкой горизонтъ, при чемъ въ ихъ распоряженіи находятся такіе

рычаги и силы, какими не располагаетъ само государство».

Замѣчательное совпаденіе. Только что передъ тѣмъ (въ 1808 г.) Наполеонъ создалъ новую организацію французскихъ высшихъ школъ. Здѣсь былъ послѣдовательно проведенъ противоположный принципъ—система отдѣльныхъ факультетовъ, какъ спеціальныхъ школъ для подготовки, по строго определеннымъ требованіямъ, врачей, чиновниковъ и судей. Программы занятій и экзаменовъ устанавливаются государствомъ. Профессоръ является преподавателемъ и экзаминаторомъ, а не ученымъ, и всячески стѣсняется въ своей свободѣ. И вотъ, въ тотъ самый моментъ, когда побѣдитель при Іенѣ подчиняетъ все высшее образованіе во Франціи регламенту, побѣжденный имѣетъ мужество пойти другимъ путемъ и довѣрить образованіе своихъ должностныхъ лицъ свободной наукѣ; опять безсмертное свидѣтельство мужественной вѣры въ себя и въ идею правды и свободы. То обстоятельство, что черезъ два поколѣнія французскій народъ предпринялъ реорганизацію своихъ высшихъ школъ по образцу нѣмецкихъ университетовъ, мы можемъ считать очень внушительнымъ доводомъ въ пользу превосходства идеи университетской свободы надъ принципомъ регламентаціи.

Новый Берлинскій университетъ всего явственнѣе отражаетъ въ себѣ тотъ идеалъ, къ которому въ новомъ столѣтіи стремятся нѣмецкіе университеты,—идеалъ учрежденія для научнаго изслѣдованія и дѣйствительно научнаго преподаванія. Рядъ университетовъ, реорганизованныхъ и вновь основанныхъ въ ту же эпоху, — назову университеты въ Бре-

славѣ (1811 г.), въ Боннѣ (1818 г.), въ Мюнхенѣ (1826 г.),—идуть за Берлиномъ; другіе, старые и одряхлѣвшіе, оканчиваютъ свой вѣкъ, большею частью вмѣстѣ съ тѣми государственными образованіями, которымъ они принадлежали. Съ преподаванія все больше и больше стирается школьный его характеръ. Дальнѣйшее развитіе среднихъ школъ, а именно удлиненіе курса ученія въ нихъ и повышеніе ихъ образовательнаго уровня, введеніе экзамена зрѣлости и связанное съ нимъ повышеніе средняго возраста студентовъ,—все это идетъ навстрѣчу измѣненію университетскаго преподаванія въ смыслѣ болѣе строгой научности. Лекціи, носившія прежде, особенно на философскомъ факультетѣ, характеръ скорѣе общеобразовательный, начинаютъ принимать характеръ болѣе спеціальный. Съ этимъ связано, далѣе, развитіе научныхъ семинаріевъ, постепенно распространяющихся на всѣ предметы университетскаго преподаванія. Учрежденія эти ставятъ себѣ задачей вводить студентовъ въ методы науки: изъ семинаріевъ выходятъ диссертациі, первыя пробы болѣе или менѣе самостоятельной научной работы.

Эта перемѣна въ характерѣ преподаванія прежде всего сказалась на философскомъ факультетѣ. До сихъ поръ онъ былъ факультетомъ общеобразовательнымъ или низшимъ: назначеніемъ его было дополненіе и углубленіе школьныхъ знаній студентовъ, готовившихся поступить на «высшіе факультеты», главнымъ образомъ, на теологическій и юридическій. Теперь онъ становится такимъ же самостоятельнымъ спеціальнымъ факультетомъ, какъ и другіе, со своей собственной задачей, которая состоитъ въ научной подготовкѣ учителей для новыхъ гимназій. Но такъ

какъ подготовка эта не есть подготовка къ настоящей «практической» профессіи, каковы профессіи медика, юриста или теолога,—задачей гимназическаго учителя является не приложеніе науки къ практикѣ, а ея прямое распространеніе, хотя бы и въ элементарномъ видѣ,—то именно философскій факультетъ и дѣлается научнымъ факультетомъ по преимуществу ¹⁾. Здѣсь раньше всего получили право гражданства какъ болѣе спеціальныя курсы, такъ и семинаріи. Впереди шли филологи подъ предводительствомъ Фр. Авг. Вольфа; они стремились создавать не учителей, а ученыхъ. Они заявили, что нельзя обучать учительскому искусству только какъ таковому; кто самъ владѣетъ наукою, тотъ сумѣетъ и передать ее—предпосылка эта принималась и здѣсь. На тотъ же путь перешли затѣмъ представители и другихъ спеціальностей: математики, физики, историки, неофилологи; всѣ они стремятся къ тому, чтобы готовить не школьныхъ учителей по данной спеціальности, а самостоятельныхъ ученыхъ, «которые бы двигали дѣло дальше». И здѣсь въ работѣ преподаванія на первый планъ выступаютъ семинаріи и институты, гдѣ студентамъ сообщаются методы изслѣдованія.

Такъ произошло то, что философскій факультетъ занялъ въ нѣмецкихъ университетахъ руководящую роль,—и въ смыслѣ самой науки, и въ смыслѣ формъ ея преподаванія. Отъ наукъ филологическихъ и историческихъ заимствуютъ свою теорети-

1) Философскій факультетъ въ нѣмецкихъ университетахъ соотвѣтствуетъ нашимъ филологическому и естественному факультетамъ сразу.

ческую основу теологія и юриспруденція, т. - е, иначе, науки о религіи и о правѣ, которыя сплошь опираются на филологическія и историческія изслѣдованія; естественныя же науки—физика, химія, біологія—представляютъ собой фундаментъ для медицины, которая всюду примѣняетъ ихъ методы и результаты. Что касается теологіи и юриспруденціи, то можно даже сказать, что благодаря развитію, пройденному ими въ теченіе XIX в., онѣ просто являются теперь спеціальными отраслями историко-филологическихъ наукъ, изъ которыхъ онѣ выдѣлены и перенесены на особые факультеты только случайно, по чисто практическимъ соображеніямъ. Старая догматическая конструкція этихъ наукъ мало-по-малу уступила мѣсто историческому ихъ пониманію: теологія теперь не прежняя система абсолютныхъ догматовъ о Богѣ и о мірѣ, о Троицѣ и о вочеловѣченіи, а историческая наука о христіанской религіи; юриспруденція уже не система догматовъ естественнаго или положительнаго права, а историческая наука о развитіи права,—будь то римскаго или германскаго,—до формъ его въ настоящее время, которыя лишь условно являются послѣднею фазою этого развитія. Въ связи съ этимъ, и методы преподаванія на этихъ факультетахъ становятся такими же, какъ на философскомъ: спеціальныя курсы и научныя семинаріи и здѣсь завоевываютъ все больше и больше мѣста. Правда, здѣсь спеціализація не можетъ итти такъ же далеко; этому препятствуетъ преслѣдуемая изученіемъ теологіи и юриспруденціи практическая цѣль, между прочимъ, сказывающаяся и въ экзаминаціонныхъ программахъ. Но какова основная тенденція преподаванія на этихъ факуль-

татахъ, объ этомъ достаточно свидѣтельствуеть не разъ повторявшееся за послѣднее время требованіе, чтобы теологическій факультетъ превращенъ былъ въ факультетъ религіозно-научный, который относился бы къ различію между христіанской и другими религіями нейтрально. Насколько же медицинскій факультетъ по методамъ изслѣдованія и преподаванія близокъ къ естественнымъ наукамъ, ясно уже изъ того, что раньше долгое время онъ шелъ впереди ихъ и указывалъ имъ путь ¹⁾.

Таковъ общій характеръ, принятый нѣмецкими университетами въ XIX вѣкѣ. Недостатокъ мѣста не позволяетъ мнѣ остановиться болѣе подробно на отдѣльныхъ фазахъ ихъ развитія. Замѣчу только, что въ общемъ развитіе это, несомнѣнно, поступательное. Тѣмъ не менѣе, и здѣсь легко различить отмѣченныя выше три трети столѣтія.

Первая треть въ общей сложности характеризуется непрерывнымъ и быстрымъ подъемомъ университетовъ, которому неблагопріятныя политическія условія не могутъ воспрепятствовать, какъ тяжело ни отражаются они на томъ или другомъ университетѣ въ отдѣльности. Политическія репрессіи и преслѣдованія сообщаютъ въ этотъ періодъ нѣмецкимъ уни-

1) Еще въ XVIII столѣтіи «физика» (т.-е. всѣ естественно-научныя дисциплины) входила въ «медицину» и преподавалась только на медицинскомъ факультетѣ. Такъ, на примѣръ, знаменитый Линней былъ профессоромъ медицины въ Упсальскомъ университетѣ и на ряду съ ботаникой читалъ тамъ лекціи и по семіотикѣ, и по діагностикѣ, и по другимъ чисто медицинскимъ предметамъ. Сравни англійское *physi-
cian*—врачъ.—Для связи же естествознанія и медицины въ XIX столѣтіи довольно вспомнить хотя бы одно имя—

верситетамъ, ихъ преподавателямъ и студентамъ такое внутреннее достоинство и такую стойкость, а вмѣстѣ и такую популярность, какими они не обладали ни раньше, ни позднѣе. Цѣлый рядъ выдающихся людей въ теченіе этихъ десятилѣтій указаль научной работѣ цѣли, а умственной жизни сообщилъ импульсы, которые продолжаютъ оставаться въ силѣ и по сей день.

Въ теченіе второй трети и здѣсь сказывается тотъ застой въ общественной жизни, о которомъ говорилось выше. Ростъ университетовъ замедляется, число студентовъ уменьшается; готовность снабжать университеты средствами падаетъ. Отношеніе къ нимъ всюду становится натянутымъ или даже прямо враждебнымъ. Что касается развитія внутренней жизни университетовъ, то спекулятивная философія и новогуманистическая филологія теряютъ то мѣсто, которое онѣ занимали до сихъ поръ. Вѣра въ возможность разрѣшить по-гегелевски, путемъ чистаго мышленія, великую загадку дѣйствительности исчезла, смѣнившись чувствомъ глубочайшаго разочарованія, а энтузіазмъ къ эллинизму вынужденъ былъ отступить передъ интересомъ къ жгучимъ вопросамъ современности. Лозунгомъ, который въ серединѣ столѣтія становится въ университетахъ господствующимъ, является трезвое, точное изслѣдованіе. Естественныя науки, основанныя на математикѣ и на экспериментѣ, начинаютъ пользоваться все большимъ и большимъ почетомъ. Отъ нихъ уже, а не отъ спекулятивной натурь-философіи начинаетъ теперь ждать всей истины и всяческаго блага и общее образованіе. Тѣмъ же духомъ проникаются и гуманитарныя науки Историческое изслѣдованіе принимается за грандіозныя,

исчерпывающія изданія источниковъ, за разработку архивовъ, за собираніе подписей, за составленіе всякаго рода научныхъ пособій; точность въ работѣ и критическій смыслъ—таковы теперь главныя требованія, предъявляемыя къ историку. Теологія и юриспруденція тоже пошли по этому пути—поскольку онѣ не предпочли отдаться «позитивизму», въ смыслѣ ограниченія кругозора однимъ лишь признаннымъ порядкомъ вещей.

Послѣдняя треть столѣтія приноситъ съ собою необычайный подъемъ въ общественной жизни нѣмецкаго народа, объединеннаго теперь Германскою имперіей въ одно политическое цѣлое, и вызываетъ колоссальный ростъ народнаго могущества и богатства. Обильнѣе стали притекать средства и къ университетамъ, тѣмъ болѣе, что растущее благосостояніе проявляется и въ чрезвычайномъ увеличеніи числа студентовъ. Новыми научными институтами шире всего обеспечили себя при этомъ факультеты естественный и медицинскій, которые теперь, особенно въ большихъ университетскихъ центрахъ, занимаютъ собой цѣлые городскіе кварталы. Характерно при этомъ, что и естественно-научные институты все болѣе и болѣе вступаютъ въ тѣсную связь съ техникой, въ частности институты химическіе; наука прямо становится здѣсь золотымъ дномъ. На преподавательскомъ составѣ университетовъ ростъ наукъ вширь отражается въ смыслѣ непрерывнаго увеличенія числа каедръ при соответственномъ суженія областей преподаванія, а обыкновенно и области изслѣдованія; научная работа настоящаго времени вся проникнута духомъ спеціализаціи. Видѣть это можно на всѣхъ факультетахъ, но рѣзче всего на философ-

скомъ; на обоихъ его отдѣленіяхъ, естественно-научномъ и гуманитарномъ, одинаково происходитъ процессъ непрерывнаго дробленія научныхъ предметовъ 1).

1) Нѣсколько статистическихкихъ данныхъ, можетъ-быть, будутъ здѣсь не безынтересны для читателя. Заимствую ихъ изъ книги В. Лексиса: «Университеты Германской имперіи» (1904 г.).

Общая сумма доходовъ Прусскихъ университетовъ равнялась

	1865 (68) г.	1903 г.
Берлинъ	590.361	3 406.918
Боннъ	485.181	1.441.990
Бреславль	365.937	1.615.575
Гёттингенъ . . .	819.164	1.407.154
Грейфсвальдъ . .	257.400	1.040.927
Галле	399.854	1.861.860
Киль	304.266	1.220.683
Кёнигсбергъ . . .	296.991	1.239.725
Марбургъ	239.451	1.017.545
Мюнстеръ	58.395	536.594
	<hr/>	<hr/>
	3.807.000	14.788.968 марокъ.

Число учащихся во всѣхъ германскихъ университетахъ равнялось:

Годъ.	Всего	Теолог. фак.	Юрид. фак.	Мед. фак.	Филос. фак.
1830	15.870	6.076	4.502	2.355	2 937
1850	12.426	3.006	4.386	1.932	3.102
1903	37.677	3.777	11.747	6.948	15.205

Такъ разрослись университеты въ нынѣшнія необъятныя учрежденія, въ которыхъ лишь съ трудомъ можно узнать прежнюю высшую школу, какою она была до конца XVIII столѣтія, съ нѣсколькими десятками преподавателей и нѣсколькими тысячами талеровъ годового дохода. Численность преподавательскаго персонала, особенно на прежнихъ «низшихъ» факультетахъ, удесятирилась, а кое-гдѣ поднялась и еще больше; директора институтовъ окружены цѣлымъ штабомъ ассистентовъ, хранителей, чиновниковъ и служащихъ. Отсюда уже вытекаетъ, что о какомъ-либо начальственномъ регулированіи научной стороны дѣла, въ томъ родѣ, какъ оно въ самыхъ широкихъ размѣрахъ практиковалось еще XVIII столѣтіемъ, теперь не можетъ быть помина. Академическая свобода, въ общемъ, никогда не была такъ велика, какъ теперь, и меньше всего въ эпоху средневѣковыхъ ученыхъ корпорацій, когда мысль, и безъ того уже связанную церковнымъ авторитетомъ, тѣснило еще корпоративное соперничество. Лишь кое-гдѣ, больше всего на теологическомъ факультетѣ, дѣлаются иногда попытки оказать на воспитаніе мысли вліяніе хотя бы отборомъ препода-

Число профессоровъ ординарныхъ и экстра-ординарныхъ въ германскихъ университетахъ равнялось:

Годъ.	Теолог. фак	Юрид. фак.	Медиц. фак.	Философск. факульт.
1840	151	140	201	394
1860	137	127	194	465
1900	215 (+9)	188 (+12)	443 (+19)	894 (+52)

давателей, но и здѣсь требованіе отбора по «направленію» идетъ собственно изъ сферъ придворныхъ, синодальныхъ и парламентскихъ, вѣдомству же народнаго просвѣщенія навязывается извнѣ. Тѣ же общественные круги не прочь при случаѣ послѣдить и за тѣмъ, какъ замѣщаются каѳедры по политической экономіи и по философіи. Въ томъ, чтобы не допустить такихъ вліяній, учебное вѣдомство заинтересовано не меньше самихъ университетовъ. Другой вопросъ, возросла ли вмѣстѣ съ указаннымъ внѣшнимъ подъемомъ университетовъ и внутренняя независимость отдѣльныхъ представителей университетской науки. На этотъ вопросъ я не рѣшился бы отвѣтить безусловно утвердительно. Деньги, титулы, ордена въ настоящее время играютъ гораздо большую роль, чѣмъ въ первой половинѣ XIX столѣтія, а разъ алчность къ такимъ вещамъ растетъ, усиливается, надо полагать, и вытекающее изъ ея природы дѣйствіе, т.-е. понижается способность сопротивленія у получающихъ и уваженіе къ принимающимъ у раздающихъ.

Укажу еще одинъ пунктъ. Для учащихся, для тѣхъ, по крайней мѣрѣ, которые не видятъ своего призванія въ научной работѣ, какъ таковой, упомянутый ходъ развитія университетскихъ занятій создаетъ извѣстныя трудности, неудобства. Самый характеръ службы или профессіи требуетъ отъ учителя, отъ врача, отъ судьи, отъ священника образованія болѣе энциклопедическаго, охватывающаго собою весь кругъ соотвѣтственныхъ наукъ. Но получить такое образованіе становится все труднѣе по мѣрѣ того, какъ число самостоятельныхъ дисциплинъ возрастаетъ, а преподаваніе, особенно въ семинаріяхъ,

дѣлается все спеціальнѣе. Студенту грозитъ опасность или потеряться во множествѣ разнородныхъ предметовъ, которые привлекаютъ его вниманіе. или же, цѣликомъ сосредоточившись на одной спеціальности, потерять связь съ цѣлымъ даже въ своей собственной наукѣ. Не подлежитъ сомнѣнію, что требованіямъ, которыя университетъ ставитъ студенту, гораздо легче было удовлетворить въ XVIII в., когда всѣ отрасли естествознанія преподавалъ одинъ и тотъ же физикъ, всю исторію—одинъ и тотъ же историкъ, и когда каждый теологъ и каждый юристъ читалъ лекціи по всѣмъ дисциплинамъ своего факультета. Къ тому же надо замѣтить, что тогда всѣ предметы преподавались, главнымъ образомъ, въ видѣ догматически законченныхъ системъ, между тѣмъ какъ теперь преподаваніе именно ставитъ себѣ задачей вводить учащихся въ самое теченіе никогда не заканчивающихся научныхъ изслѣдованій или учить его плавать по морю историческихъ изысканій.

Въ связи съ такимъ характеромъ развитія науки стоитъ, повидимому, и то усталое, до извѣстной степени разочарованное отношеніе къ ней, которое начинаетъ сказываться въ нашемъ обществѣ. Люди всѣмъ сердцемъ отдавались наукѣ въ твердой надеждѣ, что она приведетъ ихъ къ безусловно достовѣрному познанію дѣйствительности и даже, быть-можетъ, къ столь желанной цѣльности и строгой обоснованности міросозерцанія. И вдругъ приходится убѣдиться, что научное изслѣдованіе вѣчно дробится, что оно приноситъ намъ отвѣты только на частные вопросы, да и то безъ ручательства за полную несомнѣнность. Чтò въ историческихъ на-

укахъ можетъ считаться стоящимъ внѣ всякаго сомнѣнія, не допускающимъ возможности иного толкованія? То же самое происходитъ и съ естествознаніемъ: и здѣсь все, начиная съ основныхъ понятій и кончая периферическими, прикладными выводами, находится непрерывно въ процессѣ измѣненія.

Въ заключеніе кратко укажу еще на тотъ фактъ, что въ теченіе XIX столѣтія бокъ-о-бокъ со старыми университетами возникъ рядъ новыхъ высшихъ школъ, общій характеръ которыхъ опредѣляется тѣмъ, что наука здѣсь разрабатывается и преподается въ ея примѣненіи къ практически-техническимъ цѣлямъ. Поразительные успѣхи техники во всѣхъ областяхъ хозяйственной жизни, больше всего въ промышленности и въ транспортномъ дѣлѣ, но также и въ сельскомъ хозяйствѣ, и въ торговлѣ, вызвали новую потребность,—потребность въ научно-технической подготовкѣ, удовлетворить которой могутъ только формы преподаванія, сходныя съ университетскими. Первыми явились техническія высшія школы. Выросши изъ промышленныхъ училищъ низшаго порядка, эти школы съ середины XIX столѣтія, сначала фактически, а позднѣе и въ силу своего правового положенія и своей организаціи, заняли мѣсто рядомъ со старыми университетами, какъ учрежденія, имѣ параллельныя. Такихъ школъ въ настоящій моментъ въ Германіи десять, къ которымъ скоро должна прибавиться одиннадцатая; всѣ онѣ находятся въ большихъ городахъ, по большей части въ столицахъ отдѣльныхъ государствъ; число учащихся въ нихъ приближается ко второму десятку тысячъ. На ряду съ высшими техническими школами развились далѣе горныя и лѣс-

ныя академіи, сельско-хозяйственныя и ветеринарныя высшія школы, а въ самое послѣднее время еще высшія школы коммерческія. Такимъ образомъ, все три основныя формы хозяйственной дѣятельности—сельское хозяйство, промышленность и торговля—представлены теперь, на ряду со старыми «учеными» профессіями, также и на высшей ступени школьнаго дѣла. Что касается военнаго искусства, то техника его уже давно, еще раньше, чѣмъ въ мирныхъ занятіяхъ, сдѣлалась столь сложной, что подготовка къ офицерской карьерѣ стала требовать высшаго спеціального образованія, которое и было организовано въ военныхъ академіяхъ и въ артиллерійскихъ и инженерныхъ училищахъ ¹⁾.

II. Новая гимназія.

Все въ тотъ же короткій періодъ времени, между паденіемъ стараго государства и освободительными войнами, заложено было основаніе и новой гимназіи. И въ этой реформѣ проявляется горячая вѣра въ человѣчество и его значеніе, великое довѣріе къ человѣческой природѣ и къ возможности для нея преобразовывать себя силою идей. Освободить ученика отъ гнета прежней безжизненной учебы и вывести его на путь живого, самодѣтельнаго усвоенія наиболѣе достойнаго содержанія, т.-е. на путь истиннаго самообразованія—такова была руководящая мысль школьной реформы. Живые наглядные

¹⁾ Въ IV части изданной В. Лексисомъ работы объ учебномъ дѣлѣ въ Германской имперіи содержится общій обзоръ всей этой новой отрасли высшихъ школъ.

образцы классической древности, одновременно усвояемые чувством и волей, должны поднять восприимчивую молодежь на болѣе высокую ступень человѣческаго развитія. Но чтобы достигалось возможно полное развитіе, для юношества не должны оставаться чуждыми и цѣнныя приобрѣтенія новаго времени, въ особенности математика и физика, эти новѣйшія великія завоеванія человѣческаго ума, вкусъ къ которымъ и пониманіе которыхъ должны быть воспитаны еще въ школѣ. При этихъ условіяхъ, съ одной стороны, будетъ достигаться универсальное образованіе ума, съ другой, умственныя силы будутъ всесторонне развиваться и упражняться въ направленіи формальномъ, такъ что прошедшій такую школу можетъ считаться и достаточно подготовленнымъ ко всякимъ научнымъ занятіямъ въ университетѣ, и обладающимъ отличной умственной подготовкой къ любой дѣятельности иного рода.

И въ исторіи развитія гимназій явственно выступаютъ три части столѣтія, охарактеризованныя выше. Первая треть—періодъ радостнаго, окрыленнаго надеждами строительства и внутренней отдѣлки современной гимназій. Руководителями здѣсь являются В. фонъ - Гумбольдтъ, Зюфернъ и позднѣе Юг. Шульце; рядомъ съ ними оказываютъ свое вліяніе Фр. Авг. Вольфъ и Шлейермахеръ, позднѣе Гегель. Руководящею идеей является идея всесторонняго образованія.

Прежде всего проводятся три основныя мѣры. 1) Измѣняются требованія относительно образованія учителей. Указомъ отъ 12 іюля 1810 г. для полученія учительскаго званія устанавливается особый экзаменъ—экзаменъ *pro facultate docendi*. 1810 годъ

есть, такимъ образомъ, годъ рожденія въ Пруссіи особаго сословія гимназическихъ учителей; благодаря новому экзамену, званіе учителя отдѣлено было отъ духовнаго званія, и учителя составили самостоятельную профессиональную группу. До этого времени учителями латинскихъ школъ обыкновенно были теологи, которые смотрѣли на учительскую должность, какъ на переходную ступень къ должности пастора, и лучше оплачивавшейся, и считавшейся болѣе почетной. Образование ихъ было теологическое съ гуманистическо-философской подготовкой. Назначали ихъ на мѣста школьные патроны, обыкновенно городскія думы. Определенію на должность иногда предшествовалъ экзаменъ pro loco, производившійся суперинтендентомъ; академическая степень или свидѣтельство отъ университетскаго профессора или завѣдующаго семинаріемъ отъ него освобождали. Экзаменъ, введенный теперь, сдавался передъ особо учрежденными для этой цѣли «научными депутаціями». Образованныя при трехъ оставшихся у нашего государства университетахъ (Берлинскомъ, Бреславльскомъ, Кенигсбергскомъ), эти депутаціи, или комиссіи, имѣли своимъ назначеніемъ быть вообще совѣщательнымъ органомъ при школьномъ управленіи, въ частности же производить научныя испытанія будущимъ гимназическимъ учителямъ. Удовлетворительный результатъ такого испытанія становится теперь необходимымъ условіемъ для занятія учительской должности, и до представленія соответствующаго свидѣтельства патроны отнынѣ уже не могутъ никого выбирать и назначать. Что касается самаго экзамена, то онъ распространяется на всѣ предметы гимназическаго курса,—языки и науки,

математику и исторію. При этомъ, однако, кандидату предоставляется возможность обнаружить и свои особыя познанія въ той области, которой онъ себя спеціально посвятилъ. Цѣлью этого нововведенія было обезпечить за школой персоналъ учителей съ дѣйствительно научнымъ цензомъ: учитель гимназіи долженъ былъ обладать подготовкой большею, чѣмъ только общеобразовательная подготовка теолога; онъ долженъ былъ въ какой-либо области владѣть и настоящимъ образованіемъ ученаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ новое сословіе должно было научиться и чувствовать себя особымъ сословіемъ; члены его должны были проникнуться здоровымъ корпоративнымъ духомъ, чувствомъ сословной чести, — чести ученой корпорациі.

2) Около того же времени для гимназій выработанъ былъ новый учебный планъ; онъ составленъ былъ Зюферномъ, который воспользовался при этомъ многочисленными сдѣланными ему указаніями. Правда, до опубликованія этого плана дѣло въ то время не дошло, такъ какъ этому помѣшали вспыхнувшія вскорѣ войны. Но въ немъ мы все же имѣемъ норму, которою руководилось начальство, стараясь воздѣйствовать на отдѣльныя школы, впрочемъ, безъ чрезмѣрнаго стѣсненія ихъ свободы: этого въ то время еще избѣгали. Основной чертой новаго учебнаго плана является то, что онъ выдвигаетъ четыре согласованныхъ между собою главныхъ предмета, именно: латинскій, греческій и нѣмецкій языки и математику. Они проходятъ чрезъ весь курсъ, за исключеніемъ греческаго языка, который начинается только съ третьяго года ученья. — Общее число учебныхъ часовъ курса, который долженъ былъ

обнимать десять лѣтъ, распредѣлялось слѣдующимъ образомъ: на латинскій языкъ—76 недѣльныхъ часовъ, на греческій—50, на нѣмецкій—44, на математику — 60. Къ этому присоединено было еще 30 часовъ на исторію и географію и по 20 часовъ на естествознаніе и Законъ Божій.

Передъ нами, такимъ образомъ, уже наша современная гимназія. Прежняя латинская школа въ сущности знала одинъ только главный предметъ—латинскую элоквенцію, съ небольшою прибавкой греческаго языка. Новая гимназія стремится дать всестороннее образованіе. Грамматико - литературному образованію служатъ древніе языки и нѣмецкій; научному — математика и естествознаніе, исторія и уроки религіи. Правда, въ дѣйствительности классическіе языки на первое время все же оставались главнымъ предметомъ занятій,—уже потому прежде всего, что учителями по большей части были филологи, которые на математику и естественныя науки смотрѣли, какъ на вещи второстепенныя, а иногда и прямо видѣли въ нихъ помѣху. Преподаваніе классическихъ предметовъ было ново-гуманистическое: вмѣсто прежней цѣли, элоквенціи (которая, впрочемъ, отнюдь не была вполне оставлена), главною цѣлью теперь выставлено было проникновеніе духомъ древности, достигаемое путемъ основательнаго знакомства съ наиболѣе выдающимися древними авторами, особенно греческими. Предполагалось, что при такомъ знакомствѣ попутно само собою будетъ достигаться и желательное эстетико - литературное формальное образованіе. Методъ преподаванія измѣнился въ томъ смыслѣ, что больше мѣста отведено было самодѣя-

тельности ученика, именно въ формѣ «приготовленія» къ классному чтенію, а также домашняго чтенія по указаніямъ учителя, при чемъ требованія, по мѣрѣ учебныхъ лѣтъ, постепенно повышались. Самостоятельная филологическая работа въ миніатюрѣ становится гордостью выдающихся учениковъ

3) Третьимъ мѣропріятіемъ была новая программа выпускныхъ экзаменовъ. Она была опубликована еще въ 1812 году, т.-е. до окончательной выработки новаго учебнаго плана. Требования первой программы, изданной въ 1788 г., были въ ней расширены и опредѣлены точнѣе. Прежде всего требуется, чтобы абитуриентъ владѣлъ обоими древними языками. По греческому языку требуется, чтобы онъ вполнѣ свободно читалъ и могъ доказать это переводомъ *à livre ouvert* любого отрывка, даже драматическаго діалога; твердость въ грамматикѣ доказывается переводомъ на греческій. По латинскому языку, сверхъ того, требуется навыкъ говорить и писать на этомъ языкѣ, провѣряемый латинскимъ сочиненіемъ и устнымъ испытаніемъ. Далѣе слѣдовали нѣмецкое сочиненіе и математическая задача съ объясненіемъ и, наконецъ, устныя испытанія по всѣмъ предметамъ курса. — Введеніемъ этого экзаминаціоннаго плана ученая школы въ собственномъ смыслѣ, признанныя теперь подготовительными къ университету учрежденіями, выдѣлены были изъ массы старыхъ латинскихъ школъ; школы, которымъ предоставлялось право производить выпускные экзамены, получили названіе «гимназій». — На первыхъ порахъ оставалась еще открытой возможность попасть на академическую дорогу и помимо гимназій, выдержавши вступительный экзаменъ прямо въ университетъ. Но въ

1834 году эта лазейка была задѣлана, и съ этихъ поръ къ ученымъ профессіямъ нѣтъ иного доступа, какъ только чрезъ узкія врата испытанія зрѣлости.

Въ 1818 г. въ министерство вступилъ Іог. Шульце; онъ руководилъ средне-учебнымъ дѣломъ до 1840 г. Цѣлымъ рядомъ распоряженій онъ все-сторонне разработалъ и укрѣпилъ новую учебную организацію, точно опредѣлилъ учебныя цѣли и методы каждаго изъ предметовъ преподаванія и стремился обезпечить достиженіе этихъ цѣлей и примѣненіе этихъ методовъ путемъ организаціи правильнаго надзора со стороны членовъ провинціальныхъ коллегій (въ 1825 году провинціальныя школьныя коллегіи были отдѣлены отъ консисторіи и сдѣланы независимыми органами), а также строгими экзаменами зрѣлости. Почитатель Гегеля, онъ безусловно вѣрилъ въ идею «всесторонняго» образованія. Предметы учебнаго курса были въ его глазахъ членами одного организма, изъ которыхъ ни одинъ не можетъ отсутствовать, не причиняя организму ощутительныхъ нарушеній равновѣсія и работоспособности.

Такъ произошло въ Пруссіи преобразование старой «ученой» школы и основаніе универсальной «единой» школы. Сущность дѣла можетъ быть выражена и слѣдующимъ образомъ: заключительная часть общенаучнаго образованія перенесена была съ философскаго факультета въ курсъ средней школы. Прежде въ университетъ приносились изъ школы знаніе латинскаго языка, а иногда и элементовъ греческаго, да нѣкоторыя элементарныя познанія по математикѣ и исторіи, которыя затѣмъ въ университетѣ и расширялись сообразно склонностямъ и способностямъ

учащихся. Абитуриентъ новой гимназіи, если онъ приносилъ съ собой экзаминаціонную отмѣтку «безусловно удовлетворительно», обладалъ не только знаніемъ обоихъ древнихъ языковъ и историческо-гуманитарнымъ образованіемъ, основаннымъ на широкой начитанности, но былъ, сверхъ того, серьезно знакомъ съ элементами математики и естествознанія и вдобавокъ по школьному владѣлъ двумя новыми культурными языками. Такимъ образомъ, снабженный элементами классическаго и современнаго образованія, образованный, такъ сказать, *sub utraque* ¹⁾, онъ, поступая въ университетъ, одинаково способенъ былъ тотчасъ же приступить къ изученію любой изъ университетскихъ наукъ, такъ какъ владѣлъ филологіей и математикой, этими орудіями: первая—всякаго историческаго, вторая—всякаго естественно-научнаго познанія.

Правда, выигрышъ въ знаніяхъ доставался не даромъ. Прежде всего новая система универсализма или утравизма требовала большей затраты времени. Продолжительность гимназическаго курса въ теченіе XIX столѣтія значительно увеличилась; въ XVIII столѣтіи среднимъ возрастомъ поступленія въ университетъ были, при нормальныхъ условіяхъ, 17 и 18 годы жизни; теперь возрастъ этотъ повысился до 20 года. А такъ какъ и продолжительность университетскаго курса тоже увеличилась, то дѣятельность свою на избранномъ поприщѣ воспитанникъ университета начинаетъ въ наше время не раньше, какъ лѣтъ въ двадцать пять, а то и въ тридцать, и даже еще позднѣе,—явленіе, во многихъ и многихъ

1) Подъ обоими видами.

отношеніяхъ крайне нежелательное. Удлиненіе гимназическаго курса, кромѣ того, и само по себѣ сопряжено съ невыгодными послѣдствіями, обусловленными несоотвѣтствіемъ чисто школьныхъ формъ дисциплины и преподаванія съ возрастомъ учениковъ въ послѣднихъ классахъ. Если прежній слишкомъ ранній доступъ въ университетъ имѣлъ свои отрицательныя стороны, то ничего нѣтъ хорошаго и въ томъ, что ученики сидятъ въ гимназіи до столь поздняго возраста. Намъ именно недостаетъ англо-американскаго college'a, который, какъ переходная ступень отъ школьнаго режима къ полной академической свободѣ, представляетъ такія выгоды.

А затѣмъ слѣдуетъ еще другое неприятное явленіе, связанное съ новой системой; я имѣю въ виду то зло школьной жизни, которое подъ именемъ переутомленія въ теченіе всего XIX столѣтія является предметомъ жалобъ и доставляетъ не мало хлопотъ и учебному начальству. Впервые обвиненіе въ чрезмѣрномъ утомленіи учениковъ предъявлено было прусскою системѣ утравизма Фр. Тиршемъ, ученикомъ Готфрида Германа, преобразовавшимъ баварскія школы въ духѣ исключительнаго господства гуманистическаго классицизма. Въ тридцатыхъ годахъ послѣдовала первая атака со стороны медиковъ (Лоринзеръ); начальству удалось, положимъ, ее отбить—отвѣтомъ на нее былъ подробный учебный планъ 1837 года,—но окончательно снять вопросъ съ очереди оно уже не могло. И учебнымъ властямъ слѣдующей эпохи приходится считаться съ новою проблемой очень и очень серьезно. Что переутомленіе дѣйствительно было явленіемъ распространеннымъ, въ этомъ мы не имѣемъ права сомнѣ-

ваться; это подтверждено было множеством свидѣтельствъ изъ учительскаго и ученическаго міра. Ясны здѣсь и причины: многопредметность, система ежедневнаго задаванія и спрашиванія уроковъ, практикуемая слишкомъ долго, строгіе выпускные экзамены, равномерно распространяющіеся на всю область школьнаго знанія,—все это вмѣстѣ на болѣе слабыхъ неизбѣжно взваливало непосильное бремя, а болѣе дѣятельныя и самостоятельныя натуры наполняло недовольствомъ противъ режима, оставляющаго для свободы и свободно избранной дѣятельности слишкомъ мало простора.

Гимназическая политика слѣдующей эпохи, начинающейся со вступленія на престолъ Фридриха Вильгельма IV, отмѣчена двумя тенденціями: стремленіемъ придать школъ церковно-конфессіональный характеръ, въ противовѣсъ гуманизму, объявленному теперь анти-церковнымъ и анти-христіанскимъ, и стремленіемъ бороться съ переутомленіемъ путемъ концентраціи ученія на одномъ главномъ предметѣ. Реакція противъ Просвѣщенія и реализма принимаетъ здѣсь форму попытки вновь обратить современную гимназію въ латинскую школу XVI столѣтія. Идеаломъ средняго образованія является Меланхтоновское сочетаніе гуманизма и Евангелія, которое и противопоставляется реалистическому энциклопедизму и новозычеству Вольфа и Гумбольдта. Учебные планы 1856 года, авторомъ которыхъ былъ Л. Визе, являются выраженіемъ этихъ стремленій, хотя и очень неполнымъ: какъ и всегда, дѣйствительность оказалась мало воспримчивой къ призывамъ назадъ. Сильно урѣзано было только естествознаніе; новшество это

признано было и въ политическомъ отношеніи опаснымъ. Въ остальномъ же съ требованій современности не пришлось много скинуть. Настоящаго энтузіазма къ латинскому сочинительству въ прозѣ и въ стихахъ было мало, а ушей и сердець, открытыхъ навязчивому церковно-политическому христіанству, и того меньше.—Вниманія заслуживаетъ другая вещь на ряду съ попыткой возвратить гуманистическую гимназію къ старой простотѣ идетъ развитіе гимназіи реалистической. Учебный планъ 1859 г. есть метрическое свидѣтельство реальной гимназіи. Система утраквизма начинаетъ уступать мѣсто системѣ дуалистической. Къ подробному разсмотрѣнію этого процесса мы скоро вернемся.

Въ третьемъ періодѣ, въ Бисмарковскую эру, гимназическая политика стоитъ подѣ знакомъ идущаго все дальше приспособленія къ требованіямъ современности. Въ 1875 г. мѣсто Л. Визе занялъ Германъ Боницъ, прусскій педагогъ, раньше работавшій, однако, въ Австріи, гдѣ онъ много содѣйствовалъ переустройству гимназій въ современномъ духѣ. Въ 1849 году въ Австріи изданъ былъ новый учебный планъ, который превратилъ старую латинскую школу въ современную гимназію съ сильно выдвинутымъ впередъ преподаваніемъ математики и естественно-историческихъ наукъ. Призывъ въ министерство Боница знаменовалъ собой отказъ отъ поползновеній въ духѣ церковности и концентраціи, характеризующихъ предыдущую эпоху. Составленный Боницемъ учебный планъ 1882 г. возстановилъ утраквистскую систему. Естественно-научное преподаваніе получило обратно прежнее свое мѣсто, а время, отводившееся на ла-

тинскій языкъ, было значительно сокращено. Количество уроковъ по латинскому языку съ 86 сведено было до 77, при чемъ, однако, требованія по этому предмету на выпускныхъ экзаменахъ существенному уменьшенію не подверглись.

Новый учебный планъ, въ итогъ своемъ означавшій возвращеніе въ Шульцевскому плану 1837 г. съ его идеаломъ всесторонняго образованія, просуществовалъ недолго. Онъ не удовлетворилъ никого: ни сторонниковъ реальной школы, которой онъ принесъ, правда, съ собой названіе «реальной гимназіи», но не принесъ расширенія правъ, ни приверженцевъ гимназическаго классицизма, которые были недовольны сокращеніемъ латинскаго (а также и греческаго) курса. Поэтому, когда вскорѣ послѣ того императоръ Вильгельмъ II заявилъ о необходимости преобразовать гимназическій строй, то это возбудило большія ожиданія. На декабрьской конференціи 1890 года молодой императоръ появился лично и своей вступительной рѣчью сразу направилъ обсужденіе вопроса куда хотѣлъ. Рѣчь императора дышала протестомъ противъ существующей постановки школьнаго дѣла, съ которой онъ самъ имѣлъ случай близко ознакомиться, когда учился въ Кассельской гимназіи. «Наша средняя школа,—говорилъ онъ,— вмѣсто образованія національнаго и идущаго навстрѣчу современности и ея задачамъ даетъ образованіе антично-классическое, да и то не классико-гуманистическое образованіе, а просто словесно-грамматическую выучку, при которой латинское сочиненіе является цѣлью и масштабомъ всей ученической работы».

Несомнѣнно, что въ рѣчи коронованнаго оратора нашли себѣ выраженіе очень сильныя тенденціи эпохи. Великія событія 1864—1870 гг. не остались безъ вліянія на общественное настроеніе, въ особенности же, на настроеніе росшей подъ такими впечатлѣніями молодежи. Современность чрезвычайно выиграла въ значеніи и вѣсѣ, и ростъ интереса къ ней шель прежде всего за счетъ интереса къ древности. Стало казаться несообразнымъ, что учениковъ гимназіи заставляютъ въ подробностяхъ знакомиться съ ходомъ персидскихъ или пуническихъ войнъ и что въ то же время они ничего не слышатъ въ школѣ о великой борьбѣ и успѣхахъ собственнаго народа въ настоящемъ, ничего не узнаютъ въ ней ни объ устройствѣ и учрежденіяхъ государствъ, въ которыхъ родились, ни о новой имперіи. Несомнѣнно, что это чувствовали и сами ученики; древній міръ уже не былъ окруженъ въ ихъ глазахъ тѣмъ блескомъ, въ которомъ онъ являлся поколѣнію, жившему въ эпоху расцвѣта новогуманизма. Да и сама филологическая наука изъ стадіи энтузіазма давно перешла въ стадію трезваго познанія дѣйствительнаго. Интересъ къ античной литературѣ также отступилъ назадъ передъ вновь возникающими направленіями въ искусствѣ и поэзіи, которыми именно юные умы особенно увлекались. И вообще духъ времени не былъ благопріятенъ сентиментально-эстетическому созерцанію. Въ эпоху Бисмарка опредѣляющее значеніе получили силы иного порядка, чѣмъ тѣ, печатью которыхъ нѣмецкая нація отмѣчена была въ эпоху Гёте; какъ въ политической, такъ и въ хозяйственной жизни рѣшающими стали теперь силы болѣе элементарныя.

И молодежь, со свойственнымъ ей чутьемъ, тоже стала интересоваться новыми вещами: спортомъ и играми, научными экспедиціями и колониальными завоеваніями, броненосцами и автомобилями, техническими изобрѣтеніями и естественно-научными открытіями. Такое настроеніе молодого поколѣнія и прозвучало вдругъ въ императорской рѣчи на конференціи, воображавшей, что она собрана совсѣмъ для другого; слова оратора безжалостно ей поражали слухъ,— чтобы не сказать: летѣли прямо въ лицо.

Окончательнымъ результатомъ обсужденія, свобода котораго была сильно стѣснена указаннымъ эпизодомъ, явился компромиссъ между консервативной тенденціей собранія и призывомъ впередъ со стороны императора. Безъ вмѣшательства императора резолюціи конференціи, вѣроятно, содержали бы рѣшительный отказъ реальнымъ школамъ въ ихъ притязаніи на доступъ ихъ воспитанниковъ въ университеты и еще болѣе рѣшительный отказъ въ какомъ-либо сокращеніи курса древнихъ языковъ и, въ частности, въ отсрочкѣ начала ихъ преподаванія. Теперь результатомъ конференціи, выразившемся въ новыхъ учебныхъ планахъ 1892 г., оказалось: сильное ограниченіе латинскаго преподаванія (число уроковъ латинскаго языка было сведено съ 77 до 62 и сразу были упразднены латинскія сочиненія, которыя только что передъ тѣмъ превозносились, какъ важнѣйшая цѣль и какъ вѣнецъ всего классическаго образованія), съ другой же стороны, усиленіе курса нѣмецкаго языка— безъ отмѣтки «удовлетворительно» по нѣмецкому языку нѣтъ аттестата зрѣлости—сокращеніе общаго числа учебныхъ часовъ, облегченіе въ требованіяхъ на экзаменѣ зрѣлости, съ цѣлью не

допускать «переутомленія»; наконецъ, въ цѣляхъ физическаго развитія учащихся увеличеніе числа часовъ, посвящаемыхъ гимнастикѣ и играмъ. Но если въ перечисленныхъ пунктахъ конференція и покори́лась указаніямъ императора, то все же большинство вернулось съ нея домой не безъ трофеевъ: во-первыхъ, гимназическая монополія была сохранена, т.-е. абитуриенты реальныхъ училищъ попрежнему не могли поступать въ университеты, а сверхъ того, реальная гимназія была въ принципѣ осуждена на смерть, какъ половинчатое, уродливое учрежденіе ¹⁾).

Учебные планы 1892 г., возникшіе при такой торжественной обстановкѣ и съ такою поспѣшностью проведенные въ жизнь, просуществовали въ теченіе одного только ученическаго поколѣнія. Уже въ 1901 г. послѣдовала новая и послѣдняя пока реформа. У этой реформы хватило, наконецъ, мужества вступить на новый путь, устранить гимназическую монополию и провести принципъ равноцѣнности классическаго образованія и образованія, получаемаго въ «современной» гимназіи. Надо надѣяться, что этимъ хотя на время достигнуто извѣстное положеніе равновѣсія; во всякомъ случаѣ о новомъ учебномъ строѣ можно сказать, что онъ почти совсѣмъ не имѣетъ принципиальныхъ

1) Такъ императоръ самъ охарактеризовалъ въ своей рѣчи реальныя школы съ преподаваніемъ латинскаго языка: «Klassische Gymnasien mit klassischer Bildung, eine zweite Gattung Schulen mit Realbildung, aber keine Realgymnasien. Die Realgymnasien sind eine Halbheit, man erreicht mit ihnen nur Halbheit der Bildung und das Ganze giebt Halbheit für das Leben nachher!» *Ред.*

противниковъ, тогда какъ компромиссъ 1892 г. тотчасъ же вызвалъ оппозицію со всѣхъ сторонъ. Сторонники реального образованія были недовольны, даже больше того, возмущены легкостью, съ какою была приговорена къ смерти реальная гимназія; защитники же классицизма находили невыносимыми тѣсныя рамки, отведенныя классическому преподаванію, и, надо признать, съ полнымъ основаніемъ: классическое преподаваніе дѣйствительно не вознаграждаетъ затраченнаго труда, если не располагаетъ достаточнымъ просторомъ и не ведется съ извѣстнымъ спокойствіемъ и увѣренностью. Что же касается нѣмецкаго языка, въ качествѣ центрального предмета въ преподаваніи и на выпускномъ экзаменѣ, то въ непригодности его для этихъ цѣлей согласны были всѣ педагоги. Такимъ образомъ, реформа 1892 г., какъ я это и предсказывалъ на конференціи, завела на брошенную дорогу къ «единой» или, вѣрнѣе, къ старой универсальной школѣ. вмѣсто того, чтобы спасти гимназическую монополию, слѣдовало тогда же заняться спасеніемъ классической гимназіи, для чего надо было освободить ее отъ чрезмѣрнаго обремененія, допустивши и второй путь, *via modernorum*, рядомъ со старой дорогой—*via antiquorum*.

На этотъ именно путь вступила новѣйшая реформа, и ей поэтому можно предсказать долговѣчность. И этой реформѣ предшествовала конференція (въ іюнѣ 1900 г.). Участниками въ этой конференціи явились почти все тѣ же лица, но ошибки избраннаго въ 1890 г. пути были у нихъ передъ глазами, и это привело ихъ къ рѣшенію, требуемому обстоятельствами, именно, къ уравниенію девятиклассныхъ

реальныхъ учебныхъ заведеній съ классической гимназіей вплоть до уравниенія правъ на доступъ ихъ воспитанниковъ въ университетъ. Приверженцы классическаго образованія убѣдились, что сохранить его возможно только цѣною отказа отъ гимназической монополіи. Школа, желающая быть единственной, должна давать всѣмъ все, а при этомъ для занятій классиками въ ней не можетъ найтись того простора, котораго они требуютъ, чтобы приносить настоящіе плоды.

Реальныя училища. Уже XVIII столѣтіе признавало необходимость такой формы средней школы, которая обращена была бы фронтомъ къ современности и къ реальнымъ наукамъ, и дѣйствительно создало нѣсколько такого рода школъ. Въ XIX в. этотъ типъ школы мощно развивается и на ряду съ классическою школой становится у насъ второю отраслью общеобразовательнаго дѣла. Отмѣчу здѣсь главные этапы этого развитія.

И здѣсь ясно выступаютъ все тѣ же три періода. Первый изъ нихъ является эпохой основанія реальныхъ школъ. Въ Пруссіи эпоха эта заканчивается приблизительно въ 1832 г., когда изданы были первыя правила касательно выпускныхъ экзаменовъ въ реальныхъ училищахъ. Росту реальныхъ школъ благоприятствовали два момента: во-первыхъ, эманципація буржуазіи послѣ французской Революціи и Штейнъ-Гарденберговское законодательство, являющееся отраженіемъ этой эманципаціи, а также хозяйственный подъемъ городовъ послѣ Вѣнскаго мира; во-вторыхъ, выдѣленіе настоящихъ ученыхъ школъ изъ массы старыхъ латинскихъ городскихъ школъ, въ Пруссіи официально начавшееся съ изданія въ 1812 г. про-

граммы экзамена зрѣлости Къ услугамъ возросшей потребности въ образованіи, соотвѣтствовавшемъ запросамъ новой буржуазіи, осталось послѣ этого множество старыхъ латинскихъ школъ, которыя и всегда были въ извѣстной мѣрѣ бюргерскими школами. Хотя по большей части и очень неудовлетворительными. Изъ этихъ школъ нѣкоторыя уцѣлѣли въ качествѣ прогимназій; другія же стали преобразовываться уже въ настоящія «бюргерскія училища» (Bürgerschulen), что совершалось путемъ изгнанія изъ нихъ древнихъ языковъ,—по крайней мѣрѣ, греческаго,—введенія французскаго языка и расширенія современно-научнаго преподаванія. Это преобразование шло, вообще говоря, само собой, такъ какъ устройство подобныхъ школъ попрежнему зависѣло отъ городскихъ управленій. На Рейнѣ за образецъ взяты были collèges communaux французскаго типа. Но именно благодаря такой свободѣ строй этихъ преобразованныхъ школъ отличался большою неопредѣленностью, колеблясь между народной школой высшаго типа, ремесленнымъ училищемъ и средней общеобразовательной школой безъ древнихъ языковъ. Въ двадцатыхъ годахъ понятіе реальной школы достигаетъ большей ясности и начинаетъ устанавливаться въ смыслѣ общеобразовательной школы въ духѣ современности. Взгляду этому соотвѣтствуютъ и прусскіе экзаминаціонные планы 1832 г., которые въ программу экзамена включаютъ нѣмецкій и французскій языки (письменное изложеніе и умѣніе говорить), математику и естественныя науки, исторію и географію, а также латинскій и англійскій языки тамъ, гдѣ эти языки преподаются. Вмѣстѣ съ тѣмъ школы эти получили и данайскій подарокъ въ видѣ

нѣкоторыхъ правъ выдержавшіе въ нихъ испытаніе имѣли право на одногодичную военную службу и право на поступленіе на службу въ почтовое, лѣсное и строительное вѣдомства,—въ послѣднія, однако, лишь при условіи, чтобы къ учебнымъ и экзаминаціоннымъ предметамъ принадлежала и латынь. Впрочемъ, особенной благосклонностью и заботливостью со стороны начальства реальныя школы не пользовались нигдѣ,—на югѣ такъ же мало, какъ на сѣверѣ; школьное управленіе въ то время было въ рукахъ филологовъ, для которыхъ часто уже самое слово «реальная школа» звучало ненавистно. Въ Баваріи Тиршъ охранялъ и превозносилъ старыя латинскія школы, какъ палладіумъ всякаго образованія.

Второй періодъ начинается для прусскихъ реальныхъ школъ съ 1840 г. Если прежнее правительство относилось къ нимъ безъ благосклонности, то новое стало проявлять относительно нихъ прямую неблагосклонность и враждебность. Тѣмъ не менѣе, сила вещей брала свое. Латинскій языкъ теперь сдѣланъ былъ обязательнымъ, такъ какъ и реалистовъ нельзя же вѣдь было оставлять безъ спасительной дисциплины латинской грамматики. Но когда Визе приступилъ къ осуществленію «концентраціи» учебнаго плана гимназій, онъ ясно увидалъ, что при этомъ необходимымъ дополненіемъ гимназіи должна будетъ стать еще другая форма средней школы. 1859 годъ принесъ съ собой первый офиціальный учебный планъ реальныхъ училищъ; годъ этотъ, какъ уже было сказано, есть годъ рожденія прусской реальной гимназіи, не по названію, а по существу. Реальныя училища I разряда получили девятилѣтній курсъ съ латинскимъ языкомъ во всѣхъ классахъ, хотя

въ старшемъ отдѣленіи эти уроки пришлось свести всего на три часа въ недѣлю. Назначеніе новыхъ школъ, по официальному объясненію, состояло въ томъ, чтобы давать среднее образованіе, пользуясь иными средствами, чѣмъ то дѣлаетъ классическая гимназія. Въ отношеніи правъ онѣ приравнены были къ гимназіямъ, за исключеніемъ, однако, права на поступленіе въ университетъ. Зато воспитанникамъ ихъ открытъ былъ доступъ во всѣ высшія техническія заведенія, такъ какъ курсъ Реальнаго училища I разряда именно и рассматривался, какъ подготовка къ высшему техническому образованію. Такимъ образомъ, Реальное училище, курсъ котораго заканчивался приблизительно на шестнадцатомъ году и задачей котораго была подготовка къ практической жизни, становится теперь той же гимназіей, съ такой же продолжительностью курса и такъ же имѣющей въ виду дальнѣйшія научныя занятія. Правда, на ряду съ нимъ осталось и Реальное училище II разряда съ болѣе краткимъ и менѣе строго установленнымъ курсомъ. Но, вообще говоря, города стали теперь пріурочивать свои школы къ схемѣ училища I разряда изъ-за связанныхъ съ нею правъ.

Послѣдній періодъ, начинающійся приблизительно съ 1870 года, характеризуется продолжительною борьбой новой гимназіи за доступъ въ университетъ и одержанною въ этой борьбѣ побѣдой, т.-е. принципиальнымъ уравниемъ обѣихъ гимназій въ правахъ (1901 г.). Впервые университетъ открытъ былъ для абитуриентовъ реальныхъ гимназій въ 1870 г., но только философскій факультетъ, и даже только часть этого факультета: реалисты допущены

были къ изученію математики и естественныхъ наукъ, а также новыхъ языковъ. При этомъ установлено было еще то дальнѣйшее ограниченіе, что выдержавшіе по этимъ предметамъ учительскій экзаменъ получали право преподавать исключительно только въ реальныхъ школахъ. Мѣропріятіе 1870 года вызвано было отнюдь не симпатіями къ новому образовательному пути, а необходимостью; среднія школы, число которыхъ съ 1863 г. стало быстро возрастать, въ то время сильно нуждались въ учительскомъ персоналѣ. Уступка, сдѣланная реальной гимназіи, краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о томъ, какъ низко оцѣнивались учебнымъ начальствомъ и реальное образованіе, и званіе учителя средней школы. Попрежнему считаясь недостаточною подготовкой къ «высшимъ» факультетамъ и профессіямъ, реалистическое образованіе въ качествѣ подготовки къ званію учителя все же признано было допустимымъ. Между тѣмъ, несомнѣнно, что по существу дѣла образованіе, даваемое въ реальныхъ гимназіяхъ, скорѣе могло быть признано удовлетворительною подготовкой для будущаго медика, чѣмъ для будущаго учителя, не говоря уже про то, что оно совсѣмъ не подходило для лицъ, избравшихъ ученой или педагогической своею спеціальностью новые языки.

Начался періодъ ожесточенной борьбы. Реальное училище I разряда не могло оставаться въ такомъ двусмысленномъ положеніи; оно должно было употребить всѣ усилія, чтобы достигнуть признанія своей равноцѣнности и безусловнаго допущенія своихъ абитуриентовъ къ университетскимъ занятіямъ. Руководилъ борьбою основанный въ 1876 г.

союзъ педагоговъ-реалистовъ, и до самаго конца велъ ее съ необычайной энергіей и упорствомъ. Сопровитвеніе было велико и шло съ самыхъ разныхъ сторонъ. Гимназіи отстаивали свое привилегированное положеніе, свою «монополью». Университеты, руководимые филологами, сплошь заняли враждебную позицію, не желая становиться на одну доску съ политехническими институтами. Въ школьномъ управленіи всѣ почти главныя должности были еще въ рукахъ филологовъ, которые стояли за сохраненіе «уровня образованія» и «формального образованія». Наконецъ представители ученыхъ профессій тоже были противъ допущенія въ университетъ абитуриентовъ-реалистовъ, видя въ этомъ умаленіе своей профессиональной чести. Въ такомъ смыслѣ высказывались особенно рѣзко врачи, какъ сословіе, которое прежде всего оказалось бы задѣто требовавшейся реформой. Съ другой стороны, дѣло реального образованія нашло себѣ поддержку у техниковъ и инженеровъ, которые, въ свою очередь, считали существующее положеніе унижительнымъ для ихъ сословной чести и не допускали, чтобы ихъ можно было ставить ниже юристовъ. Борьба длилась десятилѣтія, то разгораясь, то затихая; о спокойномъ обсужденіи дѣла по существу нельзя было тутъ и думать. Учебные планы Боница (1882 годъ) не улучшили положенія, а, напротивъ, усложнили его, введя въ систему средне-учебныхъ заведеній еще новый членъ—Высшую реальную школу безъ латыни (Oberrealschule: девятиклассное училище, возникшее изъ ремесленной школы и базисомъ имѣвшее шестиклассное реальное училище). Вѣроятно, при этомъ оказалъ свое вліяніе и при-

мѣръ Австріи. Здѣсь реформа 1849 года ввела двѣ формы средней школы: во-первыхъ, классическую гимназію съ обими древними языками и, во-вторыхъ, реальное и высшее реальное училище безъ латыни. Рядомъ съ обими «чистыми» формами смѣшанная форма реальной гимназіи съ латынью теперь могла считаться излишней. И большинство декабрьской конференціи 1890 года дѣйствительно осудило ее и рекомендовало мало-по-малу ее упразднить. Конкурирующей же съ нею Высшей реальной школой предоставлены были одинаковыя съ нею права, въ томъ числѣ и помянутый скромный доступъ въ университетъ, разумѣется, въ тайной надеждѣ, что такимъ образомъ гимназическая монополія всего вѣрнѣе можетъ быть спасена.

Однако ходъ вещей не оправдалъ этого плана. Реальная гимназія, покровительствуемая городскими управленіями, продолжала существовать и вскорѣ получила даже, въ силу реформы 1901 года, желанный доступъ въ университетъ, при чемъ опять-таки на ряду съ ней право это было предоставлено и Высшей реальной школой. Подъ впечатлѣніемъ реформы 1892 года приверженцы старой гимназіи, наконецъ, поняли, что единая школа съ гимназическою монополіей необходимо должна привести къ полному крушенію классическаго образованія. Результатомъ этого и были извѣстныя «резолуціи», санкціонированныя императорскимъ указомъ отъ 26 ноября 1900 года: образованіе, получаемое въ девятиклассныхъ школахъ всѣхъ трехъ типовъ, въ принципѣ признано было равноцѣннымъ.

За принципиальнымъ рѣшеніемъ вопроса послѣдовали соответственные постановленія отдѣльныхъ

вѣдомствъ Въ Пруссіи абитуриентамъ всѣхъ девятиклассныхъ школъ прежде всего открылъ свои двери философскій факультетъ; за нимъ—юридическій. Право поступленія на медицинскій факультетъ, гдѣ подаетъ свой голосъ имперія, распространено было только на воспитанниковъ реальной гимназіи, но не Высшей реальной школы безъ латыни. Что же касается теологическаго факультета, то онъ до сихъ поръ вообще держится стараго порядка; достаточною подготовкой здѣсь считается исключительно курсъ классической гимназіи. Ограниченія эти небезосновательны. Къ научному изученію теологіи нельзя приступать безъ знанія обоихъ древнихъ языковъ. Изученіе медицины въ настоящее время тоже невозможно безъ нѣкотораго знанія латыни. Правда, то же можно сказать и о наукахъ юридическихъ и историко-филологическихъ. Если къ нимъ, тѣмъ не менѣе, допущены и молодые люди, не знающіе древнихъ языковъ (впрочемъ, еще не по всей Германіи; такъ, Баварія пока вообще воздерживается отъ нововведеній), то только на томъ основаніи, что здѣсь каждый по самому существу дѣла съ перваго же дня долженъ понять безусловную необходимость ихъ, какъ предпосылокъ искомаго имъ университетскаго образованія. Для тѣхъ, кто не принесъ съ собою ихъ знанія изъ школы, не остается ничего дѣлать, какъ пополнить этотъ пробѣлъ въ самомъ университетѣ. Филологу, и не только филологу-классику, шагу ступить нельзя безъ древнихъ языковъ Юристъ тоже съ перваго момента наталкивается на необходимость латыни, ибо научное изученіе современнаго права немыслимо безъ римскаго права; да и новыя постановленія о го-

сударственныхъ экзаменахъ, со своей стороны, напоминаютъ о восполненіи недостающаго. Напротивъ, медики и, пожалуй, теологи уже съ большей легкостью могутъ поддаться ложной мысли, будто право на поступленіе въ университетъ безъ знанія древнихъ языковъ въ то же время подразумеваетъ и возможность университетскихъ занятій безъ такого знанія; а поэтому здѣсь нужна и болѣшая осторожность. По отношенію къ медикамъ такая осторожность нужна въ особенности, такъ какъ новыя учебныя занятія тотчасъ же ихъ настолько поглощаютъ, что врядъ ли у нихъ могутъ еще оставаться охота и время для пріобрѣтенія необходимыхъ филологическихъ свѣдѣній. Къ теологамъ послѣднее соображеніе относится въ меньшей степени, а потому весьма возможно, что собственному благоразумію cadaго и здѣсь со временемъ предоставленъ будетъ болѣшій просторъ. Особенно легко это можетъ случиться, если, благодаря установленному стѣсненію, убыль слушателей на теологическомъ факультетѣ станетъ принимать угрожающіе размѣры. Пока, однако, ожидать этого еще нѣтъ основаній. Въ пользу болѣшей свободы можно бы привести и то соображеніе, что хотя теологія—и историческая наука, тѣмъ не менѣе, отнюдь не желательно, чтобы духовное лицо жило исключительно въ атмосферѣ прошлаго. Чѣмъ болѣе будетъ священникъ подготовленъ своимъ образованіемъ къ пониманію современности, тѣмъ болѣе онъ будетъ въ состояніи на нее воздѣйствовать, и тѣмъ меньше окажется для него опасность одинокаго существованія въ прошедшемъ.

Современная организація средняго образованія и новыя стремленія. Въ 1901 году прусскія гимназіи получили новыя учебныя и экзаминаціонныя планы. Въ основу этихъ плановъ положена идея координаціи трехъ формъ средняго образованія, т.-е. образованія, подготовляющаго къ научнымъ занятіямъ: классической гимназіи съ обоими древними языками; реальной гимназіи, удерживающей латынь, какъ основу обученія иностраннымъ языкамъ, вообще же носящей характеръ современности и отводящей на верхней своей ступени главное мѣсто новымъ языкамъ и наукамъ; и, наконецъ, Высшей реальной школы, со всѣмъ отказавшейся отъ древнихъ языковъ. Въмѣсто латыни Высшая реальная школа въ основу кладетъ французскій языкъ и пользуется для обученія преимущественно матеріаломъ, доставляемымъ культурою новаго времени. Предметами преподаванія общими всѣмъ тремъ формамъ являются: родной языкъ, исторія и религія; учебные планы всѣхъ трехъ формъ ставятъ этимъ предметамъ одинаковыя цѣли и даютъ по нимъ одинаковыя указанія. Господствующую тенденцію новыхъ учебныхъ плановъ можно опредѣлить такъ: воспользоваться полученною, благодаря дифференціаціи путей, свободою въ томъ смыслѣ, чтобы каждая изъ трехъ школъ центромъ тяжести обученія сдѣлала свою особую область и уже въ полной мѣрѣ пользовалась силою и дѣйствіемъ доставляемыхъ этой областью образовательныхъ средствъ. Классическая гимназія, которой теперь уже нѣтъ надобности быть всѣмъ для всѣхъ, можетъ вновь больше сосредоточиться на изученіи древняго міра; съ этой цѣлью нѣсколько больше мѣста въ ней отведено латинскому языку (68 вмѣсто

(2 часовъ). Для Высшей реальной школы естественнымъ центромъ являются точныя науки; доводить учениковъ до способности вести сколько-нибудь самостоятельную работу въ области математики и естествознанія это завѣтная ея цѣль. Нѣсколько менѣе благопріятно въ этомъ смыслѣ положеніе реальной гимназіи. Сама по себѣ она склонна была бы сдѣлать главными предметами преподаванія новые языки съ ихъ литературой и современную культуру. Но ей мѣшаютъ въ этомъ, съ одной стороны, латынь, которая проходитъ чрезъ весь курсъ и отнимаетъ значительное число часовъ, не будучи въ то же время господствующимъ предметомъ, какъ въ старой латинской школѣ; съ другой—высокія требованія отъ нея по математикѣ и по естественнымъ наукамъ. Съ подобными затрудненіями неизбѣжно встрѣчается всякая промежуточная форма.

Реформа 1900 г.—шагъ важный и шагъ безповоротный; отступленіе невозможно, и его не будетъ. Реформа эта означаетъ окончательный отказъ отъ преслѣдованія, возникшаго въ началѣ истекшаго столѣтія плана—создать единую школу съ классическими предметами въ центрѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и съ достаточно основательнымъ курсомъ современныхъ наукъ и новыхъ языковъ, чрезъ которую проводились бы всѣ ищущіе средняго образованія, или, по крайней мѣрѣ, всѣ идущіе въ университетъ. Вопреки I. Шульце оказалось невозможнымъ такъ приурочивать курсъ къ требованіямъ современности, чтобы и требованія эти получили надлежащее удовлетвореніе, и, съ другой стороны, классическіе предметы удержали за собой, если не господствующее положеніе, то, по крайней мѣрѣ, необходимый для нихъ просторъ. Еще менѣе оказа-

лось возможнымъ возвратиться къ старой латинской школѣ. Оставался такимъ образомъ только дуализмъ, а именно—полюбовный раздѣлъ между формами классической и современной.

Что такой исходъ вполне соотвѣтствуетъ современнымъ культурнымъ условіямъ, кажется мнѣ несомнѣннымъ. Существуютъ области изученія и научныя специальности, въ которыхъ безъ знанія древнихъ языковъ обходиться трудно или даже совсѣмъ невозможно; таковы дисциплины историческія въ широкомъ смыслѣ слова. Съ другой стороны, существуютъ такія области и специальности — именно, естественно-научныя, со включеніемъ медицины, и техническія—гдѣ настолько необходимы другіе предметы, что на изученіе древнихъ языковъ, по крайней мѣрѣ обоихъ, уже не остается достаточно времени.

Но само собою разумѣется, что и это раздѣленіе школы отнюдь не создаетъ состоянія прочной устойчивости. Исторія вообще не знаетъ такого состоянія. Удаленіе отъ міра древнихъ и самостоятельность современной культуры и науки будутъ и впредь возрастать, какъ возрастали до сихъ поръ. Все тѣмъ же, какимъ было до сихъ поръ, останется и воздѣйствіе этого процесса на школу: среднее образованіе будетъ все болѣе и болѣе отрываться отъ своей первоначальной основы, —изученія древнихъ языковъ. Школа не можетъ не итти путемъ общаго культурнаго развитія. Первоначально занятія классиками составляли все содержаніе средняго образованія. Въ теченіе XIX столѣтія они низведены были на степень лишь необходимой части этого образованія. Мы можемъ поэтому ожидать,—и на подобной точкѣ

зрѣнія уже стоятъ принципiально новѣйшіе учебные планы,—что со временемъ знаніе древнихъ языковъ перестанетъ считаться необходимой частью образованія, а сохранить лишь значеніе необходимаго для опредѣленныхъ научныхъ занятій орудія.

Выводы, вытекающіе изъ этихъ принципiальныхъ соображеній, нами еще далеко не сдѣланы; еще слишкомъ сильно вліяніе, оказываемое старой оцѣнкой Классическія гимназiи еще долго будутъ считаться разсадниками наиболѣе свободнаго и глубокаго общаго образованія. Тѣмъ не менѣе, новый принципъ необходимо разовьетъ цѣлый рядъ послѣдствій. Число лицъ, отдающихъ предпочтеніе современной формѣ гимназическаго образованія, будетъ расти. Такъ будетъ уже потому, что число студентовъ, особенно связанныхъ съ классической гимназiей—я подразумеваю теологовъ и филологовъ-классиковъ, съ прибавкой отчасти и юристовъ—остается довольно постояннымъ, и относительно даже уменьшается; число же тѣхъ, которымъ ближе современная гимназiя, техникувъ и инженеровъ, естественниковъ и врачей, неофилологовъ и математиковъ, напротивъ, постоянно возрастаетъ и абсолютно, и относительно. Слѣдствіемъ этого будетъ то, что число современныхъ гимназiй будетъ расти за счетъ классическихъ, и что все чаще, вопреки всѣмъ препятствіямъ, будетъ происходить превращеніе классическихъ гимназiй въ современные,—пока, наконецъ, число гимназiй стараго типа не сведется къ очень скромной цифрѣ. И это вовсе не будетъ несчастіемъ, такъ какъ старая система съ ея принудительностью, облеченной въ форму особыхъ правъ, вызвала очень сильное перепроизводство классическихъ гимназiй; развитіе

же современной формы и прежде всего средней школы городского типа (Bürgerschule), благодаря покровительству, оказываемому школъ классической, долгое время тормозилось и даже прямо подавлялось. Это видно уже по быстрому увеличенію числа современныхъ школъ съ тѣхъ поръ, какъ гнетъ сталъ ослабѣвать.

Отмѣчу еще, что хотя особенно возросли въ числѣ школы безъ латыни, отчасти и насчетъ реальныхъ училищъ съ латинскимъ языкомъ, но въ этомъ все же не слѣдуетъ видѣть доказательство ненужности реальной гимназій съ латинскимъ языкомъ. Явленіе это вызвано лишь тѣмъ, что столь необходимая школьная форма, какъ чисто реальныя училища, представляющія при шестилѣтнемъ курсѣ истинный типъ бюргерскаго образованія, такъ долго не могла свободно развиваться. А въ томъ не можетъ быть сомнѣнія, что для латинскаго языка моментъ, когда онъ перестаетъ быть нужнымъ, наступаетъ гораздо позднѣе, чѣмъ для греческаго, и что—я не колеблюсь утверждать и это — для всѣхъ тѣхъ, кому предстоитъ прохожденіе университетской науки, онъ еще не наступилъ. Насколько бы греческая литература ни превосходила латинскую по своей абсолютной цѣнности, намъ латинскій языкъ и сохранившаяся на этомъ языкѣ литература, захватывающая даже значительную часть XVIII столѣтія, все же неизмѣримо ближе. По нашему историческому развитію мы принадлежимъ къ великой области латинской культуры. До недавняго прошлаго—въ Германіи еще всего полтора столѣтія тому назадъ или немного больше — латынь была языкомъ церкви, права, науки, литературы. И этотъ фактъ еще живетъ въ тысячѣ воспоминаній, въ нашей

наукѣ, въ нашей литературѣ, въ нашемъ языкѣ, не говоря уже о томъ, что въ главнѣйшихъ современныхъ культурныхъ языкахъ латинскій языкъ продолжаетъ жить, какъ въ своихъ болѣе или менѣе близкихъ потомкахъ. Такимъ образомъ, въ настоящее время гимназическій курсъ съ латинскимъ языкомъ надо признать еще необходимымъ для всѣхъ учащихся въ университетахъ. Можно, собственно, утверждать, что Высшія реальныя школы безъ латинскаго языка допущеніемъ своихъ питомцевъ въ университетъ обязаны были политической констелляціи, а вовсе не только внутренней достаточности даваемого ими образованія. Слѣпая ненависть приверженцевъ классицизма къ реальнымъ школамъ съ латинскимъ языкомъ доставила училищамъ безъ латыни временную благосклонность гимназическихъ педагоговъ, не расторгнувъ, однако, союза обѣихъ реальныхъ школъ. Необходимость латинскаго языка для всякой школы, которая ставитъ себѣ задачей подготовку къ университетскимъ занятіямъ, доказывается и возникновеніемъ въ послѣднее время факультативныхъ курсовъ латыни при трехъ старшихъ классахъ Высшихъ реальныхъ школъ.

Возможно, что со временемъ развитіе этихъ факультативныхъ курсовъ приведетъ къ новой формѣ реальной школы,—формѣ, которая объединитъ Высшую реальную школу и реальную гимназію. Реальная гимназія идетъ навстрѣчу подобному сліянію въ такъ называемыхъ реформированныхъ школахъ (Reformschulen)—ея видоизмѣненіи, впервые возникшемъ въ Альтонѣ. Въ школахъ этихъ курсъ латинскаго языка, проходимый въ реальной гимназіи, совершенно преобразованъ. Прежде всего, латынь

тамъ начинаютъ только въ третьемъ классѣ; тогда какъ вообще изученіе языковъ начинается уже въ шестомъ, и именно съ французскаго языка ¹⁾. Если Высшія реальныя училища стануть начинать свой факультативный курсъ латыни раньше, то обѣ формы могутъ настолько сблизиться, что, когда захотятъ, будутъ имѣть возможность вести совмѣстное существованіе въ стѣнахъ одного и того же заведенія—единой реальной гимназіи съ факультативными латинскими классами. Такой ходъ развитія реальныхъ школъ, правда, еще больше удалилъ бы ихъ отъ курса классической гимназіи, но зато шире открылъ бы имъ двери университета и содѣйствовалъ бы ихъ умноженію. А увеличеніе ихъ численности, несомнѣнно, крайне желательно. Число лицъ, которыя вмѣсто того, чтобы пройти курсъ нужнаго имъ образованія въ средней школѣ городского типа (Bürgerschule), заполняютъ низшіе и средніе классы классическихъ и реальныхъ гимназій, а затѣмъ оставляютъ гимназію, унося изъ нея оборванный на половинѣ курсъ древнихъ языковъ, или, по крайней мѣрѣ, латыни,—это число все еще чрезмѣрно велико, къ большому ущербу какъ для нихъ самихъ, такъ и для школы, для которой они составляютъ истинный камень на шеѣ.

Упомянувъ о реформированной школѣ, скажу еще два слова о подобномъ же преобразованіи классическихъ гимназій, впервые предпринятомъ во Франк-

1) Въ нѣмецкихъ гимназіяхъ при девятилѣтнемъ курсѣ шесть классовъ: три старшихъ имѣютъ по два отдѣленія. Счетъ классовъ идетъ обратно нашему: младшимъ является шестой.

Фуртѣ-на-Майнѣ, а съ тѣхъ поръ проведенномъ въ цѣломъ рядѣ заведеній. Латинскій языкъ начинается здѣсь въ третьемъ классѣ, а греческій—во второмъ, послѣ чего оба языка до самаго конца проходятся при очень большомъ числѣ учебныхъ часовъ¹⁾. Противъ этой формы дѣлаются двоякаго рода возраженія: съ одной стороны, филологи выражаютъ опасеніе, что въ такое короткое время классическое преподаваніе не можетъ достигать своей цѣли и, въ концѣ-концовъ, должно погибнуть отъ собственной бесплодности; съ другой стороны, возражаютъ, что большой объемъ и напряженность прохожденія древнихъ языковъ въ послѣднихъ классахъ школы должны очень обезсилить въ этихъ классахъ преподаваніе математическое и естественно-научное. — Вопреки этимъ возраженіямъ, я все же думаю, что этотъ типъ школы имѣетъ за собою будущность. То обстоятельство, что, благодаря общности программы въ младшихъ классахъ, становится возможнымъ непосредственный переходъ въ эту школу изъ среднихъ школъ другихъ типовъ и обратно, является великимъ преимуществомъ, и съ этимъ гимназіямъ рано или поздно придется считаться. Что же касается до болѣе поздняго начала занятій латинскимъ языкомъ, то я склоненъ считать это только за выигрышъ и по существу дѣла. То, что элементарное изученіе латыни начинается въ слишкомъ юномъ

¹⁾ Въ виду крупнаго интереса, который представляютъ и для насъ нѣмецкія *Reformschulen*, я укажу, что подробности о нихъ можно найти въ известномъ изданіи *Encyclopädisches Handbuch der Pädagogik*, herausgegeben von W. Rein (статья *Frankfurter Lehrplan*). Ред.

возрастѣ, при недостаточно окрѣпшихъ силахъ, и растягивается на слишкомъ долгій срокъ, не мало содѣйствуетъ тому отвращенію къ ней, съ которымъ классическому преподаванію приходится такъ часто бороться. Для успѣха этого преподаванія ему именно надо желать меньшаго числа учениковъ и учениковъ болѣе зрѣлыхъ.

Приведемъ и здѣсь нѣсколько статистическихъ данныхъ.

Въ Пруссіи было:

Годъ.	Гимназій.	Прогимназій.	Реальныхъ гимназій.	Реальныхъ прогимназій.	Высшихъ реальныхъ училищъ.	Реальныхъ училищъ.
1835	112	24	(12)	—	—	—
1855	124	28	(54)	—	—	—
1875	228	33	80	91	—	17
1885	259	38	89	86	14	36
1895	273	45	86	74	24	73
1905	324	39	100	27	50	158

Распределение учебных часовъ въ различныхъ типахъ средней школы представляется въ слѣдующемъ видѣ (1901):

	Гимназія.	Реальная гимназія.	Высшее реальное училище.	Реформированная гимназія.	Реформированная реальная гимназія.
Законъ Божій .	19	19	19	19	19
Нѣмецкій языкъ	26	28	34	31	29.
Латинскій .	68	49	—	52	36
Греческій .	36	—	—	31	—
Французскій .	20	29	47	31	37
Англійскій .	—	18	25	—	22
Исторія .	17	17	18	} 26	} 38
Географія	9	11	14		
Арием. и матем.	34	42	47	35	44
Естествознаніе	18	29	36	19	29
Чистописаніе .	4	4	6	4	4
Рисованіе	8	16	16	8	16

Въ заключеніе сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній о тѣхъ общихъ тенденціяхъ въ области средняго образованія, которыя стали заявлять о себѣ въ последнее время. Въ тѣсной связи со стремленіемъ открыть учащимся различные пути и тѣмъ самымъ предоставить развитію отдѣльнаго лица больше свободы, находится и поддерживаемое учеб-

нымъ вѣдомствомъ стремленіе дать въ предѣлахъ каждой данной школьной формы больше простора всѣмъ особеннымъ способностямъ и склонностямъ отдѣльныхъ учениковъ. Средствомъ для этого должна служить болѣе свободная постановка преподаванія на высшей ступени школы. При испытаніяхъ зрѣлости уже давно допущена компенсація меньшихъ успѣховъ по одному предмету большими по другимъ, а слѣдовательно, признано въ принципѣ, что нельзя предъявлять одинаковыхъ требованій по всѣмъ предметамъ ко всѣмъ. Въ самомъ преподаваніи принципъ этотъ, однако, проведенъ не былъ. Новая тенденція именно на то и направлена, чтобы ввести дифференціацію уже въ самое преподаваніе на высшей его ступени, такъ, чтобы— по скольку это совмѣстно съ единствомъ школы и ея образовательныхъ цѣлей—каждому ученику предоставлена была возможность въ особенности заниматься тѣми предметами, къ которымъ онъ чувствуетъ себя болѣе способнымъ. Согласно этому, въ гимназіи ученики, особенно способные къ классическимъ языкамъ и ими интересующіеся, уже не принуждались бы, подавляя отвращеніе, дѣлать все же, въ концѣ-концовъ, бесплодныя усилія, чтобы тянуться за такимъ математическимъ курсомъ, котораго по недостатку способностей и интереса въ этомъ направленіи они, какъ слѣдуетъ, усвоить не могутъ. Могло бы быть устроено особое отдѣленіе для слабыхъ по математикѣ, гдѣ имъ предлагалось бы только для нихъ достижимое. Съ другой стороны, и выдающимся способностямъ къ математикѣ и естествознанію предоставлена была бы бѣльшая свобода и возможность болѣе широкаго развитія, могли бы устраиваться

особыя спеціальныя отдѣленія съ повышенными требованіями къ ученикамъ, которые зато освобождались бы, напримѣръ, хотя бы отъ письменныхъ латинскихъ упражненій. Такого рода мѣры, примѣнимыя въ школахъ всѣхъ трехъ типовъ, цѣлью своей, разумѣется, имѣли бы не сбавку со школьныхъ требованій для мало способныхъ учениковъ или для лѣнтяевъ, не облегченіе такимъ воспитанникамъ возможности проскользнуть на экзаменѣ зрѣлости; напротивъ, цѣлью ихъ было бы стимулировать особенныя способности каждаго до наивысшаго ихъ проявленія. Взамѣнъ равномернаго отработыванія заданныхъ уроковъ должно было бы появиться пылкое рвеніе въ какой-нибудь области занятій, пришедшейся воспитаннику особенно по сердцу; тамъ же, гдѣ ничего подобнаго не оказалось бы, требованія, общія для всѣхъ, вновь вступали бы въ свои права. Преобразованія этого рода, конечно, не могутъ быть предписаны въ общемъ видѣ, а должны быть предоставлены учительскимъ коллегіямъ, такъ какъ лишь послѣднія вполне могутъ оцѣнить особыя условія каждаго отдѣльнаго случая; но въ случаѣ успѣха здѣсь и нашлось бы самое надежное, если не единственное средство противъ той, называемой переутомленіемъ, неохоты къ ученю или школьной усталости, которая уже такъ давно гнететъ надъ нашей средней школой. Этимъ путемъ преподаваніе въ высшихъ классахъ до нѣкоторой степени получило бы академическій характеръ, вмѣстѣ съ чѣмъ содался бы и нѣкоторый переходъ между системами принудительнаго школьнаго ученя и всецѣло построенныхъ на принципѣ свободы академическихъ занятій; а то сейчасъ между ними лежитъ цѣлая про-

пасть. Послѣдняя сторона дѣла вовсе не маловажна: скачекъ отъ мелочной опеки къ неограниченной свободѣ всегда опасенъ, нерѣдко же бываетъ и гибель.

Подобная реформа, которая можетъ быть проведена, разумѣется, лишь весьма постепенно, съ своей стороны необходимо требуетъ, чтобы учителя были людьми науки. Лишь тотъ, кто самъ участвуетъ въ свободной научной работѣ, можетъ будить охоту самостоятельно работать и въ другихъ. Съ этой точки зрѣнія мѣропріятія учебнаго вѣдомства, направленные къ тому, чтобы сохранить и даже поднять научный уровень учителей, получаютъ особенно широкое значеніе. Къ такимъ мѣропріятіямъ относятся: устройство при университетахъ курсовъ для учителей съ цѣлью дать педагогамъ способы поддерживать связь съ успѣхами науки во всѣхъ ея областяхъ; доставленіе преподавателямъ возможности выполнять болѣе крупныя научныя работы путемъ разрѣшенія отпусковъ или уменьшенія числа уроковъ въ школѣ, а также путемъ выдачи стипендій на научныя поѣздки и субсидій на изданіе трудовъ и т. д. Все это имѣетъ цѣлью сохранить за гимназіей тотъ научный характеръ, который всегда присущъ былъ нѣмецкой ученой школѣ, но, благодаря быстрому росту реальныхъ училищъ, возникшихъ частью изъ преобразования бюргерской школы, на время оказался поколебленнымъ.

Наконецъ, упомяну еще о довольно распространенномъ стремленіи вновь ввести въ среднюю школу преподаваніе философіи. Предметъ этотъ со времени средневѣковыхъ *facultates artium* до самой эпохи Просвѣщенія, и даже еще въ эту эпоху, стоялъ

въ центрѣ заключительнаго курса средней школы; но съ перенесеніемъ въ нее изъ университетовъ обще-научнаго преподаванія онъ исчезаетъ изъ ея программы. Произошло это благодаря стеченію различныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ. Школа, выбрасывая курсъ философіи, извинялась тѣмъ, что она и безъ философіи сверхъ мѣры обременена учебными предметами. Ссылалась она и на то, что даетъ научное образованіе *in concreto*, которое и замѣняетъ собою образованіе философское или, во всякомъ случаѣ, къ нему подготавливаетъ; съ грамматикой дается и логика, съ физикой—и философія природы, съ исторіей и литературой—и психологія, съ гуманистическимъ изученіемъ древности,—куда древняя философія также входитъ,—и элементы этики, и извѣстное міровоззрѣніе. Преподавать философію, какъ науку, гимназія де вынуждена предоставить университету. Но университетъ туго платилъ по этому выданному на него векселю—и что дальше, то меньше. Удлиненіе гимназическаго курса и превращеніе философскаго факультета въ такой же спеціальнѣйшій факультетъ, какъ и другіе, повели къ тому, что учащіеся высшихъ факультетовъ, по крайней мѣрѣ, медицинскаго и юридическаго, все больше стали привыкать, попавши въ университетъ, прямо приниматься за предметы своей спеціальности. Къ тому же и сама философія одно время была въ немилости. Слѣдствіемъ всего этого является то, что въ настоящее время очень значительная часть нашей учащейся молодежи остается внѣ всякаго соприкосновенія съ философіей, а затѣмъ и то, что въ образованномъ, и даже академически образованномъ, мірѣ по отношенію къ конечнымъ вопросамъ дѣйстви-

тельности и жизни господствует самая жалкая беспомощность; неопредѣленный скептицизмъ, поверхностный материализмъ, безпринципный эклектизмъ, способность попадаться на приманку каждой выдумки, драпирующейся въ философскую мантію,—таковы результаты исчезновенія философіи и ея уясняющаго вліянія. Что такъ дѣло дальше итти не можетъ, это убѣжденіе распространяется все больше и больше. Курсъ философіи въ старшихъ классахъ гимназіи, въ которомъ вмѣстѣ съ логикой излагались бы и элементарныя проблемы теоріи познанія, а вмѣстѣ съ психологіей и самыя общіе вопросы метафизики, и который затрогивалъ бы и вопросы міро- и жизнепониманія—въ связи, пожалуй, съ чтеніемъ подходящихъ авторовъ—такой курсъ, если бы онъ велся знающимъ и любящимъ свой предметъ преподавателемъ, не только, несомнѣнно, встрѣтилъ бы живѣйшее сочувствіе молодежи, но и переброеилъ бы мостъ черезъ ту зіяющую пропасть, которою теперь раздѣлены чисто естественно-научное представленіе о мірѣ съ одной стороны и сохранившаяся въ школѣ на ряду съ этимъ теологическая система съ другой. Рѣчь идетъ, конечно, не о возстановленіи преподаванія «естественной религіи»; но каждый курсъ философіи показалъ бы слушателямъ, что дѣйствительность отнюдь не исчерпывается извѣстной суммой физико-космологическихъ и эволюціонно-историческихъ представленій. Въ особенности курсъ философіи необходимъ реальной школѣ. Эта школа, быть-можетъ, еще больше нуждается въ усиленіи гуманитарной стороны преподаванія, чѣмъ старая гимназія,—если мы хотимъ охранить ее отъ умственной узости и ограниченности, способныхъ полагать,

что загадка мірозданія сводится къ рѣшенію нѣсколькихъ физическихъ задачъ.

Женская средняя школа. Въ средніе вѣка, какъ уже было упомянуто, приобщеніе женщины къ образованію эпохи происходило при посредствѣ женскихъ монастырей. Реформація разрушила эти учрежденія, а образовавшійся пробѣлъ оставила незаполненнымъ. «Ученую школу» и университетъ она организовала какъ учрежденія для подготовки къ ученымъ профессіямъ, а такъ какъ женщины къ этимъ профессіямъ доступа не имѣли, то и двери университета и средней школы тоже остались для нихъ закрытыми. Одна только народная школа, постепенная организація которой начинается съ XVI вѣка, въ принципѣ не дѣлала различія между полами; фактически дѣвочки, какъ по числу посѣщавшихъ школы, такъ и по выносимымъ ими отсюда познаніямъ, обыкновенно сильно отставали. Такое положеніе дѣла въ общемъ оставалось безъ перемѣнъ и въ XVII, и въ XVIII столѣтіи. Въ эпоху придворнаго просвѣщенія возникали иногда проекты особыхъ школъ, гдѣ бы могли получать образованіе дѣвицы высшихъ сословій, но немногіе опыты въ этомъ направленіи сколько-нибудь прочнаго успѣха не имѣли. Что касается принятаго тогда въ знатныхъ семьяхъ домашняго образованія при помощи гувернантокъ и гувернеровъ, то къ нему, насколько мы можемъ судить, дѣвушки до извѣстной степени все же привлекались. Въ католическихъ областяхъ потребность въ воспитаніи и образованіи, идущемъ дальше начальнаго, въ нѣкоторой мѣрѣ удовлетворялась духовными орденами, въ особенности орденами урсудинокъ и салезіанокъ. Въ связи съ продолжающимся

вплоть до XIX вѣка отсутствіемъ въ Германіи общеобразовательныхъ женскихъ школъ находится и то обстоятельство, что до XIX вѣка нѣмецкое «общество» является обществомъ только мужчинъ. Салонъ, игравшій такую большую роль въ Парижѣ, въ Германіи почти не привился; впервые подобіе его мы встрѣчаемъ лишь съ расцвѣтомъ нѣмецкой литературы, на поворотѣ отъ XVIII къ XIX столѣтію.

Подъ вліяніемъ возникшаго въ это же время великаго педагогическаго движенія, потребность приобщить къ новому литературному образованію и женщинъ создала въ началѣ XIX в. довольно значительное число женскихъ школъ, ставившихъ себѣ общеобразовательныя задачи. Такія школы отчасти заводились городами, отчасти же являлись частными предпріятіями. Одновременно возникли и первыя женскія учительскія семинаріи, нерѣдко въ непосредственной связи съ среднею школою. Число классовъ и учебный планъ въ подобныхъ заведеніяхъ были очень различны; постояннымъ предметомъ преподаванія въ нихъ, сверхъ программы народной школы, являются только иностранные языки, по большей части французскій и англійскій. Но если по языкамъ эти школы и не уступали среднимъ «бюргерскимъ» школамъ для мальчиковъ, то по математикѣ и по естественнымъ наукамъ онѣ оставались далеко позади этихъ послѣднихъ. Ихъ цѣлью была лишь нѣкоторая общая культура, преимущественно литературно-эстетическаго характера.

Мощное и широкое женское движеніе послѣдняго тридцатилѣтія не могло не отразиться и на женской школѣ. Ново въ этомъ движеніи то, что женщина требуетъ своей доли въ общественномъ раздѣленіи

труда, и что на этомъ своемъ требованіи она въ извѣстной, и вовсе не въ малой мѣрѣ сумѣла и настоять. И вотъ, тогда какъ раньше женская школа имѣла цѣлью исключительно «общее образованіе», образованіе для дома и ближайшаго общественнаго круга, теперь задачей ея становится давать на ряду съ этимъ общимъ образованіемъ также основы, необходимыя для дальнѣйшаго научнаго и спеціальнаго образованія. Такова именно точка зрѣнія, которую проводить и вышедшій въ 1894 г., первый въ Пруссіи, общій уставъ для женскихъ среднихъ школъ и испытаній на званіе учительницы. За норму женской школы принята была девятиклассная школа, хотя рядомъ съ нею оставлена была и десятиклассная. Установленъ былъ экзамень на званіе старшей учительницы изъ предметовъ литературно - словесныхъ или естественно - математическихъ, по выбору, и признано было желательнымъ, чтобы старшими учительницами замѣщались, на ряду съ учителями, большее число учительскихъ мѣстъ, чѣмъ прежде, притомъ во всѣхъ классахъ, не исключая и трехъ высшихъ. вмѣстѣ съ этимъ въ принципѣ уже намѣчено было и допущеніе женщинъ къ научнымъ занятіямъ въ университетѣ. Вопреки встрѣченному сопротивленію (Германія здѣсь отличалась особеннымъ упорствомъ), допущеніе это осуществлено было еще въ концѣ минувшаго столѣтія. частію въ формѣ правильной имматрикуляціи, какъ въ Баденѣ и Баваріи, частію подъ видомъ «гостепріимства», какъ это до сихъ поръ все еще практикуется въ Пруссіи. Въ послѣднемъ случаѣ за каждымъ доцентомъ оставляется право и не допускать женщинъ на свои лекціи — ограниченіе, едва ли со-

вмѣстимое съ предоставленнымъ женщинамъ правомъ сдавать экзамень зрѣлости. Организация учебныхъ курсовъ, подготовляющихъ къ университетскимъ занятіямъ, еще не вылилась въ постоянныя формы. Существуютъ вольные курсы, возникло и нѣсколько женскихъ гимназій, скомбинированныхъ съ женской средней школой обычнаго типа слѣдующимъ образомъ: въ среднихъ классахъ, приблизительно соответствующихъ возрасту между 12 и 13 годами, здѣсь отвѣтвляется особый курсъ съ учебнымъ планомъ, близкимъ къ плану реформированной реальной гимназій 1). Въ ближайшемъ будущемъ проектируется и совсѣмъ новый порядокъ, именно возведеніе надъ женскими средними училищами совершенно самостоятельной надстройки — Высшаго лица (Oberlyzeum), четырехгодичный курсъ котораго примыкалъ бы къ десятилѣтнему курсу средней школы (лица). Этотъ Высшій лицей, являющійся или самостоятельнымъ заведеніемъ, или внѣшнимъ образомъ связанный съ лицеемъ, по своему учебному плану не предполагаетъ держаться строгаго единства мужскихъ гимназій, а долженъ представлять собою рядъ параллельныхъ курсовъ съ свободою выбора между ними. Основною формою намѣчается курсъ, въ существенныхъ чертахъ приближающійся къ типу Высшаго реального училища, т.-е. на первый планъ выдвигающій новыя языки и науки; другой курсъ включаетъ въ себя латинскій языкъ, третій—латинскій и греческій, при чемъ на обоихъ этихъ курсахъ по другимъ отдѣламъ должно допускаться освобожденіе ученицъ отъ того или дру-

1) См. стр. 248.

гого предмета, на примѣръ, отъ одного изъ новыхъ языковъ, или же прохожденіе известнаго предмета въ сокращенномъ размѣрѣ; такъ, на примѣръ, по математикѣ для нихъ можетъ быть организованъ параллельный курсъ, сокращенный до трехъ только часовъ. Какъ мы видимъ, по самостоятельности организаци и по предоставляемой ученицамъ относительной свободѣ выбора между предметами, Высшій лицей приближается къ формѣ англо-американскаго колледжа. Очень возможно, что ему будетъ суждено указать и мужской гимназій дальнѣйшіе пути развитія.

III. Народная школа.

Исторія нѣмецкой народной школы распадается на три большихъ отдѣла. 1) Періодъ основанія народной школы; школа является въ это время придаткомъ церкви (до 1648 г.); 2) періодъ перехода школьнаго управленія въ руки государства и проведенія всеобщей школьной повинности (1648—1800); 3) періодъ выработки изъ народной школы дѣйствительнаго рассадника народнаго просвѣщенія (XIX в.). Къ послѣднему періоду мы здѣсь и обратимся.

Корнями своими современная нѣмецкая народная школа уходитъ въ эпоху Просвѣщенія: въ этой именно области великое педагогическое движеніе конца XVIII вѣка принесло лучшіе свои плоды. Песталоцци указалъ здѣсь школѣ истинные цѣли и пути. Цѣлью народной школы онъ поставилъ поднятіе каждаго ребенка, каждаго члена человѣческаго общества, на степень свободной, умственно и нравственно самостоятельной личности. Это—та же цѣль, которую

такъ мощно проповѣдуетъ этика Канта: какъ существо разумное, всякій человѣкъ призванъ къ свободѣ и самоопредѣленію, поэтому тотъ, кто умышленно удерживаетъ другого человѣка на уровнѣ нуждающагося въ опекѣ ребенка или хотя бы только отказываетъ ему въ средствахъ для достиженія самостоятельности, совершаетъ грѣхъ противъ его человеческого достоинства, противъ человечества въ немъ. Путь къ данной цѣли—воспитаніе къ свободѣ. Такое воспитаніе достигается упражненіемъ въ самостоятельномъ пользованіи своими силами. Задача воспитателя состоитъ въ томъ, чтобы будить и расшевеливать скрытыя въ человѣческой природѣ силы и доставлять имъ способы разумно проявлять себя. Старая система, стремившаяся вложить въ воспитанниковъ извѣстное духовное содержаніе чисто пассивнымъ образомъ, безъ всякаго обращенія къ ихъ самодѣятельности, путемъ одной долбежки изъ-подъ палки, не даетъ истиннаго образованія. Только путемъ свободнаго упражненія можетъ человѣкъ дѣйствительно развить свои умственные силы: только такимъ путемъ онъ можетъ изощриться въ умѣнь видѣть, судить и мыслить. То же относится и къ силамъ нравственнымъ: и здѣсь задача воспитанія состоитъ въ томъ, чтобы развитіе нравственнаго сужденія и воли изнутри шло къ конечной цѣли нравственнаго образованія—къ свободному хотѣнію добраго и должнаго.

Возможность широкаго осуществленія подобныхъ идей—широкаго благодаря соединенію реформаторскаго пыла педагоговъ съ политической необходимостью—открылась при крахѣ стараго порядка отъ толчка, даннаго французской Революціей. Какъ ни

мало оправдалъ ходъ революціи тѣ пламенныя надежды, съ которыми духовные вожди Германіи взирали на начало великаго движенія, нѣчто великое она все же совершила, она разбудила всѣ народныя силы сосѣдняго государства и сдѣлала для Франціи, еще недавно слабой и жалкой, возможнымъ тотъ могучій натискъ, подъ напоромъ котораго безнадежно рухнули старыя государства континента. Страшное пораженіе прусскаго государства въ убѣдительнѣйшей формѣ преподало ему поученіе, что только развитіе и свободное дѣйствіе всѣхъ народныхъ силъ можетъ возстановить его и спасти отъ гибели нѣмецкую народность вообще. Этимъ именно убѣжденіемъ и проникнута великая эпоха подъема Пруссіи, проникнуты всѣ тѣ люди, которые отдали дѣлу возстановленія государства свои силы и жизнь. Причиною поразившаго насъ несчастія—таковъ общій имъ ходъ мыслей—была незрѣлость народа, его абсолютная покорность и, какъ слѣдствіе ея, отчужденность и равнодушіе его по отношенію къ государству и отечеству. Чтобы нація и государство могли подняться вновь, государство должно перестать быть дѣломъ одной только династіи, должно стать также и дѣломъ народа. Но стать дѣломъ народа государство можетъ только тогда, когда народъ будетъ выведенъ изъ состоянія тупой пассивности, до котораго его довели полицейская опека и—что еще позорнѣе—частное закабаленіе крупными помѣщиками, и когда онъ будетъ призванъ къ активному участию въ общественныхъ дѣлахъ, т. е. когда будетъ состоять уже не изъ подданныхъ только, и даже подданныхъ второго порядка, а изъ свободныхъ гражданъ. Для этого же, въ свою очередь, необходимо, чтобы массы вышли изъ поло-

женія умственныхъ и моральныхъ малолѣтковъ, въ которомъ ихъ до сихъ поръ держали церковь, школа и государство, и поднялись до уровня взрослыхъ людей, свободно дѣйствующихъ по собственному разумѣнію и волѣ.

На этомъ пунктѣ прусскіе государственные люди и сошлись со швейцарскимъ реформаторомъ воспитанія. Вырвать массы изъ состоянія инертной пассивности, поднять ихъ до уровня свободныхъ, умственно и нравственно самостоятельныхъ личностей,— вѣдь именно этого хотѣлъ и Песталоцци. Уже раньше правительство, въ особенности благодаря Пламану, обратило вниманіе на Песталоцци; теперь на немъ сосредоточились всѣ взоры. Самъ Штейнъ неоднократно поминаетъ про него въ своихъ докладахъ, указывая, что методъ Песталоцци повышаетъ самостоятельность ума, будитъ религіозное и другія благородныя чувства, укрѣпляетъ идейную жизнь, умѣряетъ силу чувственныхъ побужденій. Николовиусъ и Зюфернъ уже давно находились въ близкихъ отношеніяхъ съ Песталоцци. Фихте въ своихъ «Рѣчахъ къ нѣмецкой націи» назвалъ его освободителемъ, подобнымъ Лютеру. Подъ вліяніемъ такого настроенія учебное начальство отправляетъ въ Ивердонъ партію молодыхъ людей. Тамъ, какъ говорится въ составленной для нихъ Зюферномъ инструкціи, они должны были не просто изучить механическую сторону метода, а «пріобщиться священному огню, пылающему въ груди этого мужа силы и любви, созданія котораго все же не достигаютъ высоты того, къ чему онъ самъ стремился, и чему методъ его служитъ лишь отдаленнымъ выраженіемъ, слабымъ примѣромъ».

Строки эти, какъ и вся переписка 1809—1811 гг. между Берлиномъ и Ивердономъ, съ захватывающей насъ силой передаютъ духъ того времени, — времени великой страстной вѣры въ великое обновленіе человѣка. Никогда не было времени, которое смотрѣло бы въ будущее съ такимъ чистымъ, радостнымъ и полнымъ надежды энтузіазмомъ, которое работало бы надъ развитіемъ подрастающихъ поколѣній съ такою преданной любовью, какъ этотъ періодъ внѣшняго униженія. Ничто не представляется невозможнымъ, — стоитъ лишь непреклонно захотѣть. Этимъ же духомъ проникнуты и «Рѣчи» Фихте. Всѣ надежды возлагаются здѣсь на новое нѣмецкое національное воспитаніе; одно изъ нѣмецкихъ государствъ должно здѣсь показать дорогу и организовать его. Пользуясь своимъ правомъ принуждать, законность котораго нигдѣ меньше не нуждается въ доказательствахъ, чѣмъ здѣсь, гдѣ дѣло идетъ о принужденіи къ добру (вѣдь принуждаетъ же государство подданныхъ къ военной службѣ), оно должно вырвать дѣтей изъ развращеннаго общества и помѣстить ихъ въ воспитательныя заведенія, которыя одновременно должны быть школами учебными и рабочими. Это — требованіе времени, необходимое условіе сохраненія націи. «Черезъ 25 лѣтъ мы, вѣроятно, уже будемъ имѣть то лучшее поколѣніе, которое намъ необходимо», если немедленно же рѣшительно приступимъ къ осуществленію этого плана. Тогда не будетъ больше бѣдныхъ, не будетъ черни, не будетъ преступниковъ. Не будетъ уже надобности въ особомъ войскѣ, на которое теперь государство затрачиваетъ столько средствъ: всѣ будутъ прирожденными и хорошо подготовленными защитниками своей страны;

подобная же страна непобѣдима. Точно такъ же и «всѣ отрасли хозяйства безъ большого труда, въ короткое время, достигнуть такого расцвѣта, какого не видѣла еще ни одна эпоха, и первоначальныя издержки государства—если ему угодно будетъ ихъ усчитывать—вернутся ему тысячекратно».

Таковъ былъ въ общихъ чертахъ строй мысли и чувствъ въ эту эпоху неподдѣльнаго энтузіазма, силой котораго обновлено было все дѣло народнаго воспитанія. Всюду развивается напряженная дѣятельность. Чтобы возможно скорѣе провести новые методы въ жизнь, въ Бранденбургѣ и въ Пруссіи читаются вольные курсы, прежде всего для духовныхъ лицъ, а ими, въ свою очередь,—для учителей; на востокѣ возбуждающее вліяніе оказываетъ приглашенный въ Кенигсбергъ Целлеръ.

За Вѣнскимъ миромъ наступаетъ новый періодъ,—періодъ спокойной и плодотворной работы, продолжающійся до 1840 г. Въ первую очередь предпринимается серьезная и усердная работа по подготовкѣ учителей. Основывается цѣлый рядъ семинарій; онѣ организуются и ведутся по принципамъ Песталоцци выдающимися людьми, среди которыхъ первое мѣсто занимаютъ В. Гарнишъ (въ Бреславлѣ и Вейсенфельсѣ) и А. Дистервегъ (въ Мёрсѣ, позднѣе въ Берлинѣ). Матеріальныя средства семинарій большею частію были очень скудны, но недостатокъ средствъ съ избыткомъ покрывался вѣрой въ дѣло, которая превозмогала все. Руководители сумѣли вдохнуть свое одушевленіе и въ учениковъ. Образование юношества, образование народа—святое дѣло; такова была эта возвышающая вѣра, изъ которой семинаріи и народная школа черпали жизненную

силу. Для иллюстраціи взглядовъ, господствовавшихъ въ началѣ этого періода въ правительственныхъ кругахъ, я приведу здѣсь выдержку изъ одной записки Зюфера на отъ 1817 г.: «Не на мертвыхъ силахъ природы зиждется государство, а на живыхъ, способныхъ къ безграничному повышенію и развитію. Пусть только государство посвятитъ должную заботу уходу за этими живыми людскими силами, особенно въ критическую для ихъ развитія пору, и тогда силы природы безъ большой затраты внѣшнихъ средствъ сами собой оживутъ, умножатся, забьютъ неудержимымъ ключомъ. А вмѣстѣ съ этимъ и само государство будетъ выигрывать непрерывно во внутреннемъ и внѣшнемъ значеніи, достоинствѣ и мощи. Таковъ здѣсь совершенно безошибочный расчетъ: что вложено въ подобное дѣло, то неизбѣжно возвращается даже въ матеріальномъ смыслѣ—не сразу, правда, зато съ великою лихвою».

Въ высшихъ сферахъ, положимъ, скоро стало вѣять совѣмъ инымъ духомъ. Фридрихъ Вильгельмъ III, вѣроятно, никогда вполне не раздѣлялъ энтузіазма своихъ совѣтниковъ къ дѣлу народнаго образованія. Теперь же, поддаваясь гнуснымъ напештываніямъ, онъ совершенно отказался отъ національнаго направленія и слышать больше не хотѣлъ о вѣрѣ въ свой народъ и о значеніи, которое имѣетъ народная самодѣятельность для государства. Повинуясь своей истинной природѣ, онъ перешелъ на путь Меттерниховской политики, которая, будучи, можетъ быть, единственно возможной для Австріи, для Пруссіи означала отказъ и отъ своего достоинства, и отъ своей національной задачи. То обстоятельство, что Меттернихъ сдѣлался тогда *Spiritus rector* прусской

политики вмѣсто Штейна, оказалось роковымъ исходнымъ пунктомъ для всѣхъ послѣдующихъ смуть и поражений; Меттерниховская политика сдѣлала неизбѣжнымъ 48 годъ, послѣдствія же ея даютъ себя знать еще и до сихъ поръ.

Съ учрежденіемъ въ 1817 г. новаго министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, во главѣ котораго сталъ баронъ ф.-Альтенштейнъ, Зюфернъ скоро потерялъ руководящее вліяніе. Выработанный имъ законопроектъ, обнимавшій собою все учебное дѣло (1819 г.), такъ и остался проектомъ; онъ заглохъ подъ множествомъ поправокъ и особыхъ мнѣній, которыя на него обрушились. Энергія, нужная для осуществленія великихъ замысловъ, исчезла. Въ верхахъ прежняя инициатива и поощреніе всякихъ начинаній смѣнились политикой нерѣшительнаго лавированія и проволочекъ. «Какъ бы не черезчуръ» — вотъ чего опасается дворъ, и тотъ же страхъ сквозитъ въ угрюмо недовольномъ тонѣ правительственныхъ указовъ. Такъ, Альтенштейнъ, тотъ самый Альтенштейнъ, который когда-то самъ увлеченъ былъ бурей и видѣлъ въ «Рѣчахъ» Фихте философское откровеніе, объявляетъ въ одномъ циркулярномъ рескриптѣ отъ 1822 г., что Его Величество, «съ благосклонностью относясь къ живому интересу, проявляющемуся въ дѣлѣ начальной школы, вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, обращаютъ вниманіе на то, что въ школьномъ дѣлѣ должны быть соблюдаемы свои границы, дабы изъ простолудиновъ не выходили, совершенно вопреки ихъ предназначенію въ будущемъ, сомнительные всезнайки». Заботливость, поистинѣ не особенно необходимая въ такую пору, когда народная школа еще только готовилась перейти изъ

рукъ портныхъ и инвалидовъ въ руки учителей, подготовленныхъ къ своему дѣлу.

Къ счастію, путь сверху внизъ былъ тогда длиненъ,—еще длиннѣе, чѣмъ онъ теперь; вмѣстѣ съ тѣмъ и сила сопротивленія среднихъ инстанцій въ старомъ чиновничьемъ государствѣ тоже, пожалуй, была больше, чѣмъ въ распатанномъ окружающей партійной жизнью чиновничествѣ современномъ. Среди провинціальныхъ должностныхъ лицъ старый духъ остался. Не улетучился онъ окончательно и изъ министерства. Самъ Альтенштейнъ, хотя и не былъ человѣкомъ большого ума и сильнаго чувства, все же былъ человѣкъ образованный и отнюдь не сочувствовалъ ретроградному мракобѣсію. Не удалась реакціонной партіи и очистка министерства отъ нежелательныхъ лицъ, въ родѣ Іог. Шульце. Такимъ образомъ, неслышная работа въ семинаріяхъ и народныхъ школахъ въ общемъ продолжалась безпрепятственно. Помѣхи изъ политической сферы, которыя такъ угнетали университеты, здѣсь почти не ощущались. Въ 1840 г., къ концу управленія Альтенштейна, въ Пруссіи насчитывалось 38 учительскихъ семинарій и 7 вспомогательныхъ семинарій (Hilfsseminare), дѣятели которыхъ—между ними были и лица очень выдающіяся—вели ихъ большею частію въ духѣ идей Песталоцци. Вначалѣ учрежденія эти не были связаны какимъ-либо общимъ учебнымъ планомъ, а свободно соревновали между собой въ поискахъ лучшаго и наиболѣе плодотворнаго. Задача ихъ была двойная: снабженіе будущихъ учителей необходимыми познаніями и введеніе ихъ въ искусство преподаванія. Первая изъ этихъ задачъ особенно выдвигалась впередъ въ первые 2 года

курса—обыкновенно трехгодичнаго. Въ эти 2 года семинаріи, отправляясь отъ образованія, получаемаго въ народной школѣ, стремились расширить и углубить свѣдѣнія ученика по всѣмъ тѣмъ отраслямъ, съ которыми школьному учителю приходится имѣть дѣло. Вторая задача выступала на первый планъ въ послѣдній учебный годъ; для выполненія ея при каждой семинаріи заведена была образцовая школа, гдѣ семинаристы сначала только присутствовали на урокахъ, а потомъ подъ руководствомъ учителей преподавали и сами.

Важное значеніе имѣло и развитіе педагогической теоріи. Оно связано прежде всего съ именемъ Гербарта. Въ университетахъ педагогика становится спеціальнымъ академическимъ предметомъ; кое-гдѣ ведутся и соотвѣтственные семинаріи. Черезъ преподавателей учительскихъ семинарій, получившихъ научную подготовку въ университетѣ, эта новая педагогика на психологической основѣ стала достояніемъ и народныхъ учителей. Педагогика Гербарта долгое время даже такъ и считалась среди нихъ «научной» педагогикой вообще. Благодаря строгой выработкѣ понятій, она шла навстрѣчу догматической потребности народнаго учителя, а нейтральность ея по отношенію къ политическимъ и религіознымъ контroversамъ времени давала ей свободный доступъ въ учительскую среду. И она, несомнѣнно, оказала большое вліяніе, въ особенности тѣмъ, что углубила отношеніе къ проблемамъ дидактики.

Съ 1840 г. въ исторіи народной школы начинается второй періодъ,—періодъ застоя и реакціи, охватившей тогда и всѣ другія отрасли государ-

ственной жизни. Онъ отмѣченъ тремя министерствами: Эйхгорна, Раумера и Мюлера. Высшія политическія соображенія, до сихъ поръ едва касавшіяся низшей школы, теперь вторгаются и въ семинарію, и въ народную школу. Глубокое недовѣріе къ словію учителей, ненависть къ «чрезмѣрному» образованію—вотъ чѣмъ характеризуется теперь школьное управленіе. Симптомами поворота явились: закрытіе Бреславльской семинаріи и удаленіе отъ должности Дистервега, директора Берлинской семинаріи для подготовки городскихъ учителей (1847). Всюду раздаются жестокіе упреки по адресу народныхъ учителей; ихъ упрекаютъ въ полуобразованности, въ чванствѣ своей просвѣщенностью, въ невѣріи, заносчивости и строптивости. Король Фридрихъ Вильгельмъ IV въ нихъ именно видитъ корень всего зла. На одномъ совѣщаніи преподавателей учительскихъ семинарій въ 1849 г. онъ такъ излилъ тотъ гнѣвъ, которымъ переполнено было его сердце: «Всѣ бѣдствія, обрушившіяся въ истекшемъ году на Пруссію, ваша и только ваша вина,—вина того мнимаго образованія, того безбожнаго всезнайства, которое вы распространяете въ массахъ вмѣсто настоящаго знанія, и съ помощью котораго вы искоренили въ душѣ моихъ подданныхъ вѣру и вѣрность и отвратили сердца ихъ отъ меня. Еще будучи наслѣдникомъ, я всею душой ненавидѣлъ это надутое, показное лжепросвѣщеніе, а когда сталъ регентомъ, я дѣлалъ все, чтобы положить ему конецъ. По этому пути я неуклонно намѣренъ слѣдовать и впредь, и никакая сила въ мірѣ меня съ него не собьетъ». Эта рѣчь, если и не считать ея передачу дословно точной, все же, несомнѣнно, вѣрно выра-

жаетъ чувства короля. И надобно сказать, никогда еще собственные грѣхи не сваливались на чужую голову съ такой жестокой несправедливостью, какъ здѣсь. Вообще, ни одна эпоха не судила о своей предшественницѣ болѣе жестоко и несправедливо, чѣмъ эпоха романтической реакціи объ эпохѣ Просвѣщенія.

Воззрѣнія, получившія теперь господство, формулированы въ предписаніяхъ пресловутыхъ «Регулятивъ» отъ октября 1854 г.; авторомъ ихъ былъ Фердинандъ Штиль. «Регулятивы» посвящены учительскимъ семинаріямъ съ приготовительными къ нимъ заведеніями и народной школѣ. Въ нихъ впервые устанавливаются для семинарій и народныхъ школъ общеобязательные учебные планы; до того времени и провинціямъ, и каждому учебному заведенію въ отдѣльности предоставлялась широкая свобода. Основная тенденція этихъ плановъ—сведеніе народнаго образованія съ неподобающей ему высоты назадъ къ прежней простотѣ. Чтеніе, письмо, немного ариѳметики и Законъ Божій согласно вѣроисповѣданію — вотъ существенные и необходимые предметы, введенные евангелическою народной школой въ эпоху Реформаціи; что сверхъ того, то, если и не есть прямое зло, все же въ сущности излишне, и потому можетъ быть допускаемо лишь съ осторожностью. Мы здѣсь опять встрѣчаемъ то же настроеніе, какъ и при первой реакціи противъ духа Просвѣщенія, при Фридрихѣ Вильгельмѣ II. Въ одной Вельнеровой «инструкціи» для учителей сельскихъ и низшихъ городскихъ школъ предписывается: чтеніе, катихизисъ, Библия (умѣнье быстро отыскивать въ ней то или другое мѣсто!), церковные

гимны—вотъ главные предметы; къ нимъ присовокупляется «нѣкоторое умѣніе писать разборчиво и нѣкоторый навыкъ въ простѣйшихъ, необходимыхъ въ домашнемъ обиходѣ приемахъ счета». «Сообразно съ этимъ» говорится далѣе, въ § 2, «на указанныхъ пунктахъ и должна сосредоточиваться главная работа; менѣе всего дозволяется учителямъ, пренебрегая этими главными предметами или хотя бы только проходя ихъ недостаточно усердно, давать дѣтямъ уроки по естественной исторіи и по географіи». Все это почти что прямо можно было бы взять и въ Штилевы «Регулятивы» въ видѣ предисловія: замѣтить разницу тутъ удалось бы, пожалуй, только по особой елейности Вѣльнера языка.

Работа осаживанія назадъ начинается, конечно, съ семинарій: вѣдь отъ нихъ все зло и произошло. Занятія науками вводятся въ самые тѣсные предѣлы: ибо въ сущности учителю вовсе не нужно знать много больше того, что ему послѣ придется преподавать. Семинаріи должны готовить просто учителей, а не полу-ученыхъ—этотъ припѣвъ повторяется на всѣ лады. Чтобы въ томъ или другомъ случаѣ переступить за предѣлы того, что здѣсь признано необходимымъ и достаточнымъ, требуется каждый разъ особое разрѣшеніе министерства. «Задача семинаріи не то образованіе, которое требуется для веденія городской школы высшаго типа, а образованіе и умѣнье, которыхъ требуетъ отъ учителя веденіе обыкновенной одноклассной начальной школы». Этому соотвѣтствуютъ и предписанія касательно отдѣльныхъ предметовъ. «Все, что до сихъ поръ входило въ учебные планы подъ рубриками: педагогика, дидактика, антропология, психология,

должно быть устранено»; вмѣсто этого вводится простое «школовѣдѣніе». Далѣе, Законъ Божій, до сихъ поръ часто преподававшійся подъ названіемъ «христіанскаго ученія», впредь долженъ быть обозначаемъ, какъ «преподаваніе катихизиса». «Въ основу этого преподаванія должно быть положено руководство, которое полностью содержало бы все то, что будущимъ школьнымъ учителямъ необходимо знать, въ совершенно опредѣленномъ изложеніи».

Точно такъ же и преподаваніе родного языка ограничено самымъ необходимымъ; въ основу его должна быть положена просто «книга для чтенія». «Такъ называемая классическая литература» не допускается даже для чтенія внѣкласснаго. Тѣмъ же духомъ проникнуты и постановленія насчетъ исторіи, географіи и естествознанія.

Даже по отношенію къ математикѣ и счету проводится принципъ строгаго ограниченія; бѣсъвысокомѣрія способны вѣдь проскользнуть и въ такую лазейку. Такъ, десятичныя дроби и извлеченіе корней считаются уже выходящими изъ сферы народнаго учителя; «вещи эти могутъ быть допущены лишь въ видѣ исключенія, и только тамъ, гдѣ это безусловно вызывается обстоятельствами». И это въ учительскихъ семинаріяхъ! А въ это самое время въ превосходной народной школѣ на моей родинѣ, въ Шлезвигѣ,—во второй изъ школъ, гдѣ мнѣ пришлось учиться,—мы не только извлекали кубичные корни съ любимъ числомъ десятичныхъ знаковъ, но проходили кое-что и по алгебрѣ, и по геометріи. Вмѣсто всѣхъ этихъ отнынѣ запретныхъ плодовъ, которыми привыкли величаться семинаріи,

главнымъ предметомъ объявляется теперь религіозно церковное преподаваніе, при чемъ и тутъ на первый планъ выдвигается твердое усвоеніе (наилучше достигаемое заучиваніемъ наизусть) великаго количества библейскихъ разсказовъ, текстовъ, перикопъ, псалмовъ, церковныхъ пѣснопѣній. Для поступающихъ установлены даже точныя цифры: къ экзамену надо знать 50 церковныхъ пѣснопѣній, 18 псалмовъ, священную исторію Ветхаго и Новаго завѣтовъ и, конечно, катихизисъ; все это и потомъ, при прохожденіи курса семинаріи, ученикамъ рекомендуется прилежно повторять и держать постоянно въ головѣ. Учителю тоже настоятельно внушается, чтобы при преподаваніи Закона Божія онъ строго держался предписаннаго учебника и ничего не прибавлялъ бы отъ себя. Такимъ образомъ бѣсъ высокоумія изгоняется и изъ него. Стѣдигъ еще отмѣтитъ стремленіе переносить семинаріи въ деревню или въ маленькіе города и дѣлать изъ нихъ закрытыя учебныя заведенія,—все это, конечно, затѣмъ, чтобы по возможности охранить будущихъ учителей отъ вліянія «тлетворнаго» духа времени.

Тѣми же тенденціями проникнуты и предписанія, касающіяся народной школы. За норму принимается тутъ одноклассная сельская школа. Законъ Божій съ массою заучиванія наизусть и здѣсь выдвинутъ далеко на первый планъ; всѣ остальные предметы сокращены до послѣдней возможности. «Если обстоятельства позволяютъ, то можно три часа въ недѣлю употреблять на отечествовѣдѣніе и естествовѣдѣніе и одинъ часъ на рисованіе!» Развивающая метода, направленная къ «формальному» образованію силъ, отвергается, а зазубриваніе наизусть и

выслушивание заученнаго вводятся снова, какъ нормальная форма школьныхъ занятій. Задачею школы признается не приученіе къ самостоятельному сужденію и мышленію, къ *bien raisonner* Фридриха Великаго, а «наполненіе учениковъ цѣннымъ и достойнымъ матеріаломъ». Люди, слишкомъ много думающіе, опасны—таковъ невысказанный принципъ, который лежитъ въ основѣ всѣхъ постановленій «Регулятивъ». Все школьное преподаваніе должно быть подчинено двумъ основнымъ требованіямъ, которыми слѣдуетъ неизмѣнно руководиться,—такъ заканчиваетъ авторъ «Регулятивъ»: «во-первыхъ, необходимо, отказавшись отъ односторонняго стремленія къ абстрактному, формальному развитію мышленія, давать преподаванію подходящее и достойное содержаніе; и, во-вторыхъ, необходимо, чтобы работа надъ этимъ содержаніемъ, которое никоимъ образомъ не должно переступать границу полного разумѣнія учениковъ, развивала ихъ силы и доводила ихъ до самостоятельнаго умѣнья». Принципы эти, несомнѣнно, допускаютъ разумное толкованіе и примѣненіе; но несомнѣнно и то, что при такомъ толкованіи и примѣненіи, какое имъ давалось въ «Регулятивахъ», они имѣли цѣлью только понизить умственный уровень народныхъ учителей и уронить народную школу. Такъ современниками и были поняты «Регулятивы».

Третій и послѣдній отдѣлъ исторіи прусской народной школы начинается съ концомъ эпохи реакціи: онъ характеризуется возвратомъ къ стремленіямъ перваго періода, возрожденіемъ педагогическихъ принциповъ Песталоцци. Въ шестидесятыхъ годахъ прусское государство подъ руководствомъ

мощнаго государственнаго дѣятеля, выйдя изъ долговременной летаргіи, смѣло пробиваетъ себѣ дорогу во внѣшней политикѣ: Бисмаркъ доставилъ ему неоспоримое верховенство въ Германіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ возвратилъ и всему нѣмецкому народу силу и смѣлость, нужную для того, чтобы создать себѣ приличествующее положеніе среди другихъ племенъ на земномъ шарѣ. Съ этимъ связанъ былъ и поворотъ во внутренней политикѣ. Народъ, который энергично борется извнѣ, во внутренней политикѣ можетъ руководиться лишь такимъ верховнымъ принципомъ: развивать всѣ дарованныя ему природой силы, доводя ихъ до высшей работоспособности, и пользоваться ими въ интересахъ цѣлаго. Двѣ вещи всюду и всегда идутъ рука объ руку: трусливое безсиліе во внѣшней политикѣ и вызываемый репрессіей застой во внутренней, смѣлое отстаиваніе своихъ интересовъ извнѣ и стремленіе внутри дать свободное развитіе всѣмъ силамъ. Государство, у котораго совѣсть чиста, которое само вѣритъ въ себя и въ свою цѣнность, вѣритъ и въ народъ; и, наоборотъ, если государство само въ себя плохо вѣритъ, оно труситъ и собственныхъ своихъ подданныхъ.

Въ школьной политикѣ такой поворотъ выразился приглашеніемъ въ министры народнаго просвѣщенія доктора Фалька (1872). Мѣсто Ферд. Штиля въ департаментѣ народнаго образованія занялъ при немъ Фр. Шнейдеръ. Въ томъ же году «Регулятивы» были отмѣнены. Вмѣсто нихъ были изданы «Общія постановленія относительно народной школы и подготовки учителей» 15 окт. 1872 года. Господствующей тенденціей въ этихъ «Постановленіяхъ»

со стороны задачъ является расширеніе программъ во всѣхъ областяхъ преподаванія, въ томъ числѣ и крупное расширеніе программы по реальнымъ наукамъ; со стороны метода—сведеніе механическаго заучиванья до самыхъ узкихъ предѣловъ и возможное развитіе силы пониманія и сужденія. Такъ, программы учительскихъ семинарій получили слѣдующій видъ. Педагогика съ логикой и психологіей были опять въ нихъ введены. Въ программѣ родного языка прямо предписывалось чтеніе такъ называемыхъ классиковъ нѣмецкой литературы. Въ программу ариѳметики не только были приняты десятичныя дроби, но полагалось проходить по математикѣ и логариѳмы, и квадратныя уравненія, и планиметрію, и стереометрію. Ради занятій естественными науками «Постановленія» озабочиваются устройствомъ при семинаріяхъ физическихъ кабинетовъ и химическихъ лабораторій. Наконецъ, вводится въ видѣ необязательнаго предмета преподаваніе одного изъ новыхъ языковъ: обычно имъ является французскій. Какъ видно отсюда, страхъ передъ «наукой» исчезъ.

Въ организаціи народной школы та же тенденція проявляетъ себя тѣмъ, что многокласснымъ школамъ отдается рѣшительное предпочтеніе предъ одноклассными, которыя лишь терпятъ отъ нужды: гдѣ есть нѣсколько одноклассныхъ школъ, въ такихъ мѣстахъ ихъ рекомендуется сливать въ одну многоклассную. Если число учениковъ переходитъ за 80, полагается заводить два класса; выше 120 учениковъ — три класса. Занятія, которыя всюду распредѣляются на три ступени, получаютъ слѣдующій видъ. Въ преподаваніи Закона Божія выдвигается на первый планъ

введеніе въ Св. Писаніе; изъ катихизиса проходятся лишь первые три отдѣла; число церковныхъ пѣсно-пѣній, которыя должны быть выучены на память, сводится къ 20 (противъ 40, по меньшей мѣрѣ, которыхъ требовали «Регулятивы»). Въ преподаваніи родного языка цѣлью ставится отчетливое и выразительное чтеніе, и умѣнье грамотно писать подъ диктантъ и въ сочиненіяхъ; на высшей ступени многоклассныхъ школъ полагается знакомиться по хрестоматіи съ отрывками изъ главныхъ произведеній родной поэзіи и съ личностями нѣкоторыхъ поэтовъ. По математикѣ на старшей ступени проходятся десятичныя дроби и элементы геометріи. Въ многоклассныхъ школахъ проходятся основы физики съ опытами. Исторія, географія и естество-вѣдѣніе ставятъ своей задачей развитіе въ ученикахъ сознательнаго отношенія къ тому, что ихъ окружаетъ, и возможное углубленіе въ смыслъ проходящихъ передъ глазами явленій. Развитію вкуса къ изящному служатъ рисованіе и пѣніе—не только церковное, но и свѣтское. Наконецъ, гимнастика и гимнастическія игры должны служить развитію тѣла. Дѣвочки, сверхъ того, обучаются рукодѣлію, а кое-гдѣ теперь и разнымъ другимъ отдѣламъ домо-водства.

Нельзя не признать: тамъ, гдѣ школа достигаетъ подобныхъ цѣлей, она является дѣйствительнымъ образовательнымъ учрежденіемъ для народа. Достигнуть ихъ, положимъ, не такъ уже просто, и сейчасъ это не всюду удастся—тамъ, на примѣръ, гдѣ въ одноклассной школѣ одному учителю приходится заниматься съ переполненнымъ классомъ, или тамъ, гдѣ школа посѣщается неаккуратно, или тамъ, гдѣ приходится

считаться съ иными препятствіями въ родѣ того, что преподаваніе ведется не на родномъ языкѣ. Но въ сколько-нибудь сносныхъ условіяхъ такія «цѣли» достижимы; здѣсь дѣло идетъ не о преувеличенныхъ запросахъ, а о необходимомъ, и только крайняя нужда можетъ оправдывать пониженіе подобныхъ требованій. И нельзя не прибавить, что прусская народная школа за прошедшее съ тѣхъ поръ поколѣніе, вопреки кое-какимъ легкимъ колебаніямъ въ школьной политикѣ, правильно работая, успѣла на много продвинуться къ такой цѣли. При ростѣ зажиточности населенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и государственныхъ средствъ, для школы и для учителей, особенно при управленіи д-ра Боссе, стало дѣлаться значительно больше, чѣмъ прежде. Одноклассная деревенская школа перестала быть типомъ народной школы; количество трехклассныхъ и многоклассныхъ школъ все возрастаетъ; еще же болѣе возрастаетъ число дѣтей, которыя посѣщаютъ такія школы, что связано съ ростомъ городовъ и по-городски живущаго населенія. Такимъ образомъ, теперь въ школахъ стараго образца обучается сравнительно очень немного народа. А такъ какъ подготовка и положеніе учителей тоже соотвѣтственно поднялись, то можно, съ достаточною увѣренностью, полагать, что успѣшность работы школъ и школьниковъ также на много повысилась ¹⁾.

1) Въ 1861 г. въ Пруссіи было по городамъ 2.935 школъ съ 10.290 классами; въ сельской округѣ 21.828 школъ съ 26.493 классами. Въ 1901 г. въ городахъ было 4.413 школъ съ 35.733 классами; въ сельской округѣ 32.332 школы съ 68.349 классами. Число дѣтей въ одноклассныхъ школахъ въ 1901 г. равнялось всего 1.373.442, въ двухклассныхъ — 487.830

На ряду съ уставомъ народныхъ школъ, «Общія постановленія» выработали еще схему такъ называемой «средней школы» (Mittelschule)—учебнаго заведенія, представляющаго расширенную «бюргерскую школу» и предназначеннаго служить связующимъ звеномъ между народной школой и заведеніями гимназическаго типа. Въ такой школѣ должно быть не меньше пяти классовъ—обычное число шесть. Въ ней прежде всего проходятся болѣе обстоятельно и болѣе подробно, особенно въ области такъ называемыхъ «реальныхъ наукъ», тѣ же предметы, какъ въ народной школѣ, а сверхъ того, одинъ изъ новыхъ языковъ—французскій, какъ обязательный предметъ, и другой какой-нибудь, какъ необязательный. Эта школьная форма, которая должна была удовлетворить возрастающій спросъ на образованіе со стороны мелкой буржуазіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшить наплывъ учащихся въ низшіе и средніе классы гимназій, развивается сравнительно туго: число такихъ школъ въ 1901 г. равнялось всего 456 съ 3 759 классами и 134.741 ученикомъ. Причина этого лежитъ, очевидно, не въ недостаткахъ ихъ организаціи, а въ социальныхъ условіяхъ: ихъ причисляютъ къ народнымъ, а не къ средне-учебнымъ заведеніямъ; учителями въ нихъ являются лица безъ университетскаго диплома; они не даютъ ни права на одностороннее отбываніе воинской повинности, ни другихъ привилегій. Поэтому имъ предпочитаютъ «реальныя училища».

въ 3—8-классныхъ—3.819.600, т.-е. составляло болѣе двухъ третей общаго числа. Число учительскихъ семинарій, оставшееся въ эпоху реакціи почти безъ измѣненій (при Штиль прибавилось какихъ-нибудь два-три заведенія), въ 1901 г. равнялось 133.

Надо упомянуть еще объ одной очень существенной сторонѣ Фалькова управленія школьнымъ дѣломъ—о перемѣнѣ въ отношеніяхъ съ церковью. Если въ предшествующій періодъ царило стремленіе возвратить школу подѣ владычество церкви, насколько это только возможно безъ явнаго пожертвованія принципомъ государственной школы, то теперь, при обострившихся отношеніяхъ государства съ католической церковью въ эпоху «культурной борьбы», дѣло пошло какъ разъ наоборотъ: правительство стало теперь заботиться о томъ, чтобы поставить школу въ независимость отъ церкви, насколько это только возможно безъ отказа отъ историческаго и, сверхъ того, формально санкціонированнаго въ § 24 конституціи принципа, гласящаго, что при организаціи школъ надо принимать въ самое серьезное вниманіе конфессіональныя отношенія, и что руководство преподаваніемъ религіи должно быть предоставлено религіознымъ обществамъ. Законъ 1872 г. касательно школьной инспекціи ставитъ верховнымъ положеніемъ, что надзоръ за школами представляетъ функцію государства и что духовнымъ лицамъ онъ предоставляется вовсе не какъ ихъ право, а какъ возложенное на нихъ государствомъ порученіе, которое можетъ быть каждую минуту взято и обратно. Въ среду окружныхъ инспекторовъ было введено значительное количество лицъ съ специальнымъ образованіемъ: въ настоящее время они представляютъ четверть общаго числа инспекторовъ 1). Интерконфессіональная или «па-

1) Органами управленія народной школой въ Пруссіи являются: 1) министръ народнаго просвѣщенія; 2) die Bezirksregierungen; 3) die Kreisschulinspektoren и, наконецъ,

ритетная» школа тоже нашла себѣ сильную поддержку въ управленіи Фалька: особенно оно благоприятствовало повсюду сліянію маленькихъ, слабыхъ одноклассныхъ конфессіональныхъ школъ въ болѣе работоспособныя многоклассныя заведенія. При этомъ, однако, Фалькъ вовсе не былъ либеральнымъ доктринеромъ и не возводилъ интерконфессіональной школы въ принципъ; напротивъ, даже тогда, когда предложенія слить конфессіональныя школы въ интерконфессіональную исходили отъ самихъ городскихъ обществъ, онъ давалъ согласіе лишь въ томъ случаѣ, если это явственно обусловливалось нуждами дѣла. И нѣтъ сомнѣнія, что такова и должна быть здравая политика въ данномъ вопросѣ: считаясь съ внутренней необходимостью и съ внѣшними условіями, надо ни въ чемъ не поступаться требованіями дѣла, но и ни въ чемъ не уступать никакому доктринерству, будь оно клерикальное или антиклерикальное—все равно. Въ общемъ, и при послѣдующихъ министерствахъ, несмотря на проявляющуюся ими по временамъ гораздо большую склонность къ конфессіонально-церковной организаціи школы, создашіеся при Фалькѣ порядки все-таки удержались вопреки жестокимъ нападкамъ съ клерикальной стороны.

Итакъ, за послѣднее людское поколѣніе народная школа въ цѣломъ неукоснительно поднималась

4) die Lokalschulinspektoren. Die Kreisschulinspektoren, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, по функціямъ своимъ соотвѣтствуютъ, приблизительно, нашимъ инспекторамъ народныхъ училищъ. «Мѣстнымъ» же инспекторомъ является, обычно, пасторъ, наблюдающій за веденіемъ дѣла въ отдѣльной школѣ или въ маленькой группѣ сосѣднихъ школъ. *Ред.*

вверхъ. И можно съ увѣренностью разсчитывать, что этотъ подъемъ будетъ продолжаться и впредь. Положимъ, есть и помѣхи: даже въ либеральной буржуазіи энтузіазмъ къ народному образованію теперь, пожалуй, далеко не тотъ, какъ лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, не говоря уже про круги прусскихъ крупныхъ землевладѣльцевъ и католической правящей церкви. Въ народномъ представительствѣ не мало есть людей, которые со стѣсненнымъ сердцемъ смотрятъ на возвышеніе уровня народнаго образованія. Вопросъ, не легче ли управлять массами, пока онѣ остаются въ невѣжествѣ, волнуеть со времени появленія социаль-демократіи даже такіе круги, гдѣ раньше самая постановка его вызвала бы взрывъ негодованія. И, тѣмъ не менѣе, я не сомнѣваюсь, что поступательное движеніе будетъ продолжаться: назадъ итти здѣсь невозможно. Интересъ цѣлаго обществія говоритъ слишкомъ ясно. Пускай то здѣсь, то тамъ партійные интересы поднимаютъ вопросъ, дѣйствительно ли расширеніе народнаго образованія полезно: но для народа въ цѣломъ,—для народа, организованнаго въ государство,—и для такого монархическаго правительства, какъ наше, не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что ихъ интересъ требуетъ возможно полнаго развитія всѣхъ народныхъ силъ ради національнаго самосохраненія и ради завоеванія для націи достойнаго мѣста въ мірѣ. При современномъ міровомъ положеніи народъ, который отстанетъ въ культурной области, неизбѣжно будетъ оттѣсненъ народами, которые энергично въ ней работаютъ. Нельзя не видѣть, что нѣмецкій народъ можетъ теперь только цѣною величайшаго напряженія удержать за собой тотъ перевѣсъ, который онъ полу-

чилъ въ области народнаго образованія, благодаря раннему проведенію всеобщаго обязательнаго обученія и дѣятельнымъ заботамъ о подготовкѣ учителей. Теперь въ лицѣ Франціи, въ лицѣ Америки у него и въ этой области явились конкуренты, вынуждающіе его напрягать всѣ силы. А въ томъ не можетъ быть сомнѣнія, что въ великой борьбѣ за міровое положеніе и міровое могущество верхъ возьмутъ тѣ народы, которые лучше всего организуютъ воспитаніе и образованіе юношества, создавъ стоящую на высотѣ своей задачи школу и обезпечивъ съ экономической и нравственной стороны возможность благотворнаго вліянія семьи. Тѣмъ же, кто полагаетъ, что сильная государственная власть прочнѣе всего можетъ быть основана на невѣжествѣ массъ, судьбы одной великой восточно-европейской державы какъ разъ въ настоящее время даютъ недвусмысленный урокъ. Государство, которое боится просвѣщенія, можетъ быть увѣрено, что познакомится съ нимъ въ самой непріятной его формѣ.

Составленныя Шнейдеромъ постановленія касательно народной школы дѣйствуютъ и понынѣ; напротивъ, для учительскихъ семинарій былъ изданъ въ 1901 г. новый уставъ и введены новыя программы экзамена на учителя. Основною чертой этой реформы въ дѣлѣ подготовки учителей является повышение уровня научнаго образованія. Во времена Штиля семинаріи имѣли собственно одну задачу: усовершенствовать учителей въ техникѣ преподаванія, при чемъ въ смыслѣ собственнаго образованія учителей считалось почти вполне достаточнымъ, чтобы они протверживали то, что нѣкогда учили сами въ народной школѣ, и чему имъ предстояло тамъ учить

другихъ. Теперь, напротивъ, новый уставъ стоитъ на томъ, что первую и высшею задачей семинарій является выработка изъ учителей образованныхъ и самостоятельно мыслящихъ людей. Съ этою цѣлью по примѣру, данному нѣкоторыми другими нѣмецкими государствами, приготовленію будущихъ учителей у насъ посвящается шесть лѣтъ, которые они проводятъ сначала въ подготовительной школѣ ¹⁾, а затѣмъ въ самой семинаріи. Соотвѣтственно этому, сильно расширена и программа отдѣльныхъ предметовъ: въ педагогику вводятся основы логики и психологіи; по родному языку дается связный курсъ, посвященный главнымъ твореніямъ средневѣковой и новой нѣмецкой литературы: сюда входятъ поэмы и драмы Шиллера и Гёте, прозаическія сочиненія Лессинга, Гердера и Шиллера, къ чему прибавляются отрывки изъ Гомера и какая-нибудь Шекспировская драма. Не исключается знакомство и съ литературными новостями. Далѣе, въ теченіе всѣхъ шести лѣтъ регулярно проходится одинъ изъ иностранныхъ языковъ (французскій или англійскій, а для желающихъ и латинскій). Программа математики обнимаетъ логариемы, квадратныя уравненія, стереометрію и тригонометрію.

Мы видимъ, что занятія въ семинаріяхъ стремятся, такимъ образомъ, повсюду принять пропедевтическо-научный характеръ, сближаясь въ данномъ отношеніи съ преподаваніемъ въ средней школѣ. Въ этомъ отразился тотъ фактъ, что все положеніе учительскаго сословія измѣнилось и измѣняется все болѣе

¹⁾ Die Präparandenanstalt — просеминарія съ трехлѣтнимъ общеобразовательнымъ курсомъ. Ред.

и болѣе: на мѣсто стараго грамотея, который училъ читать и писать, да заставлялъ отвѣчать себѣ катихизисъ, сталъ воспитатель юношества, стремящійся, по возможности, приобщить широкія массы населенія ко всей совокупности духовной жизни націи. Многоклассная городская и «средняя» школы, которыя все растутъ и растутъ по мѣрѣ перехода нѣмецкаго народа отъ несложнаго аграрнаго быта на положеніе первоклассной индустриальной и коммерческой державы, предъявляютъ иные запросы къ умственному развитію учителя, чѣмъ старая одноклассная деревенская школа. Но работой въ народной школѣ теперь не исчерпывается еще задача народнаго учителя; поднявшаяся надъ народною школою система профессиональныхъ и дополнительныхъ школъ предъявляетъ къ нему запросы, на которые онъ можетъ, какъ слѣдуетъ, отвѣтить лишь въ томъ случаѣ, если онъ самъ зорко слѣдитъ за жизнью своей эпохи, если онъ самъ привыкъ разбираться въ экономическихъ и техническихъ, политическихъ и правовыхъ, въ научныхъ и литературныхъ вопросахъ, которые кругомъ него возникаютъ.

Съ такой точки зрѣнія надобно разсматривать и громко заявляемое въ наше время учительскимъ сословіемъ желаніе, чтобы ему открытъ былъ доступъ въ университетъ. Положимъ, принятое въ принципѣ на послѣднемъ учительскомъ съѣздѣ въ Кёнигсбергѣ требованіе, чтобы всѣ учителя всѣхъ школъ, безъ различія ихъ ступеней, одинаково получали свою научную подготовку въ университетѣ, я считаю за утопію. Это неисполнимо какъ по внѣшнимъ экономическимъ условіямъ, такъ и по внутреннимъ—по организаціи университетскаго пре-

подаванія и по задачамъ народной школы: народной школѣ не нужны такіе спеціалисты-ученые, какихъ вырабатываетъ университетъ, они тамъ не найдутъ приложенія своимъ знаніямъ. Но я считаю безусловно желательнымъ, чтобы особенно одареннымъ и сильнымъ волею воспитанникамъ семинарій возможно облегченъ былъ доступъ въ университетъ; надо со всѣмъ усердіемъ опрокидывать тѣ барьеры, которые наставлены между различными общественными классами и между разными профессіями. Что новый уставъ прусскихъ семинарій сдѣлалъ по этому пути нѣсколько шаговъ впередъ, въ этомъ я вижу его величайшую заслугу. Поэтому же нельзя не привѣтствовать и тѣ стремленія, которыя исходятъ изъ университетскихъ круговъ съ цѣлью доставить любознательнымъ учителямъ возможность соприкосновенія съ научною работою путемъ устройства для нихъ курсовъ и лѣтнихъ занятій.

Я скажу еще два слова о только что упомянутомъ новомъ созданіи XIX вѣка, — о живо развивающейся всюду и безконечно разнообразной системѣ дополнительныхъ и профессиональныхъ школъ. Система эта, воздвигаясь на фундаментѣ народной школы, ставитъ своей задачей закончить то, что тамъ было начато, и послужить предверіемъ къ практической жизненной работѣ. Подобная организація стала развиваться, собственно, только въ послѣдней трети прошлаго вѣка, хотя, конечно, корни ея восходятъ и гораздо выше. Само собою разумѣется, что если образованіе оканчивается на 14 году или, какъ это бываетъ на католическомъ югѣ, и еще раньше, то благодѣтельные результаты работы народной школы оказываются

ничѣмъ не гарантированными; нерѣдко всѣ положенные тамъ на ученика труды пропадаютъ въ ближайшіе же годы—тѣ годы, которые для многихъ юношей являются временемъ тяжкаго кризиса во внутреннемъ развитіи. И это до такой степени бросается въ глаза, что ни одна эпоха не могла этого не видѣть. Уже въ XVIII вѣкѣ мы встрѣчаемъ много попытокъ организовать продолженіе образованія, особенно религіознаго образованія, въ воскресныхъ школахъ или въ вечернихъ классахъ. Но результаты этихъ попытокъ, которыя мы долгое время встрѣчаемъ и въ XIX столѣтіи, въ общемъ оказывались совершенно жалкими. Отсутствіе интереса и непокорное чувство юношеской свободы обращали ихъ обычно въ ничто. Иначе стало складываться дѣло со второй половины XIX столѣтія, когда хозяйственное развитіе пошло впередъ столь быстрымъ темпомъ. Преподаваніе, организуемое для тѣхъ лѣтъ, которыя слѣдуютъ за школьнымъ временемъ въ узкомъ смыслѣ, стало все больше и больше направляться въ сторону спеціальныхъ, профессиональныхъ занятій, стремясь не столько повторять и укрѣплять то, что было приобрѣтено въ народной школѣ, а пользоваться ея работою для приобрѣтенія новыхъ знаній и навыковъ, имѣющихъ прямое отношеніе къ избранной и начатой уже практической жизненной карьерѣ. И это преподаваніе, знакомящее съ новыми вопросами и связанное непосредственно съ практическими жизненными задачами, оказывается способно съ самаго начала гораздо быстрее и крѣпче привязывать къ себѣ интересъ учениковъ.

Такъ возникла въ нѣмецкихъ государствахъ необычайно богатая дѣленіями и подраздѣленіями и

чрезвычайно разнообразно организованная система средних и низших профессиональных школ. По всей Германии раскинулась сеть промышленных, торговых, сельскохозяйственных и других профессиональных и дополнительных школ с очень различными программами, как то показывает первый систематический обзор их, сделанный в изданном Лексисом трудѣ «Образованіе въ Германской имперіи» (IV, 3). Общими для всѣхъ дополнительныхъ школъ учебными предметами являются родной языкъ и математика, а также рисованіе, при чемъ задачи преподаванія приспособляются къ особымъ требованіямъ той или иной профессіи. Правда, нерѣдко первой необходимостью здѣсь является возвращеніе къ общимъ основамъ, укрѣпленіе и дополненіе того, что проходило въ народной школѣ. И такимъ образомъ, дифференцированная по спеціальностямъ дополнительная школа снова принимаетъ общеобразовательный характеръ, который она почти всецѣло и сохраняетъ тамъ, гдѣ подготовка, выносимая изъ народной школы, бываетъ очень недостаточна, и гдѣ скромность условій жизни не дають для дифференціаціи простора, какъ то находимъ мы на каждомъ шагу въ сельской округѣ. Но, сверхъ того, дополнительнымъ школамъ приходится еще бороться съ трудностью такого рода: имъ не хватаетъ подготовленныхъ преподавателей. Раньше развитію ихъ тоже очень мѣшала нерегулярность посѣщенія, но съ этимъ Пруссія можетъ такъ же справиться, какъ справились болѣе мелкія государства, т.-е. объявивъ посѣщеніе ихъ обязательнымъ. Впрочемъ, право объявлять посѣщеніе такихъ школъ обязательнымъ и теперь уже

предоставлено общинамъ, и города имъ широко пользуются.

Итакъ, уже сейчасъ въ нѣмецкихъ земляхъ насчитываются сотни тысячъ молодыхъ людей, которые, по окончаніи курса въ народной школѣ, получаютъ дальнѣйшее образованіе, обычно приуроченное къ потребностямъ извѣстной жизненной профессіи. И этой новой системѣ образовательныхъ учреждений, высящихся надъ общеобразовательной народной школой, нельзя не предсказать блестящаго будущаго. Она не только имѣетъ огромное значеніе для хозяйственной жизни нашего народа: она является великимъ благодѣяніемъ и для индивидуальнаго развитія. Въ годы, слѣдующіе за окончаніемъ народной школы, молодые люди бываютъ всего впечатлительнѣе и всего болѣе нуждаются въ воздѣйствіи на духовную свою дѣятельность. Это тѣ годы, когда обыкновенно природные задатки переходятъ въ дѣйствительно производительныя силы. А если почва въ это время не культивируется, то она съ крайней легкостью зарастаетъ сорными травами. Да и съ точки зрѣнія нравственнаго развитія нельзя не цѣнить очень высоко той опоры, которая дается совмѣстною работой въ направленной къ серьезнымъ цѣлямъ дополнительной школѣ, хотя бы школа эта и не ставила себѣ никакихъ моральныхъ задачъ.

Какъ особую форму дополнительной школы, отмѣтимъ здѣсь еще такъ называемые «народные университеты», которые какъ разъ теперь начинаютъ переселяться къ намъ отъ нашихъ сѣверныхъ сосѣдей. Въ качествѣ своего рода college для широкихъ массъ сельскаго населенія, они обладаютъ высокой цѣнностью, какъ средство воспитанія настоящихъ,

полно развитыхъ людей: для образованія юношескаго характера нѣтъ ничего лучше, какъ самоуправленіе кружка, стоящаго въ рамкахъ извѣстнаго общаго порядка ¹⁾).

За то же людское поколѣніе, которое принесло такую богатую прибавку къ системѣ общественныхъ образовательныхъ учреждений, огромнѣйшую важность получила и другая образовательная система, стоящая, надо замѣтить, въ извѣстномъ антагонизмѣ съ первой: я разумѣю повременную печать и литературу. Лѣтъ 50 тому назадъ газета была еще достояніемъ сравнительно очень тѣснаго круга лицъ. Теперь она проникла въ массу. Въ городѣ газету читаетъ всякій, да и въ деревнѣ безъ нея живутъ сейчасъ развѣ только отсталые слои населенія восточныхъ провинцій. А сверхъ газеты въ массу идутъ еще еженедѣльники и ежемѣсячники разнообразнаго содержанія и разнообразнаго формата и, наконецъ, книги, всяческія книги. для развлеченія и для поученія, классическая литература и сенсационные романы. Все это стучится во всѣ двери, все это стремится заполнить людскія души богачи и бѣднота, старые и малые, мужчины и женщины,—все стали теперь читателями. Міръ представленъ даже въ народной массѣ чрезъ это несказанно обогатился, и быстрота обращенія ихъ возросла въ высочайшей степени. Тѣ, кто сто лѣтъ тому назадъ совсѣмъ не читалъ, а если и читалъ, то развѣ календарь или Библію или сборники проповѣдей, какъ

¹⁾ Говоря здѣсь о народныхъ университетахъ, авторъ имѣетъ, очевидно, въ виду учрежденія датскаго типа. Смотри о нихъ М. Гиршъ, Народные Университеты. Москва. 1906 г.

сельское и городское рабочее население,—тѣ всѣ теперь читаютъ ежедневно сообщенія и разсужденія о политической и общественной жизни, естественно-научную и религіозную просвѣтительную литературу, повѣсти и романы, путешествія и историческія сочиненія въ патріотическомъ или въ социаль-демократическомъ духѣ. Представляетъ ли такое поголовное чтеніе чистый выигрышъ для внутренняго развитія—объ этомъ можно, конечно, думать по-разному. Нетрудно указать его опасности. Поверхностность и неустойчивость нашего времени стоятъ, безспорно, во внутренней связи съ этимъ безконечнымъ чтеніемъ безъ системы и безъ опредѣленной цѣли. Прежде, когда человѣкъ читалъ и перечитывалъ немного отборныхъ, гармонировавшихъ между собою книгъ, ему легче было довести свое духовное существо до ясности, законченности и глубины. А теперь, при безконечномъ чтеніи газетъ, когда съ утра до ночи голова наполняется извѣстіями со всѣхъ концовъ свѣта, когда въ ней вихремъ проносится вереница представлений, все больше сенсаціоннаго, ужаснаго, или противнаго, скандальнаго характера, гдѣ ужъ тутъ думать о спокойномъ внутреннемъ образованіи! Однако жалобы на это тщетны, и праздное занятіе мечтать о возвращеніи добраго стараго времени, которое, надо признаться, тоже бывало, сплошь да рядомъ, и очень тупоумно. Наша задача можетъ состоять лишь въ томъ, чтобы направить это разъ пробудившееся стремленіе читать въ надлежащее русло. У насъ есть сколько угодно хорошихъ, цѣнныхъ вещей для чтенія: о томъ и надо хлопотать, чтобы онѣ шли въ руки публикѣ, а не базарный хламъ. И въ этомъ направленіи за послѣднее время

кое-чего дѣйствительно уже удалось добиться путемъ организаціи множества дешевыхъ изданій и учрежденія общественныхъ библиотекъ и читаленъ. Публичныя лекціи, народныя университеты и другія аналогичныя предпріятія могутъ тутъ тоже оказать самое благотворное вліяніе, включивъ въ свои задачи руководство чтеніемъ. А если мы съ успѣхомъ поведемъ дѣло по этому пути, то тогда—какъ надо надѣяться—теперешнее умѣнье читать и пристрастіе къ чтенію, дѣйствительно, послужатъ къ расширенію и къ углубленію духовной жизни. И повременная печать вмѣстѣ съ подъемомъ читателей сама неизбежно станетъ подниматься. Чѣмъ больше станетъ входить въ обычай, какъ это давно повелось въ Англіи, что сами читатели будутъ являться критическими сотрудниками газеты, тѣмъ живѣе и среди класса профессиональныхъ газетныхъ дѣятелей будетъ чувство ответственности передъ самими собой и передъ читающей газетой публикой.

Я не хочу пройти молчаніемъ одну темную сторону того, что совершается въ области образованія за послѣднее время: родительскій домъ теряетъ свою воспитательную силу. Изъ него исчезаетъ самое главное: онъ перестаетъ быть мѣстомъ, гдѣ юношество воспитывается къ труду, работая совмѣстно съ родителями. Въ первобытныхъ, да и сейчасъ еще въ крестьянскихъ условіяхъ дѣти по мѣрѣ роста естественно оказываются членами рабочей ассоціаціи, представляемой семьей. Для мальчиковъ и для дѣвочекъ съ малыхъ лѣтъ находится занятіе дома и въ полѣ, на кухнѣ и въ огородѣ. И складъ подобныхъ отношеній носить очень отраднѣйшій характеръ: родителямъ дѣти служатъ подмогой, а дѣти радуются

тому, что дѣлають для дома. На это обращалъ великое вниманіе и Песталоцци, когда онъ славиль атмосферу домашней жизни. Но въ большомъ городѣ такая трудовая ассоціація дѣтей съ родителями разлагается. Отець работаетъ не дома, а на фабрикѣ или въ конторѣ или въ канцеляріи. Да и для женской половины домоводство является не тѣмъ, что въ старыхъ условіяхъ. Хозяйка не знаетъ серьезной дѣятельности, направленной на производство всякаго нужнаго для семьи добра: все получается въ готовомъ видѣ съ рынка или изъ магазина. Ей остается только стряпня, стирка, починка и уборка. Но даже это можно дѣлать не самой. Хозяйка уходитъ также на работу—и домъ падаетъ на степень ночлежнаго пріюта. А вмѣстѣ съ тѣмъ, и дѣти становятся обузой, тяготой—или въ богатыхъ семьяхъ превращаются въ забаву, въ нарядныхъ куколъ—а тутъ еще посылай ихъ въ школу!—Благодаря такому изсякновенію естественной воспитательной силы семьи, и здѣсь приходится организовать общественное объ этомъ попеченіе. Уже дѣлаются пробы давать въ учебныхъ заведеніяхъ то, чего семья больше давать не хочетъ или не можетъ. Такъ, мы видимъ, что въ женскихъ школахъ къ обученію рукодѣлью, которое давно тамъ введено, кое-гдѣ, особенно въ нѣкоторыхъ большихъ городахъ, прибавлены правильно поставленныя упражненія въ другихъ отдѣлахъ домоводства. И мальчикамъ кое-гдѣ тоже преподается ручной трудъ: это пришло къ намъ съ сѣвера, гдѣ всякаго рода работа по дому удержала болѣе видное мѣсто, чѣмъ у насъ. И этому нельзя не сочувствовать: разъ подобныя искусства не сохраняются путемъ непосредственной передачи внутри

семьи, то надо обществу принимать свои мѣры, чтобы они не исчезли. Ловкость рукъ сама по себѣ представляетъ существенный элементъ въ общемъ развитіи индивидуума, не говоря уже про то, какъ она дорога въ жизни для всякаго, особенно же для женщинъ. Она во всякомъ случаѣ гораздо важнѣе для семьи, чѣмъ умѣнье хозяйки говорить (или молчать) на иностранныхъ языкахъ. Да и для воспитанія характера ручной трудъ вещь не безразличная: скромное мастерство даетъ ему скромную и серьезную складку, тогда какъ искусство краснорѣчія и прочія превыспреннія вещи легко ведутъ къ тщеславію и кичливости своею образованностью.

Здѣсь стѣдуетъ еще помянуть про возникшія недавно трудами доктора Э. Литца загородныя воспитательныя заведенія: такія школы устраиваются въ сельской обстановкѣ, и на ряду съ классными занятіями воспитанники ихъ принимаютъ дѣятельное участіе въ сельскихъ работахъ. Онѣ преслѣдуютъ ту же цѣль—служить замѣной дома, теряющаго свою воспитательную силу. Я считаю очень вѣроятнымъ, что эти и подобныя имъ заведенія будутъ у насъ расти и множиться. Наемная квартира въ большомъ городѣ, хотя бы самая нарядная, и тѣ условія, въ какихъ идетъ семейная жизнь въ этихъ огромныхъ центрахъ, не представляютъ собой подходящей почвы для здороваго развитія подрастающихъ людскихъ поколѣній.

ГЛАВА III.

Итоги и перспективы.

Въ заключеніе сдѣланнаго мною очерка прошлаго попытаюсь теперь заглянуть и въ будущее. Предвидѣніе наше, разумѣется, можетъ опираться только на данныя предшествующаго развитія, и я поэтому еще разъ напомнимъ тѣ главныя линіи, по которымъ развитіе это двигалось до сихъ поръ. Что и при этомъ мы въ нашихъ сужденіяхъ о будущемъ все же будемъ далеки отъ абсолютной достовѣрности— нечего и говорить: всегда могутъ вторгнуться постороннія воздѣйствія, могутъ случиться катастрофы, способныя отклонить развитіе или совершенно оборвать его. Не подлежитъ, однако, сомнѣнію тотъ фактъ, что наиболѣе общія тенденціи культурной жизни противятся такимъ случайностямъ внѣшне-историческаго характера съ чрезвычайной стойкостью. Въ конечномъ счетѣ историческая жизнь все же опредѣляется не случайными событіями, а тѣми цѣлями, къ которымъ по природѣ своей стремятся внутреннія жизненныя силы. Направленіе развитію даетъ идея, которая дѣйствуетъ на него, какъ скрытая притягательная сила.

Оглядываясь на пройденное развитіе въ его цѣломъ, мы усматриваемъ въ немъ двѣ стойкія основныя

тенденціи: во-первыхъ, образовательныя учрежденія все болѣе становятся свѣтскими и государственными; во-вторыхъ, школьное образование распространяется на все болѣе широкіе круги или, если угодно, все болѣе демократизируется.

Первая тенденція, которую можно опредѣлить и какъ тенденцію къ деклерикализациі, ближайшимъ образомъ проявляется во внѣшней секуляризациі, въ переходѣ школьнаго управленія отъ церкви къ государству. Въ средніе вѣка все дѣло образованія было въ рукахъ церкви; въ настоящее время политическая власть всюду взяла его въ свои руки, оставивши церкви—болѣе или менѣе добровольно—лишь извѣстную, бѣольшую или меньшую, долю вліянія, главнымъ образомъ въ области народной школы. Началось это съ университетовъ, еще въ средніе вѣка; послѣ Реформаціи государство подчинило себѣ и среднія школы, сначала въ протестантскихъ областяхъ; въ XVIII же и въ XIX вѣкахъ уже и народная школа все болѣе становится государственной. Подобный ходъ дѣла, очевидно, обусловливается тѣмъ, что церковь вообще начинаетъ отставать въ движеніи культуры, и въ качествѣ господствующей формы жизни новое время все болѣе выдвигаетъ впередъ государство; а эта эволюція стоитъ, въ свою очередь, въ несомнѣнной связи съ постепеннымъ превращеніемъ мысли и чувства западныхъ народовъ въ посястороннія; загробный міръ отступаетъ на задній планъ, мотивы его теряютъ силу надъ людьми, вмѣстѣ же съ этимъ идетъ на убыль и вліяніе церкви.

Внѣшней секуляризациі соотвѣтствуетъ и измѣненіе внутреннее: самое образование становится болѣе

и болѣе свѣтскимъ. Преподаватели, начиная съ университетскихъ и кончая учителями народной школы, перестали быть слугами или членами церкви. Содержаніе преподаваемаго, главнымъ образомъ, составляютъ свѣтскія науки и искусства. Контроль преподаванія съ точки зрѣнія согласованности его съ церковнымъ ученіемъ отошелъ въ прошлое. Прежде всего, его сбросили съ себя университеты, что окончательно и повсемѣстно произошло въ теченіе XVIII столѣтія (до тѣхъ же поръ, кромѣ факультета теологическаго, по меньшей мѣрѣ еще и философскій факультетъ находился подъ строгимъ церковнымъ присмотромъ). Въ наше время и теологія стала наукой, которая для установленія истины пользуется критеріями имманентнаго характера; по крайней мѣрѣ, это можно сказать о теологіи евангелической; органы церкви, хотя въ отдѣльныхъ случаяхъ и не безъ успѣха, но въ общемъ тщетно пытаются связать изслѣдованіе догмой. Что касается школы, то здѣсь, правда, еще сохранился церковный надзоръ за преподаваніемъ религіи, но самое преподаваніе это уже утратило свое прежнее главенство. Еще какихъ-нибудь 200 лѣтъ тому назадъ, и даже меньше, школа—какъ гимназія, такъ и народная школа—цѣликомъ погружена была въ церковность, и все обученіе въ ней сводилось къ вопросамъ вѣроисповѣднымъ; съ тѣхъ поръ и въ народной школѣ, и въ гимназіи обученіе вѣрѣ введено въ такія границы, что Законъ Божій является теперь не болѣе, какъ однимъ изъ учебныхъ предметовъ. Часто онъ даже занимаетъ положеніе предмета второстепеннаго, а кое-когда просто лишь терпится, какъ чужеродное тѣло, какъ пережитокъ, который, собственно, уже не подходитъ къ цѣлому

и устраненіе котораго составляетъ лишь вопросъ времени.

Таковъ былъ ходъ развитія до сихъ поръ. И мы не имѣемъ причины думать, чтобы съ разсматриваемой стороны движеніе когда-нибудь могло направиться вспять. Конечно, преходящія ретроградныя поползновенія возможны. Церковь не отказалась отъ своихъ притязаній на господство въ школѣ — въ особенности католическая церковь, которая вообще никогда не отказывается ни отъ одного изъ правъ, когда-либо ей принадлежавшихъ. И дѣйствительно, нельзя не согласиться, что по идеѣ своей воспитаніе, несомнѣнно, принадлежитъ къ области, которую церковь считаетъ и не можетъ не считать неотъемлемымъ своимъ владѣніемъ, — къ области *cura animarum*, руководства душами и нравами. Но разъ что-либо совершилось, нельзя снова сдѣлать это несовершившимся. Государство не дастъ снова вырвать у себя изъ рукъ руководство дѣломъ воспитанія, которое перешло къ нему по самому ходу вещей и не безъ вины той же церкви, съ конца среднихъ вѣковъ почти неизмѣнно являющейся тормозомъ культурнаго развитія. Нельзя не признать также, что дѣло воспитанія настолько тѣсно связано съ расширившимися цѣлями и задачами государства, что послѣднее дѣйствительно не можетъ допустить, чтобы воспитаніе изъ *politicum* снова стало *ecclesiasticum*. Современное культурное государство, ставя себѣ задачей самосохраненіе народа и постоянное повышеніе его быта, его политическаго и хозяйственнаго, умственнаго и нравственнаго уровня (ибо по существу оно и есть не что иное, какъ организація народа для этой цѣли),

не можетъ при этомъ безразлично относиться къ воспитанію подрастающихъ поколѣній: вѣдь воспитаніемъ и обезпечивается прежде всего непрерывность культуры, а слѣдовательно, государство не можетъ отдать его въ руки независимой церковной организаціи, довѣрчиво положившись на то, что принятую на себя задачу она будетъ выполнять въ его духѣ и въ направленіи его цѣлей. Это настолько вытекаетъ изъ существа дѣла, что даже тѣ государства, которыя всего долѣе оставались равнодушными къ указанной задачѣ политическаго общежитія, какъ, на примѣръ, англійское, за послѣднее поколѣніе начали проявлять очень серьезную заботу о народномъ образованіи и стремленіе его регулировать. Врядъ ли можно сомнѣваться, что вліяніе въ этомъ смыслѣ оказали и новѣйшіе успѣхи нѣмецкаго народа, явившіеся нагляднымъ подтвержденіемъ того, насколько руководимыя государствомъ національное воспитаніе и образованіе увеличиваютъ способность народа энергично стоять за себя въ военномъ и хозяйственномъ отношеніяхъ. Та беззаботность, съ которою нѣкоторыя европейскія государства такъ долго оставляли школу въ рукахъ церкви или же предоставляли ее саморегулированію путемъ предложенія и спроса, теперь въ европейскихъ и даже внѣ-европейскихъ государствахъ уступила мѣсто дѣятельному государственному вмѣшательству.

Это движеніе уже не остановится, а, напротивъ, развернетъ цѣлый рядъ дальнѣйшихъ послѣдствій. Однимъ изъ первыхъ его послѣдствій у насъ будетъ, какъ я увѣренъ, проведеніе до конца государственной школьной инспекціи. Мнѣ представляется несомнѣннымъ, что остатки прежняго

церковнаго владычества въ школѣ, сохранившіеся до сихъ поръ въ видѣ надзора за школами со стороны духовныхъ лицъ, въ непродолжительномъ времени исчезнуть; слишкомъ ужъ они несомвѣстимы съ общимъ строемъ современной школы. Прежде всего, изъ рукъ духовенства, уже давно недостаточно для нея сильныхъ, выпадетъ окружная школьная инспекція¹⁾ Задача ея стала такъ сложна и трудна, что требуетъ особыхъ, специально-подготовленныхъ и свѣдущихъ должностныхъ лицъ. Въ учительской средѣ существующее положеніе давно вызываетъ недовольство. Недовольны учителя и тѣмъ, что подчинены надзору лицъ другой профессіи, которыми надзоръ этотъ практикуется независимо отъ какихъ-либо внутреннихъ на него правъ, только какъ добавочная функція, присвоенная ихъ званію. Учителя видятъ въ этомъ неуваженіе къ своему дѣлу и къ своему сословію. Каждый шагъ впередъ въ развитіи у насъ школы и учительскаго образованія, дѣлая старый порядокъ все болѣе невозможнымъ, дѣлаетъ и отношенія между учащимъ и контролирующимъ персоналомъ все болѣе натянутыми. За послѣднее время на это не разъ горячо указывали и духовныя лица. За окружной послѣдуетъ и мѣстная школьная инспекція. Это не значитъ, конечно, чтобы приходскій священникъ не могъ быть допущенъ къ надзору за школой и въ томъ случаѣ, если онъ обладаетъ дарованіями, знаніемъ дѣла, любовью къ нему, и довѣріемъ общины, дающей свое согласіе на такой надзоръ. Не слѣдуетъ только, чтобы наблюденіе за школой лежало на немъ даже и тогда, когда ни

1) См. примѣчаніе на стр. 283.

одного изъ помянутыхъ условій нѣтъ въ наличности. Если сто лѣтъ тому назадъ надзоръ за школой приходскаго священника, какъ единственнаго образованнаго человѣка въ большой округѣ, быть-можетъ, и былъ необходимою, то теперь такого недостатка въ людяхъ уже нѣтъ, и прежде всего—благодаря подъему того же учительскаго сословія.

Однимъ изъ будущихъ послѣдствій развитія я считаю и то, что между министерствомъ народнаго просвѣщенія и вѣдомствомъ, руководящимъ церковной политикой государства, произойдетъ раздѣленіе ¹⁾. Послѣднее, если изъ него не будетъ сдѣлано самостоятельнаго министерства, всего проще было бы соединить съ министерствомъ юстиціи. Этимъ въ то же время было бы показано, что политика государства по отношенію къ церкви имѣетъ въ виду не управленіе церковью, не *jus in sacra*, а только охраненіе правовыхъ границъ между церковью и государствомъ. Установившееся соединеніе, собственно, предполагаетъ собою существованіе «земской» церкви (*Landeskirchentum*).

Что сказать о преподаваніи религіи? Вытекаетъ ли изъ новой связи между школой и государствомъ исключеніе этого преподаванія изъ школы? Отвѣтъ на это зависитъ отъ того, что понимать подъ «преподаваніемъ религіи». Если подъ этимъ разумѣется преподаваніе, задача котораго—убѣждать учениковъ въ истинности церковнаго вѣроисповѣданія, то я, конечно, скажу, что оно противорѣчитъ

1) Въ Германіи духовное и учебное вѣдомство подчиняются одному министру. Въ Пруссіи онъ именуется *Der Minister der geistlichen, Unterrichts- und Medizinalangelegenheiten*, или, коротко, *der Kultusminister*.

какъ существу современнаго государства, такъ и новому положенію въ немъ школы. Первоначальный его смыслъ, безъ сомнѣнія, таковъ именно и былъ; въ этомъ именно смыслѣ ввели его въ XVI вѣкѣ реформированныя церкви, а за ними и католическая. Но и теперь подобное пониманіе еще отнюдь не исчезло. Полвѣка тому назадъ «Регулятивы» высказываютъ его вполне опредѣленно, позднѣйшіе учебные планы нигдѣ его не отвергають, и оно даже по сей день формально лежитъ въ основѣ практики преподаванія и школьнаго надзора, хотя ужъ не подчеркивается больше съ прежней настойчивостью. Такого рода преподаваніе религіи—пережитокъ прошлаго, остатокъ той школы, которая хотѣла быть только разсадникомъ церковнослужителей и ничѣмъ инымъ. Здѣсь, можетъ-быть, и было умѣстно преподаваніе, главная цѣль котораго—вкоренять, въ качествѣ абсолютной и исключительной истины, вѣру данной церкви; въ современной государственной школѣ оно неумѣстно уже по той простой причинѣ, что у государства, какъ такового, вѣры нѣтъ. Отдѣльные подданные держатся вѣроисповѣданій, различныхъ по содержанію; современное государство относится ко всѣмъ этимъ вѣроисповѣданіямъ нейтрально: оно допускаетъ ихъ всѣ, но ни одного не дѣлаетъ своимъ. И если при этомъ государство въ государственныхъ школахъ, посѣщеніе которыхъ обязательно, черезъ должностныхъ лицъ государства, стоящихъ подъ государственнымъ же надзоромъ, занимается догматическимъ обученіемъ религіи, то это является, очевидно, внутреннимъ противорѣчіемъ. Положеніе это приводитъ къ той несообразности, что подъ одной и тою же государственной

властью въ однихъ школахъ въ качествѣ непреложной истины учатъ католической догматикѣ, включая сюда и ученіе о непогрѣшимости папы, въ другихъ—реформатскому или лютеранскому катихизису съ ихъ абсолютнымъ отрицаніемъ папства. Вѣковая привычка и недостаточно серьезное отношеніе къ этого рода вещамъ притупили нашу воспримчивость къ указанному внутреннему противорѣчію. Но оно существуетъ и, какъ только отношенія между государствомъ и церковью становятся натянутыми, даетъ себя чувствовать. Такъ было, на примѣръ, въ эпоху «культурной борьбы», когда изъ-за Закона Божія въ школѣ, преподававшася чиновниками государства и по его порученію, но не такъ, какъ того желала успѣвшая обогатиться новымъ догматомъ церковь, разгорѣлась цѣлая ожесточенная война. Съ другой стороны, противорѣчіе это болѣзненно чувствуется диссидентами, отъ которыхъ требуютъ, чтобы ихъ дѣти учились догматамъ вѣры, несогласнымъ съ ихъ собственною вѣрою или съ ихъ научными убѣжденіями,—а число ихъ, несомнѣнно, далеко не исчерпывается цифрами, показанными въ таблицахъ народныхъ переписей. Наконецъ, съ особенною силой оно чувствуется тѣми учителями, которые, внутренне будучи диссидентами, обязаны учить религіи въ духѣ и по мѣркѣ исповѣданія, отнюдь не выражающаго ихъ личной вѣры. Недавняя записка Бременскихъ учителей, поданная ими учебному начальству (1905), является горячимъ выраженіемъ этого рода чувствъ. Итакъ, противорѣчіе безспорно существуетъ, и придетъ время, когда оно сдѣлается нестерпимымъ. Тогда и наша государственная школа откажется отъ догматически-конфессіо-

нальнаго обученія, предоставивши каждой церкви устраивать его для желающихъ самой.

Но этою стороною дѣла вопросъ о преподаваніи религіи еще вовсе не исчерпывается, по крайней мѣрѣ, въ странахъ нѣмецко-протестантскихъ. Можно лично занимать по отношенію къ религіи какую угодно позицію, но невозможно сомнѣваться въ томъ, что религія составляла важную, можетъ-быть, даже самую важную часть содержанія прошлой исторической жизни человѣчества, и что, сколько бы ее ни провозглашали умершей, она составляетъ очень существенный элементъ нашей духовной жизни и по сей день. Въ исторіи нѣтъ страницы, которая не была бы отмѣчена ея печатью. Христіанствомъ, т.-е. христіанскою вѣрой и христіанскимъ жизненнымъ идеаломъ, насквозь проникнуты всѣ жизненные проявленія западнаго міра; въ искусствѣ и въ поэзіи, въ архитектурѣ и въ музыкѣ, въ философіи и въ наукѣ,—всюду мы встрѣчаемся съ христіанствомъ, какъ нѣкоей вездѣсущей стихіей. Еще и сейчасъ никто не можетъ пройти мимо него, не становясь къ нему въ опредѣленное отношеніе, положительное или отрицательное, а вѣдь вражда къ нему тоже своего рода признаніе его значенія. Точно такъ же и политическая исторія европейскихъ народовъ на всемъ своемъ протяженіи тѣснѣйшимъ образомъ переплетается съ религіозной. отъ обращенія въ христіанство перваго французскаго короля и отъ коронованія Карла римскимъ императоромъ до великой борьбы между свѣтской и духовной властью. наполняющей собою средневѣковую исторію, и позже отъ Реформациі до Революціи и культуркампфа мы не встрѣтимъ пяди исторической

почвы, которая находилась бы внѣ вліянія христіанства и Церкви. А потому, если задача школы—знакомить юношество съ тою жизненной средой, въ которой ему со временемъ придется дѣйствовать, и если ближайшую и самую настоящую жизненную среду людей составляетъ не природа, а среда историческая, то не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что школа и не въ состояніи, и не въ правѣ уклоняться отъ сообщенія учащимся знанія и пониманія христіанства, какъ историческаго явленія. Человѣкъ, который ничего не зналъ бы о христіанской вѣрѣ и христіанскомъ идеалѣ жизни, о библейской исторіи и исторіи Церкви, долженъ былъ бы чувствовать себя въ исторіи, да и въ текущей дѣйствительности, какъ глухой въ концертномъ залѣ: ему недоставало бы ключа для пониманія очень многого во взаимныхъ отношеніяхъ людей, въ ихъ чувствахъ и въ ихъ дѣлахъ. Школа не можетъ поэтому не говорить о всѣхъ этихъ предметахъ; она должна говорить о нихъ, какъ о явленіяхъ дѣйствительности, которыя, совершенно такъ же, какъ дѣйствительное въ природѣ, прежде всего составляютъ предметъ познанія и пониманія, а не оцѣнки. Ознакомить учащихся съ великимъ историческимъ явленіемъ во внутренней жизни рода людскаго, которое, пойдя 1900 лѣтъ тому назадъ изъ Палестины, мало-по-малу распространилось на всѣ части земного шара, и ознакомить не мимоходомъ только, какъ, напримѣръ, на урокахъ исторіи, а дать возможно связанное знаніе предмета,—эта задача и впредь останется одною изъ необходимыхъ задачъ школы, будетъ ли относящійся сюда учебный предметъ называться Закономъ Божиимъ, ученіемъ о христіанствѣ, или какъ-нибудь еще.

Въ дѣйствительности нашъ Законъ Божій уже давно идетъ по пути къ такому чисто историческому изложенію. Намъ остается только сдѣлать изъ фактовъ надлежащій выводъ и сказать себѣ: считаясь съ условіями времени и принимая нашихъ учителей и нашихъ учениковъ такими, каковы они есть, задачею своею мы можемъ ставить лишь историческое пониманіе христіанства и его вѣры, его литературныхъ памятниковъ и бытовыхъ формъ, его роста и его революцій. Убѣждать въ абсолютной истинности тѣхъ или иныхъ догматовъ школѣ не по силамъ, да это и не ея дѣло. Если бы мы рѣшились сдѣлать этотъ выводъ, мы, прежде всего, вновь дали бы нашимъ учителямъ возможность говорить о религіозныхъ предметахъ со спокойной совѣстью; ибо нельзя сомнѣваться, что обязанность преподавать религію въ догматической формѣ для многихъ изъ нихъ очень тяжела, въ особенности въ протестантской средѣ, гдѣ высшимъ авторитетомъ является собственная совѣсть, тогда какъ католическій учитель просто можетъ сослаться на то, что такъ учитъ Церковь. Я вовсе не мечтаю, конечно, что подобная постановка преподаванія будетъ свободна отъ всякихъ внутреннихъ и внѣшнихъ трудностей; но переходъ къ ней все же является шагомъ къ выходу изъ невыносимаго настоящаго положенія. Возможно, что при подобной нравственной свободѣ многіе учителя нашли бы въ новомъ преподаваніи и большое удовлетвореніе; ибо кто же можетъ не видѣть, какое въ библейскихъ книгахъ Ветхаго и Новаго завѣтовъ содержится сокровище мудрости и назиданія. Библия въ самомъ дѣлѣ—міровая книга, по содержанию и формѣ не имѣющая себѣ равной. И для народнаго

учителя нѣтъ во всей литературѣ другого произведенія, которое могло бы замѣнить ему Библию, которое такъ облегчало бы ему задачу вводить дѣтей въ пониманіе человѣчески-нравственнаго.

А что, въ концѣ-концовъ, отъ такой перемѣны не потерпѣло бы ущерба и религіозное чувство, это для меня также несомнѣнно Пусть рѣже поминаются въ школѣ извѣстныя установленныя выраженія религіозныхъ представленій, употребляемыя въ большихъ катихизисахъ, каковы ученіе о первородномъ грѣхѣ и Искупленіи, о Богочеловѣкѣ и искупительной жертвѣ, о дѣлахъ спасенія и покаяніи, о вѣрѣ и оправданіи вѣрою, для школы это не было бы потерей: всѣ эти формулы говорятъ о проблемахъ и внутреннихъ переживаніяхъ, которыя въ возрастѣ учениковъ въ сущности еще непонятны и лишены значенія, и заучиваніе ведетъ здѣсь только къ употребленію словъ безъ смысла, къ смерти религіознаго чувства. Религіозное чувство загорается при видѣ святой жизни, особенно, разумѣется, жизни, протекающей у насъ на глазахъ. Уроки религіи могутъ вліять на него только однимъ путемъ, если будутъ давать ученикамъ картины святой жизни, заимствованныя изъ исторіи и литературы. Но чтобы библейскія книги могли оказывать на нравственное образованіе юношества все свое вліяніе, онѣ именно должны быть освобождены отъ обязательнаго догматическаго истолкованія и употребляемы, какъ чисто человѣческіе памятники человѣческихъ переживаній. Насчетъ же того, что въ области формированія нравственныхъ возрѣній, а косвенно и нравственной воли, мы совсѣмъ безъ нихъ обойтись не можемъ, не можемъ и замѣнить ихъ, какъ того требуютъ

Бременскіе учителя, подборомъ произведеній изъ «всемирной литературы», на этотъ счетъ согласны всѣ, кто не находится во власти предвзятаго мнѣнія. Какъ абсолютная цѣнность библейскихъ книгъ, такъ и столь важная въ области нравственности историческая преемственность обезпечили для западно-европейскаго міра навсегда за Библіей совершенно особое положеніе.

Такая эволюція религіознаго преподаванія, наконецъ, приблизила бы насъ и къ той нѣмецкой школѣ будущаго, въ направленіи которой мы, повидимому, идемъ,—къ всеобщей интерконфессіональной народной школѣ. Школа, исключая изъ своихъ задачъ всякое религіозное воспитаніе—такъ называемая «Simultanschule», общаго и принципіальнаго введенія которой какъ разъ теперь съ такою страстностью требуютъ нѣкоторыя политическія партіи—для меня вообще не представляется идеаломъ: въ настоящее же время она, во всякомъ случаѣ, совершенно неосуществима. Навязанная людямъ, ей несочувствующимъ, принудительною силою закона, она, во-первыхъ, привела бы къ острой школьной войнѣ; дальнѣйшимъ же слѣдствіемъ ея введенія, если бы таковое удалось, было бы то, что рядомъ съ государственными школами «безъ вѣроисповѣданія» возникли бы частныя церковно-вѣроисповѣдныя школы,—въ католическихъ мѣстностяхъ во всякомъ случаѣ, а вѣроятно и въ протестантскихъ. Такимъ образомъ, окончательнымъ результатомъ этого шага, продиктованнаго не дѣйствительной необходимостью, а политическимъ доктринерствомъ, явилось бы не смягченіе конфессіональных противоположностей, котораго хотятъ достигнуть, а ихъ обостреніе и углу-

бленіе. Напротивъ, если предоставитъ дѣлу итти въ вышеуказанномъ направленіи, предначертанномъ уже и общимъ ходомъ историческаго развитія, если не мѣшать Библии болѣе и болѣе выдвигаться впередъ на счетъ преподаванія догматически-вѣроисповѣднаго, для чего вовсе не требуется какого-либо законодательнаго постановленія, а нужно только, чтобы административная практика не шла наперекоръ тому, что уже есть,—школа рано или поздно самою внутреннею эволюціей своею подготовлена будетъ и къ тому послѣдному шагу, о которомъ мы говорили, къ введенію общаго для всѣхъ исповѣданій библейско-историческаго преподаванія христіанскаго ученія. Къ такому курсу, разумѣется, отдѣльныя церкви могутъ затѣмъ присоединять и свое преподаваніе Закона Божія, устраивая подготовительныя занятія для желающихъ быть принятыми въ число активныхъ членовъ общины.

Я знаю, что многимъ, какъ изъ противниковъ такого хода дѣлъ, такъ и изъ лицъ, сочувствующихъ ему, эта перспектива покажется утопичной. И все же я убѣжденъ, что будущее подвигается къ намъ именно по этому пути. Такому характеру развитія благоприятствуетъ уже одно то, что смѣшеніе исповѣданій идетъ у насъ все быстрѣе и быстрѣе. Въ имперіи скоро не будетъ ни одного города, ни одного сельскаго округа покрупнѣе, гдѣ бы протестанты и католики не жили бокъ-о-бокъ. Непосредственнымъ результатомъ этого, вмѣстѣ съ возрастаніемъ числа смѣшанныхъ браковъ, будетъ распространеніе интерконфессіональныхъ школъ или, по меньшей мѣрѣ, увеличеніе числа школъ, гдѣ дѣти различныхъ исповѣданій будутъ учиться вмѣстѣ.

Но съ паденіемъ раздѣляющихъ перегородокъ уменьшится и взаимная отчужденность: болѣе близкое знакомство непременно поведетъ за собою и большее взаимное пониманіе. Развитію въ этомъ направленіи способствуетъ также еще другое обстоятельство, а именно то, что и въ нѣмецкомъ народѣ чувство національности все крѣпнеть. Несомнѣнно, что какъ въ жизни, такъ и во всемъ строѣ мысли и чувства, національность все больше и больше отодвигаетъ на задній планъ вѣроисповѣдные вопросы. Кажущееся обостреніе конфессіональнаго антагонизма въ XIX вѣкѣ, неожиданное усиленіе конфессіональной розни въ культуркампфѣ, не должны вводить насъ въ заблужденіе: это не болѣе, какъ послѣдняя вспышка старой вражды, вызванная страхомъ церкви за свое духовное владычество и политической неумѣлостью. На самомъ дѣлѣ, ганноверцы или шлезвигъ-голштинцы, исповѣдающіе лютеранство, съ одной стороны, и хотя бы католики баварцы—съ другой, въ началѣ XIX вѣка, несмотря на церковный миръ, были несравненно болѣе чужды другъ другу, чѣмъ въ началѣ двадцатаго, при упрочившейся уже имперіи. И наша націонализація пойдетъ все дальше; если бы для этого недостаточно оказалось силы взаимной любви, дѣло сплоченія нѣмцевъ въ единую націю довершится ненавистью окружающихъ народовъ.

Такимъ путемъ уже давно идетъ и школа; и въ ней національное приобрѣтаетъ все больше и больше значенія сравнительно съ вѣроисповѣднымъ. Въ срединѣ XVIII вѣка старая конфессіональная школа, въ особенности въ мѣстностяхъ католическихъ, существовала еще во всей своей односторонности. Съ тѣхъ поръ въ Германіи, какъ и въ прочихъ странахъ,

школа все сильнѣе проникается идеей общечеловѣческаго, съ одной стороны, и національною идеей—съ другой. Во Франціи мѣсто церковнаго культа въ государственныхъ школахъ до извѣстной степени занялъ культъ отечества. Мы до такихъ преувеличеній не доходимъ, но и мы отвели въ своихъ школахъ очень много мѣста родному языку и знакомству съ отечествомъ. Наши народныя школы въ своей учебной части давно перестали быть школами конфессіональными; онѣ — національныя школы, считающіяся, правда, и съ различіемъ вѣроисповѣданія. Въ томъ же направленіи движутся и среднія школы. Въ XVIII вѣкѣ онѣ еще вполне были подъ властью международнаго латинства и того или иного вѣроисповѣданія; за XIX вѣкѣ онѣ все больше становятся національными школами, гдѣ родной языкъ и литература являются, если и не центромъ тяжести обученія, то, во всякомъ случаѣ, его средоточіемъ. Тотъ формально-вѣроисповѣдный характеръ, безъ котораго немислима была средняя школа XVIII вѣка, въ XIX вѣкѣ стерся съ нихъ почти безслѣдно и, въ огромномъ большинствѣ своемъ, онѣ являются теперь школами «паритетными» или интерконфессіональными.

Итакъ, пусть только не мѣшаютъ плоду спокойно зрѣть: народная школа само собою идетъ указаннымъ выше путемъ.

Правда, это не тотъ путь, на который многіе ее стремятся направить, страстно защищая абсолютно-свѣтскую *Simultanschule*; это не путь къ школѣ безъ религіи. Но, чтобы вѣрить, будто школа можетъ пойти въ этомъ направленіи, надобно вѣрить, что въ томъ же направленіи христіанскіе народы

идуть и вообще. Я думаю, однако, что тѣ, кто держится такого взгляда, находятся въ большомъ заблужденіи. Человѣческій духъ никогда не будетъ находить въ наукѣ и въ семъ земномъ своемъ бытіи полнаго удовлетворенія. Это будетъ сказываться все яснѣе по мѣрѣ того, какъ попытки приводить его къ вѣрѣ и къ неземному путемъ насилія будутъ становиться рѣже. Но если религія останется частью духовной жизни въ большомъ мірѣ, она не можетъ исчезнуть и изъ маленькаго міра школы. Есть страны, гдѣ иначе дѣйствовать нельзя было; такъ, напри- мѣръ, въ католической Франціи государственную и національную школу можно было создать един- ственно цѣною исключенія религіознаго элемента. Но для Германіи я не считаю такую мѣру ни не- обходимой, ни возможной. Я, напротивъ, именно считаю счастливой особенностью нашего развитія, что намъ нѣтъ надобности платить за государствен- ную школу такой цѣны. Преподаваніе Библии и ре- лигіи у насъ находится сейчасъ въ рукахъ свѣт- скихъ учителей и вполне можетъ за ними оставаться. Это даетъ учителямъ возможность быть въ полномъ смыслѣ воспитателями юношества.

Скажу нѣсколько словъ еще объ одномъ побоч- номъ слѣдствіи усиленія государственнаго вмѣша- тельства въ нашу область. Слѣдствіемъ этимъ является все возрастающая регламентація учебнаго дѣла, которая давно уже ведетъ все къ большому и большому стѣсненію тутъ всякой самодѣятельности и свободы. Такой результатъ вы- текаетъ изъ самаго существа государства: по про- исхожденію своему государство есть организація правовая и оборонительная, а въ этихъ областяхъ

по необходимости господствует строгое и однообразное приказаніе, подкрѣпляемое имѣющимися здѣсь постоянно наготовѣ средствами принужденія. По мѣрѣ того, какъ государство брало народное образованіе въ свои руки, этотъ характеръ его сталъ проявляться и здѣсь; приказъ и принужденіе проникли и въ дѣло образованія. Церковь по своей природѣ (первоначально она была вѣдь построена всецѣло на вѣрѣ, любви и довѣріи) все же нѣсколько больше избѣгала гнета, да и не обладала всѣми необходимыми принудительными средствами. Послѣдніе крупныя шаги впередъ регламентація школы сдѣлала въ XIX вѣкѣ. Раньше принужденіе направлялось преимущественно на внѣшнія вещи; оно касалось открытія школъ и ихъ посѣщенія; теперь же и внутренняя жизнь школы все болѣе и болѣе стала подвергаться регламентаціи. Стали издаваться обязательныя учебныя планы, которые имѣли силу закона и которыми для каждаго вида школы устанавливались учебныя предметы и учебный курсъ, число часовъ и даже такія подробности, какъ ежедневная работа по каждому предмету. Созданы были особые органы со спеціальной задачей блюсти за выполненіемъ предписаній при помощи регулярныхъ ревизій и провѣрокъ. По мѣрѣ роста должностной мудрости, регламентація распространена была и на методу преподаванія и, наконецъ, подъ вліяніемъ развитія партій въ странѣ, надзоръ и принужденіе добрались даже до образа мыслей учителей и учениковъ. Въ результатѣ школа теперь такъ связана всевозможными предписаніями, что собственной инициативѣ учителя въ ней почти не остается мѣста; въ веденіи дѣла онъ руководствуется не собствен-

нымъ убѣжденіемъ на счетъ того, что въ данныхъ условіяхъ и въ данное время возможно и необходимо, а дѣйствующимъ регламентомъ, который ничуть не становится болѣе пріятнымъ или удобопріемлемымъ отъ того, что мѣняется каждые 10 или 20 лѣтъ; напротивъ, неизмѣнность какого-либо строя дѣлаетъ его въ нашихъ глазахъ чѣмъ-то въ родѣ непреложнаго порядка, царящаго въ природѣ; перемѣны же, какъ разъ, подчеркиваютъ случайность его и произволь. Не подлежитъ сомнѣнію, что очень многими учителями такое стѣсненіе и чувствуется, какъ тяжелый гнетъ, въ особенности личностями, наиболѣе даровитыми и самостоятельными. Гнетъ этотъ распространяется и на учениковъ; очень болѣзненно это даетъ о себѣ знать на высшей ступени гимназическаго курса, гдѣ довольно уже взрослые воспитанники не могутъ выносить того, что ихъ ведутъ и учатъ все еще такъ же, какъ въ младшихъ классахъ, съ ежедневнымъ задаваніемъ и спрашиваніемъ уроковъ. Результатомъ подобной политики является столь распространенное у насъ раздраженіе противъ школы, которое такъ часто выливается въ горячихъ ей упрекахъ, нерѣдко неосновательныхъ или чрезмѣрныхъ.

Быть-можетъ, мы въ правѣ прибавить здѣсь, что никогда еще ни одно школьное управленіе не относилось къ этому недовольству школой съ такимъ пониманіемъ и съ такою готовностью исправить зло, какъ прусское учебное вѣдомство въ настоящее время. Будемъ надѣяться, что усилія его въ этомъ духѣ увѣнчаются успѣхомъ,—большимъ успѣхомъ, чѣмъ имѣлъ 50 лѣтъ тому назадъ Визе, который приступалъ къ своей дѣятельности съ подобными же

взглядами. Ожидать должнаго успѣха мы можемъ здѣсь въ томъ случаѣ, если энергичная и неуклонная воля сверху встрѣтитъ добрую волю и пониманіе внизу, и прежде всего—среди учителей; со стороны учителей воля къ свободѣ, соединенная съ требовательностью къ себѣ и съ чувствомъ своей отвѣтственности, является необходимой предпосылкой. Если среднія инстанціи, со своей стороны, научатся уважительно и бережно относиться къ каждому серьезно задуманному доброму почину, и если онѣ даже въ случаѣ явной опрометчивости или ошибки будутъ удерживать и поправлять челоуѣка съ должною снисходительностью и мягкостью, тогда мы можемъ надѣяться, что и бюрократизмъ, и отвращеніе къ школѣ исчезнутъ, а мѣсто ихъ займетъ радостная самодѣятельность какъ учителей, такъ и учениковъ.

Правда, идеалу той самоновѣйшей группы литераторовъ изъ педагоговъ, которую можно бы назвать группой анархической, школа не удовлетворитъ и тогда. Никоимъ образомъ она не можетъ безусловно исключить, какъ того требуетъ эта группа, всякое принужденіе, и не только всякое принужденіе, но и всякій твердый внѣшній порядокъ, и всякую обязательную работу: не можетъ она въ основу обученія положить единственно только желаніе ученика въ каждый данный моментъ. Разумѣется, воспитатель и учитель долженъ прислушиваться къ стремленіямъ, таящимся въ душѣ ребенка и ученика, и по возможности итти имъ навстрѣчу. Но это вовсе не значитъ, чтобы онъ не долженъ былъ твердо руководить ученикомъ. И, быть-можетъ, ни за что другое ребенокъ и ученикъ не чувствуетъ большей

благодарности, чѣмъ за твердую направляющую его руку, которая помогаетъ ему мало-по-малу подчинить себѣ свои колеблющіяся еще склонности и влеченія, приобрѣсти волю и выработаться въ личность. Хорошее управленіе нами, о которомъ мы, по Лютеру, молимся въ четвертомъ прошеніи,—вотъ то, въ чемъ юное существо особенно нуждается, и никогда ребенокъ не чувствуетъ себя лучше, чѣмъ при руководителѣ, на котораго онъ вполне полагается. Нельзя, конечно, считать хорошимъ управленіемъ управленіе суровое или педантическое, а тѣмъ менѣе брезгливое или сердитое; нѣтъ, это — такое управленіе, которое твердою и сильною рукой приводитъ къ цѣли, къ той же цѣли, куда и самъ управляемый собственно стремился. Помянутый педагогическій анархизмъ есть просто лишь идущая со стороны чувства реакція противъ крайностей бюрократизма,—реакція, въ свою очередь, нездоровая и переходящая мѣру. И когда, въ духѣ нашей неврастенической эпохи, адепты этого педагогическаго идеала по временамъ впадаютъ въ какое-то неистовое кликушество, то они, совершенно такъ же, какъ и анархисты политическіе, только компрометируютъ стремленія, по существу здоровыя и разумныя. У свободы нѣтъ худшаго врага, чѣмъ анархизмъ.

На ряду съ усиленіемъ государственнаго и свѣтскаго характера школы и преподаванія, второю отличительной чертой въ прошломъ развитіи нашего образованія является — какъ мы отмѣтили — непрерывное распространеніе школьнаго образованія на все болѣе и болѣе широкіе круги населенія или, иначе говоря, прогрессирующая демократизація образованія, идущая рука объ руку съ

возрастающей социализацией попечения о немъ.

Ходъ дѣла съ этой стороны можетъ быть представленъ такого рода общей схемой. Въ средніе вѣка общественныя образовательныя учрежденія имѣлись только для перваго сословія—для духовенства. Согласно этому, и господствующій образовательный идеаль былъ клерикальный. Съ эпохи Возрожденія и Реформациі второе и третье сословія тоже начинаютъ играть здѣсь роль. Путь былъ проложенъ университетами, которые еще во второй половинѣ среднихъ вѣковъ стерли въ извѣстной мѣрѣ съ образованія печать клерикальной связанности; съ конца же этой эпохи дѣло образованія все больше и больше переходитъ въ руки дворянства и городского сословія. Въ XVII и XVIII столѣтіяхъ царитъ аристократическій идеаль образованія, ведущій свое начало съ эпохи Возрожденія: дворянство задаетъ здѣсь тонъ. Съ конца же XVIII вѣка, съ эпохи Просвѣщенія и новогуманизма, гегемонія переходитъ къ буржуазіи. Буржуазія по своему плечу выработала господствующій образовательный идеаль XIX вѣка—идеаль эллиниствующаго гуманизма. Параллельно съ этимъ и болѣе широкіе классы общества получили извѣстный доступъ къ образованію. Умѣнье читать и писать еще съ XVI вѣка стало обращаться въ общее достояніе. Въ XIX вѣкѣ и народная школа мало-по-малу теряетъ старыи чисто церковный характеръ: и въ нее проникаетъ «гуманистически-гражданскій» идеаль. Продолжая мысленно тѣ линіи, по которымъ движеніе шло до сихъ поръ, мы приходимъ къ тому, что XX вѣкъ долженъ принести намъ истинное все-

общее народное образованіе,—образованіе, въ которомъ и четвертое сословіе, т.-е. самая широкая масса населенія, получить полную свою долю. Это и будетъ осуществленіемъ того идеала національнаго образованія, который проповѣдывалъ Фихте и при которомъ нѣтъ мѣста для понятія «простонародье». Конечной цѣлью является при этомъ не всеобщее равенство по степени образованія, а участие всѣхъ членовъ народа, каждаго по мѣрѣ силъ и возможности, въ доступной всѣмъ, единой національной культурѣ.

Отмѣчу здѣсь нѣкоторыя тенденціи, которыя выводятъ движеніе на эту линію. Послѣднее тридцатилѣтіе видимымъ образомъ приблизило насъ, если не къ единой школѣ (Einheitsschule), то къ единой національной школьной системѣ. Ученое и народное образованіе, прежде раздѣленные цѣлою пропастью, теперь начинаютъ между собой сближаться. Гимназія давно перестала быть старой латинской школой, гдѣ съ первой же ступени человѣкъ попадалъ въ царство латыни, и откуда родной языкъ былъ изгнанъ; съ отмѣною латинскаго сочиненія она отказалась, наконецъ, и отъ фикціи, будто ученые до сихъ поръ пишутъ и говорятъ на другомъ языкѣ, чѣмъ народъ. Врачъ, юристъ, пасторъ, учитель, ученый уже не дѣлаютъ, какъ нѣсколько поколѣній тому назадъ, такого вида, якобы они не могутъ обходиться безъ особаго языка, непонятнаго для обыкновенныхъ смертныхъ; остатки такой прикладной латыни всюду исчезаютъ; всѣ въ нашемъ народѣ говорятъ и пишутъ на одномъ и томъ же языкѣ. А за послѣднее время даже въ университетахъ появились такіе студенты, которые совсѣмъ

не знают по-латыни. — Движеніемъ по этой же линіи является и успѣхъ новой реформированной гимназіи. Начало занятій латинскимъ языкомъ, которое прежде приходилось на шестой годъ жизни ребенка, здѣсь передвинуто на двѣнадцатый, что даетъ возможность удобнѣе строиться на общихъ съ другими заведеніями основахъ.

Съ другой стороны, и народная школа идетъ навстрѣчу учебнымъ заведеніямъ гимназическаго типа. Расширеніе ея курса облегчаетъ переходъ изъ нея въ «среднюю» школу ¹⁾ и въ высшую бюргерскую школу, оттуда же, чрезъ Высшее реальное училище, и переходъ въ университетъ. Введеніе въ программу учительскихъ семинарій одного изъ иностранныхъ языковъ связано съ тѣмъ, что, въ виду возрастающей интенсивности всяческаго передвиженія, въ будущемъ предполагается ввести одинъ иностранный языкъ и въ старшіе классы расширенной народной школы. Это имѣетъ существенное значеніе для большихъ городовъ, въ особенности приморскихъ и торговыхъ. Расширеніе курса народной школы, какъ уже было отмѣчено, приближаетъ насъ и къ осуществленію идеи единого учительскаго сословія. Если и въ настоящее время все еще нерѣдко приходится слышать о разстояніи, раздѣляющемъ «семинарски» и «академически» образованныхъ учителей, то все же нельзя сомнѣваться, что за истекшіе сто лѣтъ тѣ и другіе въ смыслѣ образованія значительно приблизились другъ другу. Учителя, выходящіе изъ новыхъ семинарій 1901 г., въ состояніи будутъ предъявить такую солидную научную подготовку,

1) См. стр. 282.

что никакой средней бюргерской школѣ, даже если она, подѣ именемъ реального училища, числится заведеніемъ средне-образовательнымъ, не къ лицу будетъ ихъ стыдиться. Путемъ облегченія для будущихъ народныхъ учителей доступа въ университеты, путемъ организациі для нихъ общихъ со студентами курсовъ и собесѣдованій и, наконецъ, путемъ объединенія всего дѣла въ рукахъ общаго для университетовъ и семинарій высшаго школьнаго совѣта мы можемъ, наконецъ, приблизиться къ желанной цѣли—къ образованію единой національной учительской корпораціи безъ всякихъ въ ней перегородокъ и разрядовъ.

Укажемъ и еще на одну общую тенденцію, которая тоже дѣйствуетъ въ смыслѣ внутренняго уравниванія различныхъ сферъ образованія: на тотъ реализмъ, которымъ проникается все современное воспитаніе, направляясь въ сторону дѣйствительности, труда, активности. Въ высшихъ сферахъ образованія старое эстетически - литературное направленіе, которое сто лѣтъ тому назадъ было господствующимъ и, въ видѣ эллинистскаго классицизма, перешло и въ гимназіи, мало-по-малу утратило прежнее обаяніе. Въ ущербъ міру фантазіи для насъ возросло значеніе дѣйствительности. Надо замѣтить, что и въ самой классической филологіи сказалось то же реалистическое теченіе. Она уже не представляетъ намъ древняго міра въ идеальномъ свѣтѣ: она изслѣдуетъ его, какимъ онъ былъ въ дѣйствительности, и видитъ его со всѣми темными сторонами. Но и повсюду красота облика сильно упала въ цѣнѣ. Нигдѣ, быть-можетъ, это не сказывается съ такою ясностью, какъ въ женскомъ образованіи.

Нарождается новый типъ женщины. Печать старой эстетизирующей сентиментальности и изящной мечтательности съ него уже стерта. Сознательность, твердая воля и серьезная жизненная работа,— вотъ что становится теперь на ихъ мѣсто. Согласно съ этимъ, стали преобразовываться и женскія учебныя заведенія. Литература видитъ себя здѣсь вынужденной подѣлиться прежнимъ своимъ владычествомъ съ науками; къ научному же образованію примыкаетъ подготовка для той или другой области практической дѣятельности. Такая же тенденція давно уже заявляетъ о себѣ и въ мужской школѣ. Наряду съ традиціоннымъ литературнымъ образованіемъ, какъ оно искони давалось въ ученыхъ школахъ, пробилъ себѣ дорогу и реальное образованіе: и нѣтъ сомнѣнія, что въ будущемъ реальная школа будетъ расти за счетъ старой гимназіи. И точно такъ же университеты, которые и сами, надо замѣтить, за истекшее столѣтіе глубоко преобразовались въ духѣ того же реализма, должны теперь считаться съ соперничествомъ высшихъ техническихъ училищъ. Такой же поворотъ, на всѣхъ образовательныхъ ступеняхъ, отъ университета до народной школы, происходитъ и въ самомъ методѣ преподаванія: отъ литературно-книжнаго ученія повсюду переходятъ къ непосредственному наблюденію дѣйствительности и къ развитію умѣнья съ ней обращаться. Въ университетской постановкѣ естественныхъ наукъ и медицины¹ самостоятельная работа и экспериментъ все болѣе вытѣсняють старыя формы преподаванія и ученія при помощи книгъ и лекцій. Тотъ же процессъ совершается и въ низшихъ школахъ и, несомнѣнно, будетъ итти

все дальше. Въ устройствѣ школьныхъ лабораторій и школьныхъ мастерскихъ примѣръ показываютъ Америка и Англія; здѣсь уже въ народной школѣ учениковъ заставляютъ подходить къ самымъ вещамъ для самостоятельнаго наблюденія и самостоятельной работы надъ ними. Послѣдствіемъ такого хода развитія является то, что до извѣстной степени сглаживаются различія въ образованіи; не подлежитъ сомнѣнію, что въ сферѣ реалистически-техническаго образованія различія степеней даютъ себя знать далеко не такъ рѣзко, какъ въ области образованія эстетически-литературнаго. Въ частности, и чванство образованіемъ тоже гораздо чаще встрѣчается на почвѣ эстетизма, книжныхъ и словесныхъ знаній, чѣмъ на почвѣ естественныхъ наукъ и техники: тѣ же люди, которымъ, какъ будто не о чемъ толковать другъ съ другомъ, которые отказываются понимать другъ друга въ отвлеченныхъ разговорахъ, при работѣ сходятся и научаются взаимному уваженію. Подлинная ученая гордыня до сихъ поръ составляетъ привилегію филологовъ. Въ томъ же духѣ вліяетъ и распространеніе физическихъ упражненій и игръ. Когда каждый городъ и каждое село будутъ имѣть площадь для игръ, гдѣ молодежь будетъ встрѣчаться и мѣряться силами, то эта площадь тоже будетъ дѣйствовать, какъ центръ, объединяющій людей, которыхъ старое образованіе разъединило.

Наконецъ, упомянемъ здѣсь еще объ одномъ стремленіи, которое не безъ успѣха проявляетъ себя за послѣднее время,—о стремленіи вновь сблизить народъ съ искусствомъ. Законность его неоспорима. По сути дѣла искусство никогда не должно было бы отры-

ваться отъ народа, ибо оно въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ наука, которая съ извѣстной ступени необходимо становится исключительной, является всеобщимъ языкомъ духа. Само искусство идетъ этому стремленію навстрѣчу. Стоитъ поставить рядомъ Торвальдсена и Константина Мённе, и мы тотчасъ почувствуемъ, насколько даже пластика, столь гордое искусство, стремится приблизиться къ народу: тамъ—изображеніе граціи и игры, взятое изъ міра олимпійскихъ божествъ, здѣсь — изображеніе силы и труда, взятое изъ жизни родного народа и непосредственно понятное каждому. И вотъ мы думаемъ, что все, содѣйствующее оживленію въ народныхъ массахъ любви къ искусству и способности имъ наслаждаться, въ то же время дѣлаетъ менѣ острыми и различія въ образованіи. Всяческаго поощренія заслуживаетъ въ этомъ смыслѣ естественная склонность человѣка копировать формы окружающихъ предметовъ. И если прежде схематически-геометрическое рисованіе нерѣдко приводило даже къ тому, что заглушало эту потребность изображать, вмѣсто того, чтобы ее развить, то отъ новыхъ приѣмовъ обученія, отправляющихся отъ непосредственныхъ зрительныхъ впечатлѣній, мы въ правѣ ждать, что, благодаря имъ, живая охота наблюдать и воспроизводить будетъ дѣйствительно расти и крѣпнуть. Такое рисованіе, включающее, разумѣется, и употребленіе красокъ, будетъ въ то же время оказывать вліяніе и въ смыслѣ помянутаго здороваго реализма. Оно тоже будетъ уводить школу и учениковъ отъ книги къ вещамъ, отъ книжнаго знанія, отъ заучиванья и пересказа уроковъ, къ такому умѣнью, въ которомъ участвуютъ и чувства, и

рука. Не останется оно и безъ практическаго приложенія; напротивъ, въ дальнѣйшей жизни оно найдетъ себѣ примѣненіе въ каждомъ ремеслѣ, въ практикѣ каждаго искусства. При томъ условіи, что занятія имъ будутъ продолжаться и въ профессиональныхъ и въ дополнительныхъ школахъ всякаго рода, это новое рисованіе можетъ получить крупное жизненное значеніе для всѣхъ классовъ народа ¹⁾).

Движенію сверху отвѣчаетъ со стороны нижнихъ слоевъ населенія встрѣчное живое стремленіе вверхъ. Не было времени, когда бы масса населенія проникнута была такою жаждою образованія, какъ теперь. Связано это съ тѣмъ, что не было времени, которое представляло бы каждому столько возможности собственными силами отвоевать себѣ болѣе видное мѣсто въ жизни и болѣе широкое поле дѣятельности. Смѣлый размахъ бодрой, молодой жизни за океаномъ, гдѣ каждой волѣ и каждому дарованію, независимо отъ происхожденія человѣка, открыто свободное поприще для проявленія себя, оживляющимъ образомъ дѣйствуетъ и на Старый свѣтъ: дорога въ Новый открыта вѣдь для каждаго. И дальше, почему бы не возникнуть новому міру и на почвѣ стараго? Могучему рабочему движенію, представляющему собой знаменательнѣйшій фактъ нашего времени, многое можно поставить въ упрекъ: и

¹⁾ Отсылаю читателя къ прекрасной книгѣ Кершенштейнера: *Die Entwicklung der zeichnerischen Begabung* (1905). Авторъ ея, видный мюнхенскій дѣятель въ школьной сферѣ, показываетъ, какъ обученіе рисованію можетъ стать могучимъ орудіемъ для постановки дѣтей лицомъ къ лицу съ реальнымъ міромъ и для развитія производительныхъ силъ страны.

равнодушіе его къ національности (которое, впрочемъ, какъ мнѣ кажется, въ рѣшительную минуту быстро оказалось бы напускною, внушенною извнѣ партійною фразой), и злобность его полемики, и слишкомъ большую легкость въ распоряженіи будущимъ. Но, тѣмъ не менѣе, мы все же въ немъ имѣемъ дѣло съ великимъ прогрессивнымъ явленіемъ. Массы, до сихъ поръ влачившія жалкое существованіе между переносимымъ съ тупою покорностью тяжкимъ трудомъ и грубо чувственнымъ наслажденіемъ, теперь пробудились; въ нихъ зародилась идея будущности, и служенію этой идеѣ спѣшать отдать себя всѣ лучшія ихъ силы. Съ пробужденіемъ массъ возникъ для нихъ и цѣлый міръ живыхъ интересовъ: и природа, и исторія оживаютъ для людей, у которыхъ есть къ нимъ вопросъ,—вопросъ о будущности. Возникла цѣлая обширная литература книгъ и періодическихъ изданій, которая все существующее разсматриваетъ при свѣтѣ этой новой идеи. Литература эта, быть-можетъ, далека отъ научной точности и критической осторожности; быть-можетъ, она нерѣдко значительно удаляется и отъ истины; но одного нельзя у нея отнять: она читается, изучается, усваивается со страстнымъ увлеченіемъ; ей первой удалось обратить массы въ читателей. Несомнѣнно для меня также, что новое рабочее движеніе пробудило въ массахъ и нравственныя силы—самообладаніе и самовоспитаніе, способность отдаваться излюбленному дѣлу и жертвовать ему собой. Хорошо или нѣтъ, осуществимо или неосуществимо дѣло это само по себѣ, но эти нравственныя силы, во всякомъ случаѣ, сохранять свою цѣнность и не пропадутъ даромъ. И здѣсь, быть-можетъ, повторится

старая исторія: отыскивая страну своей мечты, человекъ открываетъ реальный міръ. Быть-можетъ, «Утопіи» социаль-демократической на свѣтѣ и не существуетъ; но если даже поиски ея приведутъ лишь къ тому, что въ наше общество, лѣниво развалившееся на ложѣ могущества и заведеннаго порядка, вольются новые идеалы и свѣжія силы, то однимъ этимъ уже они сослужатъ намъ великую службу.

Итогъ же мой таковъ: нѣтъ другой стороны исторической жизни, которая въ той же мѣрѣ способна была бы наполнять душу радостными надеждами на свѣтлое будущее, какъ исторія образовательныхъ учреждений. При всей превратности внѣшнихъ судебъ народовъ, чрезъ всю эту исторію не угасая проходитъ одна идея, неразрывно связанная съ самымъ назначеніемъ людского рода—идея гуманности. И чѣмъ дальше, тѣмъ полнѣе развертывается она въ смѣнѣ эпохъ и въ многообразіи націй. У тѣхъ же самыхъ народовъ, которые въ соперничествѣ изъза внѣшняго могущества и богатства непримиримо враждуютъ и воюютъ между собой, въ сферѣ образовательной работы идетъ мирное соревнованіе съ радушнымъ взаимнымъ гостепріимствомъ: въ образовательныхъ учрежденіяхъ права гостя такъ же стары, какъ они сами. На этой же почвѣ и между общественными классами, которые въ политической и социальной жизни борются другъ съ другомъ, могутъ установиться согласіе, взаимное пониманіе и взаимное довѣріе; и нѣтъ отраднѣе чувства, чѣмъ надежда, что путемъ такого мирнаго обмѣна благами духовной жизни вновь сблизятся между собой дѣти одного народа, ставшія было чужими другъ для друга.

А идеаль, къ которому должно стремиться истинно національное образованіе, представляется мнѣ такъ. Онъ заключается не въ томъ, чтобы всѣмъ и каждому въ образованіи дана была одна и та же доля: онъ въ томъ, чтобы согласно съ безконечнымъ разнообразіемъ задачъ, силъ и дарованій, вызываемыхъ къ жизни творчествомъ природы, каждая индивидуальность могла свободно развиваться въ свою сторону на почвѣ цѣлостнаго народнаго образованія, которое входило бы само, какъ органическая составная часть, въ образованіе человѣчества. И въ соотвѣтствіи съ этимъ, за идеаль національной организаціи образованія надо признать такой образовательный строй, при которомъ каждому члену націи предоставлялась бы возможность доходить до той степени личнаго развитія и соціальной производительности, до какой только могутъ его поднять его способности и энергія воли.

Важнѣйшія пособія.

ОБЩІЯ СОЧИНЕНІЯ.

K. A. Schmid. Enzyklopädie des gesamten Erziehungs- und Unterrichtswesens. 10 Bde., 2. Aufl., 1876 ff.

W. Rein. Enzyklopädisches Handbuch der Pädagogik, 7 Bde., 1899 ff., 2. Aufl. im Erscheinen.

K. A. Schmid. Geschichte der Erziehung vom Anfang an bis auf unsere Zeit. 5 Bde., 1892 ff.

K. Schmidt. Geschichte der Pädagogik. 4 Bde., 3. Aufl., 1876.

K. v. Raumer. Geschichte der Pädagogik vom Wiederaufblühen klassischer Studien bis auf unsere Zeit. 4 Bde., 5. Aufl., 1877 ff.

Fr. Paulsen. Geschichte des gelehrten Unterrichts vom Ausgang des Mittelalters bis auf die Gegenwart mit besonderer Rücksicht auf den klassischen Unterricht. 2 Bde., 2 Aufl., 1896.

Theobald Ziegler. Geschichte der Pädagogik mit besonderer Rücksicht auf das höhere Unterrichtswesen. 2 Aufl., 1904.

H. Heppе. Geschichte des deutschen Volksschulwesens. 5 Bde., 1858 ff.

K. Kehrbaсh. Monumenta Germaniae Paedagogica. 1886 ff.

R. Vormbaum. Evangelische Schulordnungen. 3 Bde., 1863 ff.

K. Kehr. Geschichte der Methodik des deutschen Volksschulunterrichts. 6 Bde., 1877 ff.

КНИГА ПЕРВАЯ.

F. A. Specht. Geschichte des Unterrichtswesens in Deutschland von den ältesten Zeiten bis Mitte des 13 Jahrhunderts. 1885.

J. Knopper. Das Schul- und Unterrichtswesen im Elsass bis 1530. 1905.

G. Kaufmann. Geschichte der deutschen Universitäten. 2 Bde., 1888 ff.

G. Müller. Vor- und frühreformatorische Schulordnungen und Schulverträge. 1885.

КНИГА ВТОРАЯ.

G. Voigt. Die Wiederbelebung des klassischen Altertums. 2 Bde., 3 Aufl., 1893.

H. J. K ä m m e l. Geschichte des deutschen Schulwesens im Übergang vom Mittelalter zur Neuzeit. 1882.

K. Hartfelder. Melanchthon als Praeceptor Germaniae. 1889.

G. M. Pachtler. Ratio studiorum et institutiones scholasticae Soc. Jesu. 4 Bde., 1887 ff.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

A. Heubaum. Geschichte des deutschen Bildungswesens seit der Mitte des 17 Jahrhunderts. 1 Bd., 1905.

W. Schrader. Geschichte der Friedrichsuniversität zu Halle. 2 Bde., 1894.

K. Rethwisch. Der Staatsminister Frhr. v. Zedlitz und Preussens höheres Schulwesen im Zeitalter Friedrichs des Grossen. 2 Aufl. 1886.

A. Pinloche. Geschichte des Philanthropinismus. Deutsche Bearbeitung von J. Rauschenfels und A. Pinloche. 1896.

A. Harnack. Geschichte der Akademie der Wissenschaften zu Berlin. 4 Bde., 1900 ff.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

W. Lexis. Die deutschen Universitäten. 1893.

Fr. Paulsen. Die deutschen Universitäten und das Universitätsstudium. 1902.

J. F. Neugebauer. Die preussischen Gymnasien und Realschulen. 1835.

L. v. R ö n n e. Das Unterrichtswesen des preussischen Staats. 2 Bde., 1854. (Teil VIII der Verfassung und Verwaltung des preussischen Staats).

L. W i e s e. Das höhere Schulwesen in Preussen. Historisch-statistische Darstellung. 4 Bde., 1864 ff. (4 Band von Irmer, 1904).

L. W i e s e. Verordnungen und Gesetze für die höheren Schulen in Preussen. 2 Bde., 3 Aufl., 1886.

A. B e i e r. Die höheren Schulen in Preussen und ihre Lehrer. 2 Aufl., 1902.

K. S c h n e i d e r und v. B r e m e n. Das Volksschulwesen im preussischen Staat. 3 Bde., 1886 ff.

W. L e x i s. Das Unterrichtswesen im Deutschen Reich. 5 Bde., 1904.

W. L e x i s. Die Reform des höheren Schulwesens in Preussen. 1902.

C. V a r r e n t r a p p. Joh. Schulze und das höhere preussische Unterrichtswesen in seiner Zeit. 1889.

¹ L. W i e s e. Lebenserinnerungen und Amtserfahrungen. 2 Bde., 1886.

L. K e l l n e r. Lebensblätter. 1892.

A. C a r n a p. F. W. Dörpfeld. 1896.

КОМИССІЯ ПО ОРГАНИЗАЦІИ ДОМАШНЯГО ЧТЕНІЯ, СОСТОЯЩАЯ ПРИ УЧЕБНОМЪ ОТДѢЛѢ ОБЩЕСТВА РАСПРОСТРАНЕНІЯ ТЕХНИЧЕСКИХЪ ЗНАНІЙ.

Москва, Маросейка, М. Успенскій пер., домъ № 3. Телеф. 136-27.

Правила для сношеній читателей съ Комиссіей при занятіяхъ по программамъ систематическаго курса.

І. Для отдѣльныхъ лицъ.

1) Читатели могутъ пользоваться руководствомъ при занятіяхъ систематическими программами Комиссіи, обращаясь къ Комиссіи за разъясненіемъ встрѣтившихся при чтеніи недоразумѣній и вопросовъ; на отвѣтъ должна быть *прилагаема почтовая марка*.

2) Желающіе пользоваться указаніями Комиссіи въ означенныхъ предѣлахъ уплачиваютъ по 2 рубля за годичный курсъ по каждому изъ слѣдующихъ семи отдѣловъ: науки математическія, физико-химическія, биологическія, философскія, общественно-юридическія, исторія и исторія литературы. Читатели, выбирающіе какую-либо часть одного изъ перечисленныхъ семи отдѣловъ (напримѣръ, астрономію, общую физиологію, русскую исторію, гражданское право и т. п.), платятъ за руководство по 1 р.

Нормой времени для прохожденія отдѣла принято 4 годичныхъ курса, при чемъ теченіе cadaго годичнаго срока считается съ мѣсяца записи въ число читателей. Читателю, не успѣвшему къ сроку закончить прохожденіе назначенной на 1 годъ части курса и сообщившему въ концѣ годового срока Комиссіи о ходѣ своихъ занятій, срокъ можетъ быть продолженъ безъ новаго взноса.

Примѣчаніе. Лица, не могущія уплачивать означенныхъ взносовъ по недостатку средствъ, могутъ быть освобождаемы отъ платы за пользованіе руководствомъ Комиссіи, по представленіи объясненій о своемъ имущественномъ положеніи.

3) Для большей успѣшности руководства занимающіеся приглашаются сообщать, кромѣ своего имени и адреса ¹⁾, съ обозначеніемъ отдѣла или отдѣловъ, по которымъ они хотятъ заниматься: а) возрастъ, б) какое и гдѣ получили образованіе, в) званіе или сословное положеніе, д) главное занятіе, е) знаютъ ли иностранные языки и какіе и проч.

4) Комиссія предлагаетъ лицамъ, занимающимся подъ ея руководствомъ, слѣдующія льготныя условія по пріобрѣтенію книгъ чрезъ ея посредство:

а) Комиссія принимаетъ на себя порученія по покупкѣ всѣхъ книгъ, указанныхъ въ Программахъ (какъ необходимыхъ, такъ и рекомендуемыхъ и справочныхъ) и находящихся въ продажѣ, съ уплатой *въ разсрочку*. При покупкѣ книгъ, отмѣченныхъ въ Программахъ звѣздочкой, нужно высылать при заказѣ не менѣе 30% ихъ стоимости, а при покупкѣ прочихъ—не менѣе 80%. При этомъ читатели пользуются уступкой съ номинальной стоимости книгъ въ такомъ размѣрѣ, какой условленъ Комиссіей съ различными книгопродавцами (московскіе читатели—не болѣе 10%).

б) Книги, отмѣченныя въ Программахъ звѣздочкой, читатели могутъ возвращать по мнпованіи надобности, *получая обратно* стоимость книгъ, за вычетомъ по 5% съ ихъ *номинальной цѣны* за каждый мѣсяцъ, въ теченіе котораго книга находилась у читателя; такимъ образомъ, книга, стоющая 1 рубль, по истеченіи мѣсяца со дня полученія ея читателемъ принимается обратно за 95 коп., по истеченіи 2 мѣс.—за 90 коп. и т. д. По истеченіи 20 мѣсяцевъ книга обратно не принимается.

в) По желанію книги могутъ быть высылаемы въ переплетѣхъ; стоимость переплетовъ—20 или 25 коп. При выпискѣ книгъ необходимо отмѣчать, какія должны быть въ переплетѣхъ. *Съ правомъ обратнаго возвращенія высылаются только переплетенныя книги.*

Примѣчаніе. Теченіе сроковъ начинается съ 1 и 15 чиселъ, слѣдующихъ за высылкой книгъ читателямъ. *Всѣ почтовые расходы по пересылкѣ книгъ должны быть оплачиваемы читателями.* Книги должны быть возвращаемы назадъ въ полной исправности и безъ помарокъ, съ указаніемъ фамиліи и адреса лица, которое возвращаетъ книги.

¹⁾ Въ случаѣ *перемѣны мѣста жительства* нужно немедленно сообщать Комиссіи новый адресъ.

5) Въ промежутокъ отъ 15 мая до 15 сентября прекращаются письменныя сношения Комиссии съ читателями, касающіяся руководства занятіями, всякаго рода разъясненія и т. п. Прочія же сношенія (записи въ число читателей, высылка книгъ, получеше ихъ отъ читателей обратно и т. п.) продолаются *круглыя годъ*.

6) Черезъ посредство Комиссии читатели могутъ приобретать лишь книги, указанныя въ Программахъ того курса (а московскіе читатели — того курса и отдѣла), на руководство по которому они записались.

II. Для группы

Независимо отъ изложеннаго порядка содѣйствія со стороны Комиссии по приобретению книгъ читателями, Комиссія находитъ возможнымъ, для удобства и въ интересахъ занимающихся подъ ея руководствомъ лицъ, составлять и высылать имъ тотъ или другой подборъ указанныхъ въ ея Программахъ книгъ на слѣдующихъ установленныхъ условіяхъ.

1) Книги выбираются или по усмотрѣнію Комиссии, или по желанію занимающихся подъ ея руководствомъ читателей. Въ послѣднемъ случаѣ Комиссія оставляетъ за собой право ограниченія такого выбора.

2) Книги отпускаются и обратно принимаются Комиссіею не иначе, какъ безъ помарокъ и переплетенными.

3) Книги высылаются по требованію не отдѣльнаго лица, а лишь группы лицъ, занимающихся (хотя бы и по различнымъ отдѣламъ) подъ руководствомъ Комиссии, которая въ сношеніяхъ съ означенной группой ведетъ черезъ одно лицо, входящее въ составъ группы и несущее всю отвѣтственность за группу въ ея обязательствахъ предъ Комиссіею.

4) Всѣ расходы по пересылкѣ книгъ означенная группа принимаетъ на себя.

5) Высылаемые Комиссіею книги считаются купленными поименно известными ей читателями, составляющими группу, при гонкѣ читатели уплачиваютъ 20% номинальной стоимости книгъ въ видѣ задатка.

6) Книги могутъ быть возвращены Комиссіею, которая обязывается въ этомъ случаѣ вернуть задатокъ, удерживая изъ него лишь то, что причтетъ за книги испорченныя или невозвращенныя и, сверхъ того, за каждый мѣсяцъ пользования 2% съ общаго номинальной стоимости забранныхъ книгъ въ погашеніе расходовъ Комиссии. Сумму, превышающую размѣръ задатка, лица, пользовавшіяся книгами, обязаны уплатить Комиссіею.

7) Удерживать книги разрѣшается не долѣе 6 мѣсяцевъ со дня ихъ полученія, при чемъ, однако, лица, желающія пользоваться ими болѣе продолжительное время, могутъ ходатайствовать объ этомъ предъ Комиссіею. Въ противномъ случаѣ книги считаются окончательно купленными, и лица, удержавшія ихъ для себя, должны немедленно же по истеченіи означенныхъ 6 мѣсяцевъ пользования ими произвести окончательный расчетъ съ Комиссіею, при чемъ Комиссія дѣлаетъ съ номинальной стоимости книгъ ту скидку, какая условлена съ книжными магазинами, доставляющими книги.

Издавъ четыре выпуска программъ для четырехгодичнаго систематическаго курса наукъ, Комиссія намѣрена выпускать серію эпизодическихъ программъ по отдѣльнымъ вопросамъ различныхъ наукъ съ цѣлью руководства занятіями по этимъ программамъ. Желающие пользоваться руководствомъ по какой либо эпизодической программѣ уведомляютъ о томъ Комиссію по означенному выше адресу, сообщая 1) свою фамилию, имя и отчество, 2) точный адресъ, 3) возрастъ, 4) родъ занятій, 5) мѣсто окончанія или прохожденія учебнаго курса или степень домашней подготовки. По полученіи отъ Комиссии извѣщенія, что руководство для нихъ открыто, они вносятъ плату за руководство въ размѣрѣ, указанномъ особо для каждой программы (отъ 1 р. до 5 р.), и затѣмъ благоволятъ присылать въ Комиссію письменныя работы на предложенныя въ программѣ темы для отзѣва въ указанномъ въ программѣ порядкѣ, а равно и отдѣльные запросы въ связи съ занятіями по этимъ темамъ. По полученіи первой работы, Комиссія оставляетъ за собой право измѣнить планъ и порядокъ занятій, намѣченныхъ въ программѣ примѣнительно къ обнаруженному въ работѣ степени подготовленности. При несогласіи подписчика на это измѣненіе внесенная имъ плата подлежитъ возвращенію. При каждомъ запросѣ и работѣ прилагается на отвѣтъ 7 коп. марка. Дальнѣйшія подробности о ходѣ руководства означены особо для каждой программы въ концѣ листа.

Желающие подписчики могутъ получать черезъ посредство Комиссии указанныя въ программахъ книги по номинальной ихъ стоимости, оплачивая почтовые расходы по ихъ пересылкѣ. Книги могутъ быть возвращены въ Комиссію, при чемъ въ мѣсячное пользованіе удерживается 5% съ номинальной стоимости книги.